МОЗГОВОЙ

РАЖЖИЖ

поэзия и проза фуистов

БИБЛИОТЕКА АВАНГАРДА

XLI

Salamandra P.V.V.

Мозговой ражжиж: Поэзия и проза фуистов.

Сост., подг. текстов, предисл. и комм. С. Шаргородского. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2021. — 242 с., илл. — (Библиотека авангарда. Вып. XLI).

Фуисты, просуществовавшие три года (1921-1923), остались в истории литературы «тихими скандалистами». Избегая публичных выступлений, Б. Перелешин, Б. Несмелов, Н. Лепок и А. Ракитников публиковали в эти годы сборники стихов и поэм с вызывающими заглавиями «Мозговой ражжиж», «Родить мужчинам», «Бельма Салара», сопровождая их задиристыми декларациями.

В настоящем издании впервые полностью воспроизведены все книги, касающиеся деятельности фуистов. Приведены несобранные стихотворения Б. Несмелова и его статья о «фонетических романах» А. Крученых, а также фантастические рассказы и авантюрно-приключенческий роман Б. Перелешина «Заговор Мурман-Памир». В предисловии составителя освещена история группы фуистов и судьбы ее участников.

ПРЕДИСЛОВИЕ

МОЗГОВОЙ РАЖЖИЖ, ИЛИ КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ФУИЗМА

История фуизма исчерпывается тремя годами (1921-1923) и, если подходить к вопросу строго, тремя именами — Николай Лепок, Борис Несмелов, Борис Перелешин. На пестром фоне литературных группировок, «кафейных» выступлений и эстрадных баталий начала 1920-х гг. группа фуистов сумела выделиться лишь вызывающим названием, не то обыгрывавшим обсценное созвучие, не то намекавшим на французское «fou» — безумец, сумасшедший, помешанный, сумасброд, шут (что в русской практике эквивалентно юродивому)[1].

Впрочем, площадные действа фуисты отрицали. В предисловии-манифесте к сборнику *Диалектика сегодня* (1923) Б. Перелешин не без гордости и брезгливости писал:

Ни зги на российских эстрадах, продавленных копытами всевозможных имажинистов.
Каменная пустыня достиховья.
И —
д в о е.
Без фальшивого мандата на контакт с миром.
Без вывесочного афиширования себя[2].

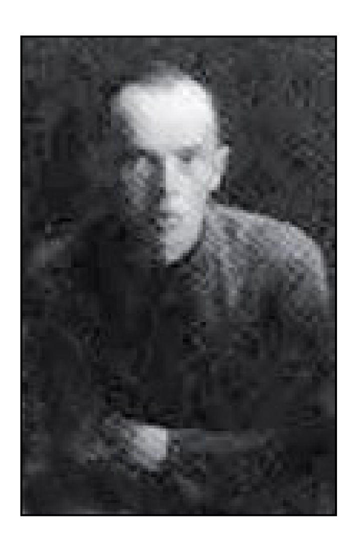
Сравнительная неизвестность группы объясняется также редкостью фуистических изданий: библиофильское описание их, принадлежащее перу видного и знающего собирателя и литературоведа, пестрит такими определениями, как «книга в принципе довольно редкая», «встречается довольно редко», «книга крайне редкая: ни одного экземпляра в частных руках, кроме своего, я не знаю» и «книга весьма редкая. Я видел ее в продаже единственный раз в жизни на каком-то из аукционов-однодневок и там же приобрел» (Lucas 2020). Последние два относятся, соответственно, к сборнику Б. Перелешина *Бельма Салара* (1923) и поэме Б. Несмелова *Родить мужчинам* (1923). К слову, и сами фуисты (к примеру, в сборнике *Диалектика сегодня*), перечисляли свои книги под шапкой «Библиографические редкости».

---

[1] А. Соболев добавляет еще одну версию: «политическая новость начала 1920-х годов — успехи китайской правой партии аньфуистов — занятно звучащее для отечественного уха название могло пустить такие причудливые корни» (Lucas 2020). От себя добавим, что «Le Fou» — первая (0) либо последняя (21) карта старших арканов Таро, что в данном случае могло иметь значение.

[2] Н. Лепок, Б. Перелешин. Диалектика сегодня: Поэмы. М., 1923. С. 7.

История фуизма, как уже указывалось исследователями, восходит к Томску, где впервые пересеклись жизненные пути Б. Несмелова, Б. Перелешина и А. Ракитникова.



Б. Несмелов. С групповой фотографии сотрудников газ. «Знамя революции»

Согласно биографическим изысканиям В. Окулова и А. Соболева[3], Борис Константинович Несмелов, вероятно, был сыном преподавателя Томского духовного училища, педагогических курсов и женской гимназии К. А. Несмелова и окончил в 1916 г. Томскую духовную семинарию. С весны 1916 г. печатал стихи в местной газете *Сибирская жизнь* (Крусанов 2003:412) и был отмечен Н. Чужаком-Насимовичем: «В Западной Сибири выделяются в это время новые поэты Оленич-Гнененко, Борис Несмелов, Кондратий Худяков и др. Всем им присуще чутье “сибирского”» (Чужак 1922:68). В 1920 году поэт работал в редакции газеты *Знамя революции*, причем, как ценный сотрудник (корректор), получал на этой должности лишь немногим менее главного редактора.

Стихотворение Несмелова «Покрыта обувь наша пылью…», опубликованное в 1919 г. в журнале *Сибирский рассвет*, заслужило почти 70 лет спустя следующий отзыв литературоведа В. Трушкина:

Сознательное стремление забыться, уйти любой ценой от соприкосновения с неприглядной колчаковской действительностью у ряда поэтов «Сибирского рассвета» отзывается душевным надломом, проповедью пассивности и смирения, какой-то мертвящей апатией, параличом воли. Так, к при-

[3] https://fantlab.ru/blogarticle33246; Lucas 2020.

меру, седьмой номер журнала открывался стихотворением Бориса Несмелова «Покрыта обувь наша пылью земных безрадостных дорог», в котором говорилось о бесцельности людских усилий и борьбы, ибо, по мнению автора, все наши стремления к лучшему не что иное, как только «мираж». Основной лейтмотив стихотворения выражен в словах: «Уснуть... Уснуть... Мы так устали идти, искать, гореть и жить» (Трушкин 1985:441-442).

Упоминался Борис Несмелов и в одной из статей Л. Мартынова (1975), перепутавшего его с ведущим поэтом «русского Китая» Арсением Несмеловым (Митропольским); как известно, Арсений Несмелов использовал в качестве псевдонима фамилию погибшего друга (Несмелов 1995:228). На основе этих разрозненных упоминаний на свет появился химерический гибрид — «друг А. Митропольского, убитый под Тюменью <...> поэт-белогвардеец Борис Несмелов» (Трусова 2000:59).

Не в пример лучше известна биография Б. Перелешина; касающиеся его документы из Томского государственного архива были не так давно опубликованы О. Никиенко (ГАТО. Ф. 815. Оп. 5. Д. 425, см. Никиенко 2018).

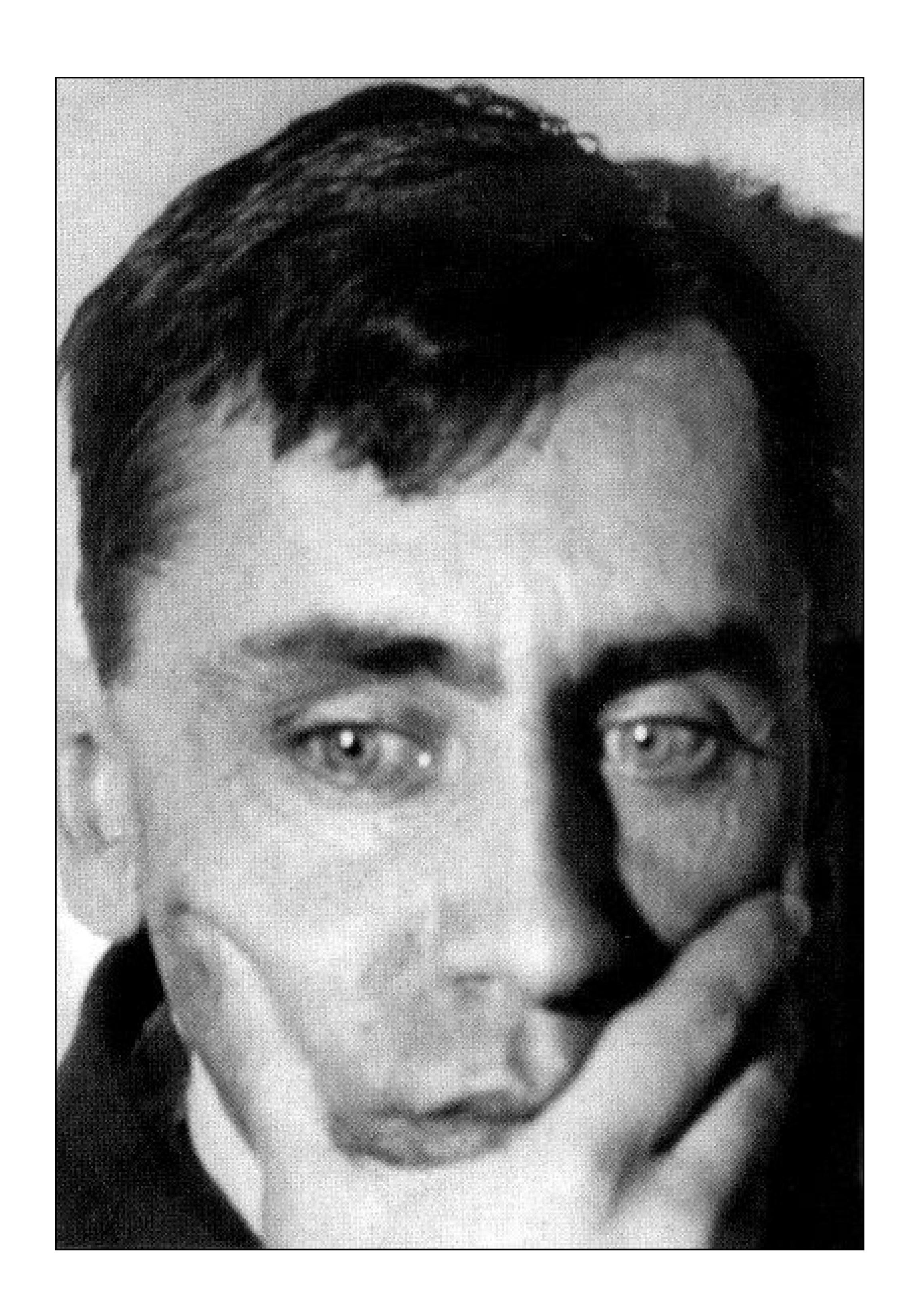
Борис Николаевич Перелешин родился в Москве 27 сентября 1896 г. в семье столоначальника Казенной палаты Николая Васильевича Перелешина и его жены Евгении Осиповны. Позднее семья перебралась в Полтаву — где отец поэта, статский советник, выпустил в 1913 г. *Краткий курс подготовительной школы на должность урядников уездной полицейской стражи Полтавской губернии* (Lucas 2020).

В августе 1915 г. Перелешин окончил полный восьмиклассный курс Полтавской гимназии и 3 августа 1915 г. поступил на историко-филологический факультет Петроградского университета. Весной 1916 г. был призван на военную службу.

В апреле 1918 г. Перелешин, в звании прапорщика, оказался в Томске и 2 августа был комиссован врачами Эвакуационного госпиталя. В октябре 1918 г. был зачислен на историко-филологический факультет Томского университета.

Не позднее 1 марта 1920 г. Б. Перелешин был назначен помощником завотдела искусств (Хроника 2019:26), в том же году читал лекции по стиховедению в литературной студии местного Пролеткульта (Крусанов 2003:412). Первые сведения о его контактах с будущими фуистами Б. Несмеловым и Александром Ракитниковым относятся к середине июня 1920 г., когда все три поэта выступили на диспуте о футуризме и пролетарском искусстве в Театре музыкальной комедии (Хроника 2019:46).

Месяц спустя Перелешин подал прошение о «выдаче ему всех документов и справок о прохождении курса для предоставления в Московский университет» (Никиенко 2018). Возможно, он все же дождался в Томске выхода альманаха *Четвертый год* (1921), где его стихи соседствовали с произ-



Б. Перелешин. Фот. И. Ильфа

ведениями Несмелова и Николая Тихомирова. К. Молотов[4], автор предисловия, представил молодых поэтов публике как «стремящихся преломить в своей личности гигантское коллективное сознание рабочего класса».

В цикле Б. Несмелова «Четвертый год», давшем заглавие альманаху, любопытно прозвучали «биокосмические» мотивы:

Когда-то бывшие соседями медведям
в пещерной мгле,
мы — день придет — на Сириус поедем
на управляемой Земле.

Рецензент только что возникшего журнала *Сибирские огни* В. Шанявец, однако, был более впечатлен Перелешиным:

Наиболее ярки стихи Б. Перелешина. В отрывке из поэмы «Очарование Зимы» есть удачные и легкие образы <...> во всем отрывке <...> чувствуется поэтический революционный пафос. Он же чувствуется и в стихотворении «Под молотом», где даны попытки нащупать ритм коллективистического ощущения труда, машин. Жаль, что это дается вообще. Искусство должно претворять действительность, от нее исходить, образ должен быть индивидуально-конкретным. Пусть автор глубже и глубже вгрызается в действительность своими поэтическими щупальцами, тогда из нее и брызнет ярче и пламеннее кровь живых волнующих образов (Шанявец 1922:164).

Вскоре Б. Перелешин и А. Ракитников[5] отправились завоевывать Москву. Неизвестно, последовал ли за ними Б. Несмелов. Возможно, он по примеру К. Молотова уехал в Крым: во всяком случае, в 1922 г. его стихотворения «Глаза ребенка-морфинистки...» и «К оружию: — не умолкала Марсельеза...» были напечатаны в Симферополе в крымиздатовском *Южном альманахе* (в почтенном и лестном соседстве: В. Вересаев, М. Волошин, В. Короленко, Б. Пастернак, С. Сергеев-Ценский, С. Федорченко и др.).

---

[4] Биографические сведения о Н. Тихомирове отсутствуют. К. М. Молотов (1894 – после 1946) — революционер, партийный деятель, участник Гражданской войны в Сибири. В 1920-1921 гг. ответственный редактор газеты *Знамя революции*, заведующий агитационно-пропагандистским отделом Томского губкома партии и член президиума губбюро. В 1921-1922 гг. редактировал областную газету в Симферополе, заведовал Крымистпартом. Позднее работал в институте им. Сталина в Москве, вел научную и партийно-пропагандистскую работу. В 1938 г. был арестован и приговорен к 8 годам ИТЛ. Судьба его после освобождения в 1946 г. неизвестна.

[5] А. Н. Ракитников (? – 1974) — впоследствии журналист, очеркист, писатель-юморист, автор кн. *Галифе* (1926), *Уездные россказни* (1927), *Записки ответственного съемщика* (1928), *Глиняный квартал* (1931), брошюр о героях труда и т. п.

Что же касается новоявленных москвичей, то на первых порах их достижения были скромными: статья Перелешина «Об индустриальных ритмах пролетарской поэзии» во втором номере журнала московского Пролеткульта *Твори!* и сборник *А*, в котором принял участие зачинатель «русского экспрессионизма» И. Соколов[6].

Внешне сборник близко напоминал брошюрки Соколова. Место и год издания этой крошечной книжечки, в которой сниженные и зачастую физиологические образы Перелешина и Ракитникова соседствовали с апокалиптикой Соколова, были означены оригинально: «0,21 XX века. Р. С. Ф. С. Р.». Как справедливо отмечает исследователь, к моменту выпуска *Четвертого года* и *А* «самого термина “фуизм” еще не существовало: он появится только в следующем издании, так что ни Тихомиров, ни Соколов, например, никогда больше не участвовавшие в совместных проектах с Перелешиным, фуистами себя не называли и считаться ими не могут» (Lucas 2020). В равной степени, Перелешин и Ракитников никогда официально не примыкали к экспрессионизму.

Первой собственно фуистической книгой стал сборник Перелешина и Н. Лепока *Мозговой ражжиж* (1921). О Николае Лепоке, соратнике Б. Перелешина по фуистическим изданиям, не имеется почти никаких сведений[7]. Рецензируя недавние поэтические издания, С. Бобров отозвался на сборник несколькими сочувственными фразами, сближая фуистов с «Центрифугой»:

<…> Лепок, Перелешин отходят от авторов Центрифуги, опять-таки выбирая оттуда самое тяжелое и самое трудно-воспринимаемое, хоть иной раз счастливо выползают из-под своих канонов. Лепок вставляет в излюбленную им форму пейзаж и делает это недурно (Бик 1922:301).

Год издания был обозначен на книжке отсылкой к гоголевским *Запискам сумасшедшего*: «Мартобря год первый». «Мартобря» брошено здесь противникам и призвано подчеркнуть *здравомыслие* фуистов, да и «ражжиж» в их понимании отнюдь не означал «размягчение мозгов», гидроцефалию или кретинизм, как хотелось бы иным ретивым авторам, но напротив — животворное орошение литературной пустыни. Как утверждал Перелешин в предисловии к книге *Бельма Салара* (1923), «в холодной Мо-

---

[6] И. В. Соколов (1902-1974) — теоретик и практик «русского экспрессионизма», скандальный участник поэтических вечеров начала 1920-х гг., впоследствии теоретик театра, кинокритик и киновед. См. о нем: Соколов И. Бунт экспрессиониста: Стихи и манифесты. Б.м.: Salamandra P.V.V., 2017.

[7] Возможно, это псевдоним равно безвестного Н. Л. Копеля (Крусанов 2003:791); согласно Здобнов 1927:32, Лепок был «уроженцем Дальнего Востока».

сковии, вместо всеобщей равной и явной мозговой засухи, мы — оказывается — всерьез и надолго утверждаем поступь мозгового ражжижа».

В скором времени в малолюдном стане фуистов не замедлил произойти раскол: А. Ракитников отошел от группы и уехал из Москвы. В 1923 г. Перелешин посвятил ему *Бельма Салара*; но Ракитников, увидев в изданиях фуистов анонс своей книги *Биения плоти*, счел нужным публично отмежеваться от фуистов:

Ввиду того, что группа поэтов (фуистов) неизменно помещает мою фамилию на обложках своих книг (Диалектика сегодня, Бельма Салара и др.), заявляю, что вскоре по возникновении таковой я из нее вышел по причинам идеологических разногласий.

К этому должен добавить, что более чем годичное отсутствие из г. Москвы не позволяло мне сделать этого заявления раньше[8].

Бельма, тоненькая книжечка небезынтересных «белых» туркестанских стихов, были одной из трех книг, выпущенных фуистами в апреле 1923 г. после затянувшегося периода молчания. Две другие — *Диалектика сегодня* Лепока и Перелешина и *Родить мужчинам* Б. Несмелова — были отпечатаны тем же заявленным тиражом в 500 нумерованных экземпляров и в той же типографии ГПУ. В *Диалектике* Перелешин смело провозгласил фуистов «единственными несущими на своих лицах разлив нового мира» и заявил: «Да будет стадия всеевропейского обезумления трамплином нового прыжка».

Поэтический и научно-фантастический «сюжет» поэмы Несмелова *Родить мужчинам* кажется в нынешнюю эпоху трансгендерности поразительно актуальным (см. по этому поводу также Lucas 2020). «Фантазия, — замечает В. Терехина, — питает <…> парадоксальную образность, начиная от заглавия поэмы — “Родить мужчинам” (1923), до отдельных тропов поэмы, связанных с известным стихотворением Давида Бурлюка “Мне нравится беременный мужчина…” и образом “футуриста Мафарки” Ф.-Т. Маринетти» (Терехина 2006:25).

Несмелов вдохновлялся не только предшественниками-футуристами: в поэме, словно в творениях биокосмистов, мелькают отсылки к Эйнштейну, Кюри, популярным и модным в 1920-е гг. работам биологов и медиков Н. Кольцова, Э. Штейнаха, С. Воронова, федоровские мотивы воскрешения умерших, крылатые люди и т. д.

Но и подобная тематика не подкупила всегда чуткого к научным веяниям В. Брюсова. Мэтр не нашел ни в одной из трех книг ни малейших достоинств и предпочел расправиться с фуистами скопом:

---

[8] Правда. 1923. № 117, 30 мая. С. 6. Цит. по Крусанов 2003:413.

На «левом фронте» нашей поэзии выступили еще некие «фуисты». Какую им там отведут позицию, не знаю, но пока о фуистах рассуждать не стоит. Все три выступивших автора, *Борис Перелешин*, *Борис Несмелов* и *Николай Лепок*, прежде всего — слабые стихотворцы. Этакие левые стихи может сочинить любой нео-акмеист, если захочет <...>

Предисловия фуистов, предупредительно предпосланные каждой брошюрка, точь-в-точь напоминают ранние манифесты футуристов, писанные 12-13 лет тому назад. Неужели с тех пор ничего не изменилось?[9]

Любопытно отметить, что в итоговом сборнике ничевока Р. Рока *Сорок сороков* (1923) все три книги фуистов 1923 г. объявлены как «печатающиеся» издания книгоиздательства ничевоков «Хобо»[10], однако другими свидетельствами связей между группами фуистов и ничевоков мы не располагаем. Обе они в 1923 г. прекратили свое существование.

Борис Перелешин опубликовал в 1924 г. в журнале *Борьба миров* авантюрно-приключенческий роман *Заговор Мурман-Памир*, не лишенный научно-фантастического уклона, позднее печатал рассказы в журнале *Смена*. Став сотрудником и фельетонистом газеты *Гудок*, он подружился с И. Ильфом и Е. Петровым (в *Двенадцати стульях* в честь его назван Перелешинский переулок в вымышленном Старгороде)[11]. Был он также дружен с А. Крученых — так, в *Ирониаде* последнего читаем в главке «Ирина больна» (Крученых 1930:11):

Ты воистину потеряла
руки и голос,
и шепчешь бессловесные
просьбы
— Скажите номер телефона
Бориса Перелёшина! —

Близок к Крученых был и Б. Несмелов, написавший в 1925 г. статью о поэте; Крученых опубликовал ее как предисловие к своей книге *Четыре фонетических романа* (1927). Дальнейшие сведения о судьбе Несмелова не выявлены, хотя существует предположение, что он мог являться автором книги *Рыбы и рыболовство Ленинградской области и Карелии* (1932).

---

[9] Брюсов В. Среди стихов // Печать и революция. 1923. Кн. 6. С. 68; см. также Брюсов 1990: 645-646.

[10] Рок Р. Сорок сороков: Диалектические поэмы ничевоком содеянные. М., 1923. 3-я с. обл. Книги *Диалектика сегодня*, *Бельма Салара* и *Родить мужчинам* были при этом заявлены именно как произведения фуистов. Возможно, этот момент был как-то связан с типографским заказом: книга Рока была отпечатана в той же типографии ГПУ.

[11] О Перелешине в редакции *Гудка* см. Штих 1963:93, 99-100.

Б. Перелешин (крайний справа) рядом с И. Ильфом в редакции газеты «Гудок» (1925)[12]

В мае 1938 г. был арестован и в сентябре расстрелян на полигоне «Коммунарка» под Москвой брат Б. Перелешина Лев Николаевич (1892-1938), старший ревизор Главтабака Наркомата пищевой промышленности СССР. Борис Перелешин, также репрессированный, согласно воспоминаниям солагерников находился в 1938 г. в пересыльном пункте под Владивостоком одновременно с О. Мандельштамом и умер от болезни в лагере на Колыме (Нерлер 2015:157). Точная дата его смерти остается невыясненной[13].

*

Несмотря на относительную малоизвестность фуистов, нельзя сказать, что они были вовсе обойдены вниманием исследователей. Еще в 1924 г. упо-

[12] Как указывает А. И. Ильф, к этой фотографии, сохранившейся в альбоме А. Крученых, посвященном Ю. Олеше, Ильф приписал: «Перелешин, гений-самоучка, одиночка» (Петров 2001:103).
[13] В цитируемой кн. П. Нерлера — «ок. 1938» (Нерлер 2001:158).

мянутая выше декларация Б. Перелешина из сборника *Диалектика сегодня* была включена в составленную Н. Бродским и Н. Сидоровым антологию литературных манифестов *От символизма до «Октября»* (Манифесты 1924:255-256)[14]. К изучению творчества фуистов первым, насколько нам известно, обратился В. Марков в статье *Expressionism in Russia* (Markov 1971, русский пер. Марков 2000). Фуистов американский исследователь рассматривал как переходное звено между «имажинистским» экспрессионизмом И. Соколова, Б. Земенкова и ничевоков и экспрессионизмом «центрифугистским»: «Фуизм <...> ознаменовал переход к экспрессионизму "Центрифуги"» (Марков 2000:548-549).

«Их теории в том виде, в каком они представлены во вступительных заметках к каждому из сборников, хотя и усложнены привнесенной азиатчиной, явно свидетельствуют о застое и разброде, — заключал Марков. — Несмотря на слабость теории, кое-что в поэзии фуистов может вознаградить не только исследователя, но и рядового читателя. Их рифмы и в некоторой мере поэтический синтаксис определенно заслуживают внимания» (Марков, там же).

А. Крусанов уделил фуистам менее двух страниц своего несравненного *Русского авангарда*, подчеркивая главным образом «принципиальный антирационализм» группы (Крусанов 2003:412-413), однако тщательно проследил историю публикаций фуистов и отклики на них. На рубеже 2000-х гг. к фуистам, в рамках исследования «русского экспрессионизма», также обратилась В. Терехина; в ее диссертации и других работах была отмечена «неконструктивность» фуистов, их отстаивание «права поэтов на интуицию и своеволие в творчестве», «рассказ о себе» (Терехина 2016:11, см. также Терехина 2006 и пр.). Основной массив поэтических сочинений фуистов был представлен в составленной Терехиной антологии *Русский экспрессионизм* (Экспрессионизм 2005). Наконец, в 2013 г. издательством Salamandra P.V.V. был переиздан роман Б. Перелешина *Заговор Мурман-Памир*.

[14] Манифесты фуистов, биокосмистов, ничевоков, люминистов и прочих малых поэтических групп, как и, к примеру, «Серапионовых братьев», пять лет спустя были исключены из аналогичного сборника *Литературные манифесты: От символизма к Октябрю* (М., 1929).

Библиография

Бик 1922 — Бик Э. П. <Бобров С. П.>. [Рецензия] // Печать и революция. 1922. Кн. 1. С. 299-301.

Брюсов 1990 — Брюсов В. Среди стихов: 1894-1924. Манифесты, статьи, рецензии. М., 1990.

Век 2018 — Век с любимой газетой. Томск, 2018.

Здобнов 1927 — Здобнов Н. В. Материалы для сибирского словаря писателей: (Предварительный список поэтов, беллетристов, драматургов и критиков). М., 1927.

Крусанов 2003 — Крусанов А. В. Русский авангард: Исторический обзор. Т. 2: Футуристическая революция (1917-1921). Кн. 1. М., 2003.

Крученых 1930 — Крученых А. Ирониада. М.: Изд. авт., 1930.

Манифесты 1924 — От символизма до «Октября»: Литературные манифесты. I. Россия. М., 1924.

Марков 2000 — Марков В. Экспрессионизм в России // Поэзия и живопись: Сб. трудов памяти Н. И. Харджиева. М., 2000. С. 541-556.

Нерлер 2015 — Нерлер П. Осип Мандельштам и его солагерники. М., 2015.

Несмелов 1995 — Несмелов А. О себе и о Владивостоке: Воспоминания // Рубеж: Тихоокеанский альманах. 1995. № 2.

Никиенко 2018 — Никиенко О. Классик русского авангарда Борис Перелешин // Начало века. 2018. № 4.

Петров 2001 — Петров Е. Мой друг Ильф. М., 2001.

Терехина 2006 — Терехина В. Н. Экспрессионизм в русской литературе первой трети XX века: Генезис. Историко-культурный контекст. Поэтика. Автореферат диссертации... М., 2006.

Терехина 2016 — Терехина В. Н. Экспрессионизм в России: Факты и суждения // Вестник литературного института им. А. М. Горького. 2016. № 1. С. 6-16.

Трусова 2000 — Трусова И. С. Арсений Несмелов: Поэтическая биография. Диссертация ... кандидата филологических наук. Владивосток, 2000.

Трушкин 1985 — Трушкин В. П. Пути и судьбы: Литературная жизнь Сибири 1900-1920 гг. Иркутск, 1985.

Хроника 2019 — Бычкова Т. А., Тюрина И. П., Исаева Л. Ю. Хроника художественной жизни Томска: 1920-1926. Томск, 2019.

Чужак 1922 — Чужак Н. Сибирский мотив в поэзии: (От Бальдауфа до наших дней). Чита, 1922.

Шанявец 1922 — Шанявец В. Сибирские поэты революции // Сибирские огни. 1922. № 1. С. 162-166.

Штих 1963 — Штих М. В старом «Гудке» // Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове. М., 1963. С. 93-106.

Экспрессионизм 2005 — Русский экспрессионизм: Теория. Практика. Критика. М., 2005.

Lucas 2020 — Lucas_v_leyden. Маргиналии собирателя: Фуисты. https://lucas-v-leyden.livejournal.com/302260.html.

Markov 1971 — Markov V. Expressionism in Russia // California Slavic Studies. 1971. Vol. VI. P. 145-160.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД

(I92I)

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД

СТИХИ

БОРИСА ПЕРЕЛЕШИНА
НИКОЛАЯ ТИХОМИРОВА
БОРИСА НЕСМЕЛОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

КОНСТ. МОЛОТОВА

Государственное Издательство
ТОМСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Томск—1921

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Русские рабочие грандиознейшей перестройкой экономической жизни в сторону полного уничтожения господства частной собственности открыли для человечества новую эпоху и в области идеологической надстройки — науки и искусства. Творческая энергия рабочего класса, выявляющаяся с необычайной силой в создании экономических условий социализма, должна проявиться с неменьшей силой и в новых художественных достижениях, изумительных по своей форме и содержанию произведениях искусства.

Мы еще только вступаем в великую эпоху пролетарского творчества, и потому для нас теперь ценна каждая новая капля в будущий полный кубок искрящегося вина молодого искусства.

Мы присутствуем при умирании индивидуалистического мира. Стираются резкие грани замкнутой, оторванной человеческой личности, изломанной в тисках капиталистического строя. Социалистическая революция не только рвет цепи материального, экономического рабства, но она выдвигает на арену жизни миллионные массы трудящихся, властно заменяет коллективным, сплоченным сознанием маленькое индивидуалистическое буржуазное «я».

Преломить в своей личности гигантское коллективное сознание рабочего класса — в этом задача нового художника. И мы не можем не собирать даже мельчайших крупиц того, что имеет черты этого нового художественного подхода. Собранные в этой брошюрке стихи и отрывки молодых поэтов тем и заслуживают внимания, по нашему мнению, что в них уже до некоторой степени чувствуется новый подход, черты того мирощущения, которое владеет пролетариатом. В маленькой поэме «Под молотом» особенно рельефно выступают черты преломления личности через призму коллективного пролетарского мироощущения. В этом слиянии личности и коллектива, в этом новом, чуждом буржуазии подходе — мы видим основную ценность помещаемых ниже стихов. В этом основное, что делает их близкими современности.

Конст. Молотов.

БОРИС ПЕРЕЛЕШИН

12 МАРТА (27 ФЕВРАЛЯ) 1917
ПОД МОЛОТОМ

12 МАРТА (27 ФЕВРАЛЯ) 1917.

Отрывок из поэмы
«Очарование Зимы».

...К концу приблизилась Зима.
Но в хмурых далях Петрограда
с утра лежала полутьма.
Еще Война кромешным адом
цвела в полях, и Смерть сама
сковала нас Железным взглядом.
Еще бесславную державу
хранил обманутым штыком
последний царь. В тисках кровавых
жизнь онемевшая забавой
жестокой стала. Но потом
среди Зимы ударил гром.

Уже из тюрем и подвалов
пролитая в тиши ночной
кровь пламенела и вставала,
порывом дерзким бушевала,
пока плакатом над толпой
не взмыла к выси золотой.

Когда для долгожданной мести
под рев встревоженных гудков
на город буйные предместья
шли от покинутых станков,
от огнедышащих заводов
в груди такие же огни
для подвигов несли они.
И не страшны вовек невзгоды
встречавшим с ними в эти дни
рассвет на площади Свободы.

Где с вечера был чист и четок
узор михайловских решеток,

где мы рассыпались гурьбой
под взмахами драгунских плеток,
и разъяренный конный строй
копыта поднял над толпой.

И мост и Мойку мрак покрыл.
И рота павловцев осталась
ждать утра. Но не озарил
рассвет их лиц. Когда ж усталость
сменяла пыл наш, нам казалось,
что царь, как прежде, победил.

Как будто тяжкое усилье
великий день превозмогал.
Рассвет усталый не желал
поднять серебряные крылья.
Мир новый с болью возникал
из послеet ночного бессилья.

Но вот солдат шепнул: «Смотри!»
Туман в холодном парке стаял,
Шумя ворон вздымались стаи
на красном знамени зари.

И над Фонтанкой голубой,
в туманном храме утра клирос,
вдруг Инженерный замок вырос
неясно-розовой стеной.

А за Невой, где, в осень злы,
у крепости кипят валы,
над синим льдом туман клубился,
и шпиц сверкающий грозился
мечом архангела из мглы.

И вот под яркими лучами
качнулись в воздухе штыки,
когда гвардейские полки
пошли по улицам волнами.
И в облаках морозной пыли,
взвевая в воздух красный флаг,

промчались в бой автомобили
туда, где ждал упрямый враг.
Где под победное: вперед! —
дворец матросы штурмом взяли
и с чердака, ликуя, сняли
последний вражий пулемет.

Тогда с изломанного трона
орлов кичливых совлекли
и ненавистные короны
на шумной площади сожгли.

О, неисчерпанные сны
той титанической весны!

Зима и ночь исчезли тенью.
Для бронзового поколенья
открыл неведомую даль
нас окрыляющий Февраль.

ПОД МОЛОТОМ

Дрогнут улицы в час заклятый,
только гудок разинет рот.
В трещины города с крыш горбатых
сонный, седой рассвет ползет.

День рождается весь усталый.
Вспухнет желтый солнца рубец.
Льется в подвалы сумрак вялый.
Токарь точит, кует кузнец.

Встретит завод свой день неверный.
Пой и кричи в его тисках!
Слышишь, шатун колышет мерно,
дышит мотор в моих стихах.

Здесь ли поешь, уходишь ввысь ли,
в злой тревоге, поэт греха, —
вечно будешь железо мысли
рвать и ковать станком стиха.

Каждый слесарь, безвестный токарь,
светлый праздник твоей мечты!
Медью да будут эти строки.
Песню в металле будишь ты.

Трепетно лью в горнила грудей
ритм, рожденный в недрах машин.
В вечном сознаньи — знаю — буду
В долгом труде своем один.

Встанут строфы поэмы медной
Завтра снова взревет гудок.
Снова — к станку, за труд победный —
бить, оттачивать каждый слог.

НИКОЛАЙ ТИХОМИРОВ

ТРИ ГОДА

ТРИ ГОДА.

1917.

Эх, что за черные тучи нависли:
все еще — кровь и сраженья на Висле!
Будет! Давайте нам хлеба и мир!
Эй, пролетарий, вставай, подымайся!
К чорту Керенского! Не попадайся
под руку гнева, российский сатир!

Все за оружье! Зажгитесь, заводы!
В новый поход, пролетарские взводы!
Жаждет свободы родной Петроград.
Нам не страшны юнкеров пулеметы,
тесно смыкаются красные роты —
каждый рабочий им близок и брат.

Пусть же кругом свирепеет ненастье,
мы обретем наше красное счастье!
В бурю и непогодь — только вперед!
Пусть на пути молодых коммунаров
не избежать им жестоких ударов —
будет победа, и солнце — взойдет!

Братья, в бою не должно быть сомнений.
Что нам минуты и дни поражений, —
верные люди стоят у кормы.
Мира добьемся, хотя бы и в Бресте,
После — ударим дружнее и вместе:
«Бей по фундаменту русской тюрьмы!»

1918-1919.

Годы борьбы научили быть смелыми...
Нет, не сдадимся мы армиям белым!
Тот, кто был красным, — не станет иным!
Братья, лежащие в темных могилах,
знайте, доколе есть кровь в наших жилах,
мы Петрограда врагу не сдадим!

Все на войну! Или смерть — или всюду
клич пронесись по рабочему люду:
«Строй, пролетарий, советскую власть!»
Смерть соглашателям, жизнью отпетым,
власть передайте рабочим советам:
мир капитала — не может не пасть!

Белые — сильны, проворны и ловки;
Тулу берут уж на мушку винтовки!
Кремль посылает последний отряд;
гул орудийный на Курской дороге,
лица бойцов утомленны и строги,
все на учете: и штык и снаряд!

Сердце застыло в глухом нетерпеньи:
кто победит в подмосковном сраженьи?
Будет ли порвана белая цепь?
Ближе примкнули тогда мы друг к другу...
Верным ударом отброшены к югу,
быстро скатились деникинцы в степь!

1920.

Три года протекло с октябрьского восстанья,
и странно вспомянуть прошедшие года!
Погибло столько их, друзей, надежд, мечтаний...
Но мы в бою — упорны, как всегда!..

Мы вышли из поры младенческих стремлений,
И каждый новый план — расчетлив, строг и сух.
Наш путь один, в победе нет сомнений,
в борьбе окреп и закалился дух.

Восстанье! Вспыхни вновь на западной окрайне
и пурпуром окрась свинцовый небосклон!
Собратья! Долго вы огонь хранили в тайне,
Пускай теперь засветит миру он!

Смелее в бой, друзья. Весь мир теперь — арена.
Он ждет последних битв и торжества!
Париж и Лондон, Рим, Берлин и Вена,
не вам ли светит Красная Москва!

БОРИС НЕСМЕЛОВ

ПЕРВОЕ МАЯ 1920
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД

ПЕРВОЕ МАЯ 1920.

I

Врагом отечество советов
стеной огня окружено.
Но мы, в кольце, и вы, за гранью этой,
сегодня мы — одно.

Война и холод, тиф и голод,
Париж и Лондон, Вашингтон и Рим!
Мы, поднимающие молот,
мы говорим:

— Забастовавшие на Сэне,
в Москве работаем за часом час,
ликуем в истощенной Вене —
и все идем на вас!

Чтоб вечно весны ликовали,
удобрим землю мы, смешав
прах миротворцев из Версаля
с головорезами Варшав!

II

Спасителям москов-
ской радио-станции.

Россия — отправная радио-станция:
— Конец капиталу по московскому времени!
Каждый рабочий — Англии, Франции —
чуткий приемник.

Стройте приемную станцию 1-го мая,
чтобы принять депешу в одно слово,
которую даст Европа, доселе немая:
— Готово!

Тогда введем вселенское время.
Это возможно, если нет безобразников.
А во вселенском календаре —
вечно 1-ое мая и праздник!

Торопитесь же! Скоро заговорит немая!
Земля покрывается коврами трав!
Да здравствует 1-ое мая!
Да здравствует радио-телеграф!

III.

Сегодня братья за границей
ушли от грохота станков.
И радостью блестят ресницы
на хмурых лицах стариков.

А молодежь, вскипая гневом,
насторожившимся дворцам
бросает грозные напевы
о неизбежности конца.

Последней битвы жаждут души.
Несет дыханье ветерка
далекий гром советских пушек,
призывы нашего гудка:

— Флаг революций в небо взвеяв,
на крыльях страстных марсельез,
вперед, сквозь окрики лакеев
и лай голодных митральез!

А если в схватке с палачами
Они осилят, — только зов:
Мы ляжем жгучими бичами
На спины кровожадных псов!

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД.

I.

Вперед, за огненною новью!
Да будет красною Земля! —
Нет красок? — Собственною кровью
окрасим белые поля.

Сначала — Кремль, потом — снега Сибири,
сегодня — степи и проходы в Крым.
А завтра — мировые шири,
Париж и Лондон, Вашингтон и Рим!

II.

Три года старый мир сжигаем,
        горим четвертый год.
И пламя лижет жадным краем
        враждебный небосвод.

А в зареве открылись дали —
        забытые и те, что ждут.
Теперь наверно разгадали
        мы каждую беду.

Когда-то бывшие соседями медведям
      в пещерной мгле,
мы — день придет — на Сириус поедем
      на управляемой Земле.

III

Мы любим жить. Во имя Жизни
      готовы тысячами лечь,

когда из пастей пушек брызнет
смертельная картечь.

Не ищем в жизни мы иного смысла,
чем наш победный труд.
Но, если тронут нас, — опять на Вислу
наш молния-маршрут!

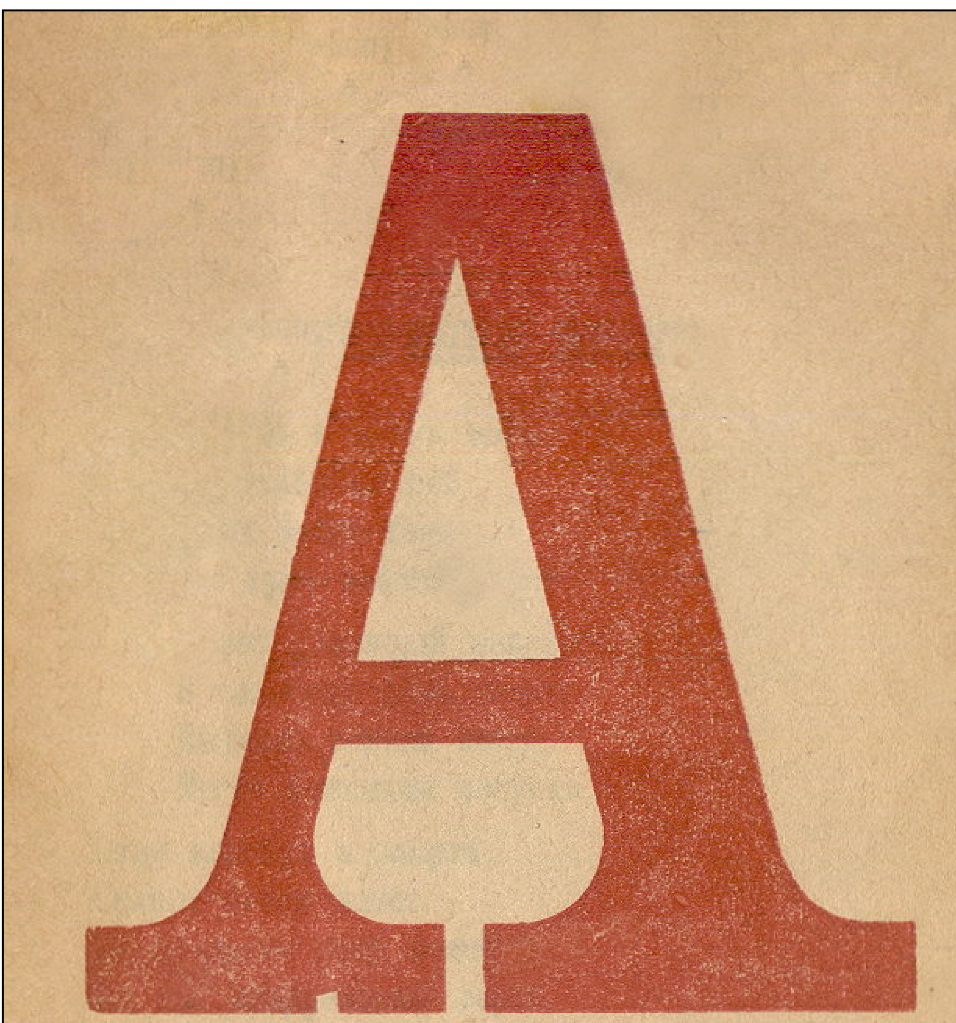
О братьях, павших за советы, память
векам передадим.
Но счастливы оставшиеся с нами:
мы победим!

Государственное Издательство
ТОМСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ.
Томск — 1921.

Б. Перелешин, А. Ракитников, И. Соколов

А

[I92I]



Б. Перелешин. А. Ракитников. Н. Соколов.

0,21 XX века.

Р. С. Ф. С. Р.

Борис Перелешин.

ДЕНЬ.

Красные склоны утра.
Хребет из золота вылит.
Карабкаются минуты.
Ползут.

Вдруг обвалом грязным
Дымным завесом над
Открывает безглазый
Хмурую прореху день.

День — пронеси знамена
Холодных долгих часов.
Твой циферблат — икона.
Шаг мой молитвенное слово.

Слова мои — пригоршня ладана.
Мерный путь озарит
Мозгов драгоценная лампада
У твоей оловянной ризы.

У самого меня из живота
Стрелка по телу чертит
Кругом римские цифры суставов
В середине сердце стучит.

Вы в чьей тоскливой вялости
Часы — усталый листопад.
В зеркальности ваших дней пустых
Утро в вечер глядеться радо.

А вы как я каждый день попробуйте
В болотах кишечника вырывая сапоги с кровью
Бежать через баррикаду ребер
На штурм собственной головы.

Где на голой Голгофе лба
Дальше по расшатанным ступеням минут
Расстроенные строчки гурьба
На эшафот ведут.

День — его сделать надо
Часы вырубить минуты обточить.
На всех парах лихорадок
Встревоженный вечер мчит.

Итогом раздавить угрожая
Сзади навалился день — что есть мочи
Натягиваю нервов вожжи
Над черною ямой ночи.

А покаместь ночь весело
Разевает огромную пасть
Горбатую спину единственной мысли
В потемках мозгов разглядеть успей.

Схватил ее за длинный хвост.
Только не хлопай победе клака.
Знаю где то восток
Уж заносит бледный кулак.

И только в сон как в морг
Мой самум рассыпавшись лег
Утро дергает
Свой грязный полог.

декабря 1920 г.

Александр Ракитников.

УБИЕНИЕ ПЛОТИ.

Расплеснута в чужое мать.
Каждый охальник пей.
В амбарах небес темь.
Обшарь: лунь колкий репей.

И вот убиенный навздыбь
В глазницу синь шарах.
Вытекли зеньки звезд
Моего боженьки потроха.

Отца волокут к смерти.
Солнце бичем хлёст.
Не продрать реву повечерь
Ко мне квадрильоны верст.

Нет уже не в любви весь.
Ныне не быть Иуде.
Целую наган как крест.
Крестителем дней буду.

1920.

ВОИНСКИЙ.

Сорок на сорок. Без устали.
Верую: лоскут ал.
Небо в развалку хлюстом.
О вас ли шинельщиках взыскую.

Ори не ори. Гармошкою
Сорок на сорок. Тугой лад.
Ни один конем голодушным
Солнц не емлет пойло.

Матерщиной залюблен окрест
И христосик любой.
Глазищ три тысячи двести.
А все таки не узреть любовь.

1920.

УТРЕНЬ.

К подаянью минут впахрап
Тянусь убогий хромыж.
Не предсмертье ль сапой
Кирками секунд громых.

Земля теплая в ощупь
В ворвань лесов утренний гной
Не вчера ли рожден слеп и тощ.
Цуценком писклявым никну.

Вот отпружинюсь мячиком.
Зашагаю на ходулях лучей.
Ах, если бы тюками солнечных зайчиков
Как верблюда мир навьючить.

1920

ОБЫДЕНЬ.

Пухнет, пухнет танк
Мастодонтом в небесном рву.
Сердце колотушкой минут теньк.
Хобот вздыбил — не мой ли нерв.

Время в цехе веков: костомол.
Запродался дню — так дроби.
Только тянешь год восьмой.
Еще солнце рыжим дрыг.

1920.

<u>Ипполит Соколов.</u>

АПОКАЛИПТИЧЕСКОЕ ЧУДОВИЩЕ.

Телеграфные провода земного шара —
Нервная система апокалиптического зверя.
Его дыхание из котлов и машин от напора пара.
Оно непобедимо, свою силу в уаттах, калориях и метрах измеря.

Его глаза — свет маяков,
Прорезывающий тьму морей и океанов.
Человеческая мысль — остров Патмос, и каков
Конь рыж видят много Иоаннов.

В космическом пространстве все дальше и дальше еще
По орбите плывешь, шар земной...
О, апокалиптическое чудовище....
Нет, это новый Ковчег, где между всеми Ной.

конец декабря 20 года.

Я ГОВОРЮ.

Высокий берег — мой лоб, и как спартанец, я
Швыряю на бумагу даже не хилых младенцев
Широко по всему свету семена пригоршнями бросает радио-станция.
А вы читаете «Фигаро», кутаете горло в кашне и боитесь инфлюэнцы.

Тридцать веков не знали, что лицо сфинкса.
Это лицо его — да, да! — лицо Ленина.
Новый паровоз с сжатыми кулаками буферов,
вперед и на старое вскинься,
Лети, земля, ты, как конь, облаками вспенена.

середина января 21 года

ПОЭТ.

Противогазная маска системы Кумант-Зелинского,
Танк, гаубица, торпеда Уайтхеда,
Миномет, Блерио, Цеппелин — и все для кого?...
О, эти брюхатые чудовища Кильского или Марсельского рейда.

Радиотелеграф своими длинными пальцами
прощупывает весь мир.
На Ходынке у туловища радио-станции на
палках развешены живые нервы.
Чикаго, Манчестер, Капштад, Калькутта, Памир...

А я в стихах к вам пристаю — и с чем же! —
с каплей своей спермы.

Середина января 21 года.

СЫПНЯК

I.

Умру, умру от сыпного тифа
В каком нибудь военном госпитале.
Ниточку жизни моей тихо
Разорви поскорей, Господи.

Когда я поеду в вагоне на фронт,
На грязных мешках меня искусают вши
Между прочим, кто в соседней комнате
Громко говорит о безсмертии души.

II.

Когда напряженные члены пушек
Истекают дымящейся спермой,
Я все говорю пустяки,
Говорю о ней, о первой.

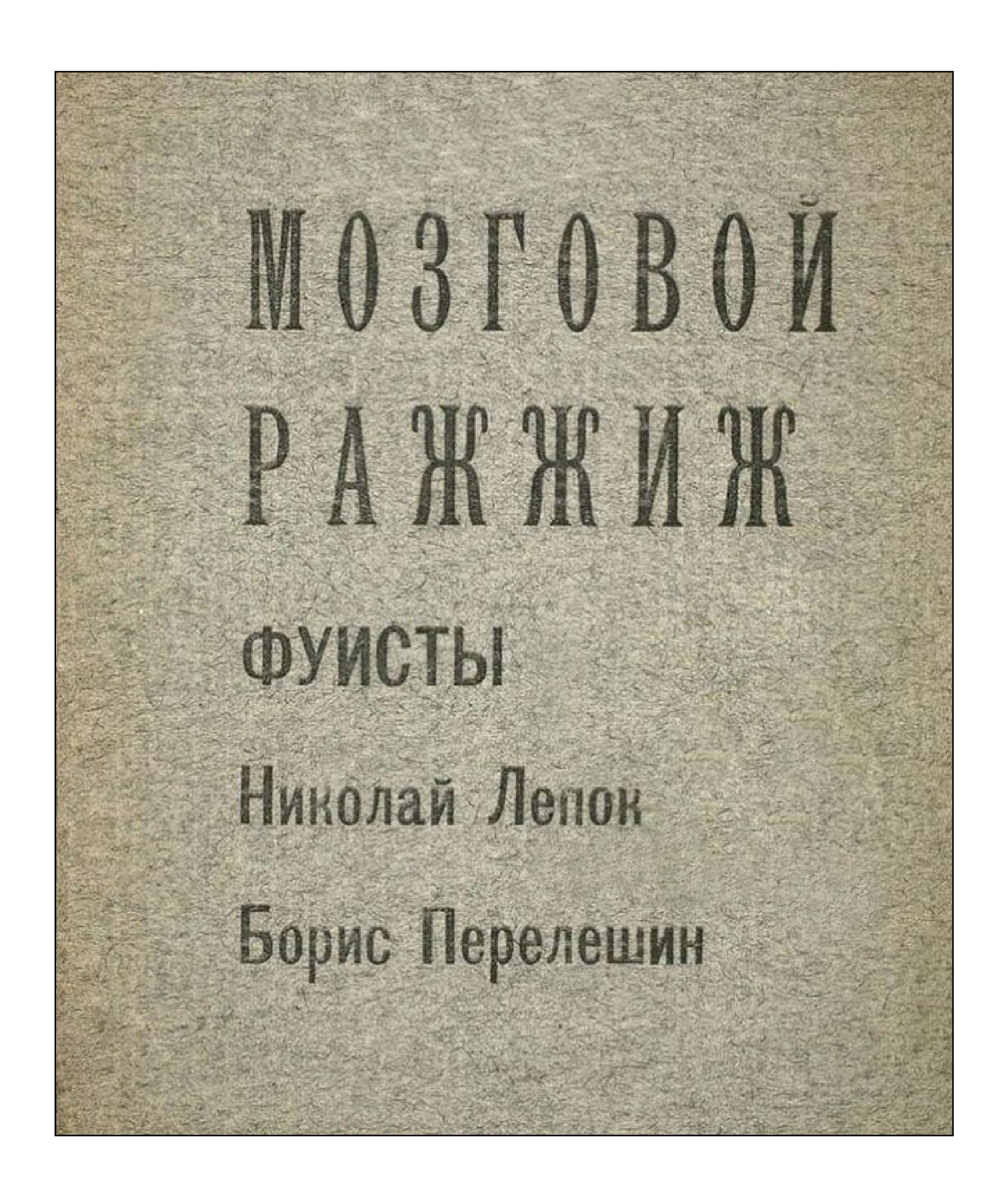
Но все таки на огнедышащем вулкане чьих-то губ,
Приятно, ах приятно перед смертью танцовать.
О, скоро, скоро с температурой в сорок
Меня уложут на кровать.

май-июнь 20 года.

Николай Лепок
Борис Перелешин

МОЗГОВОЙ РАЖЖИЖ

[1921]

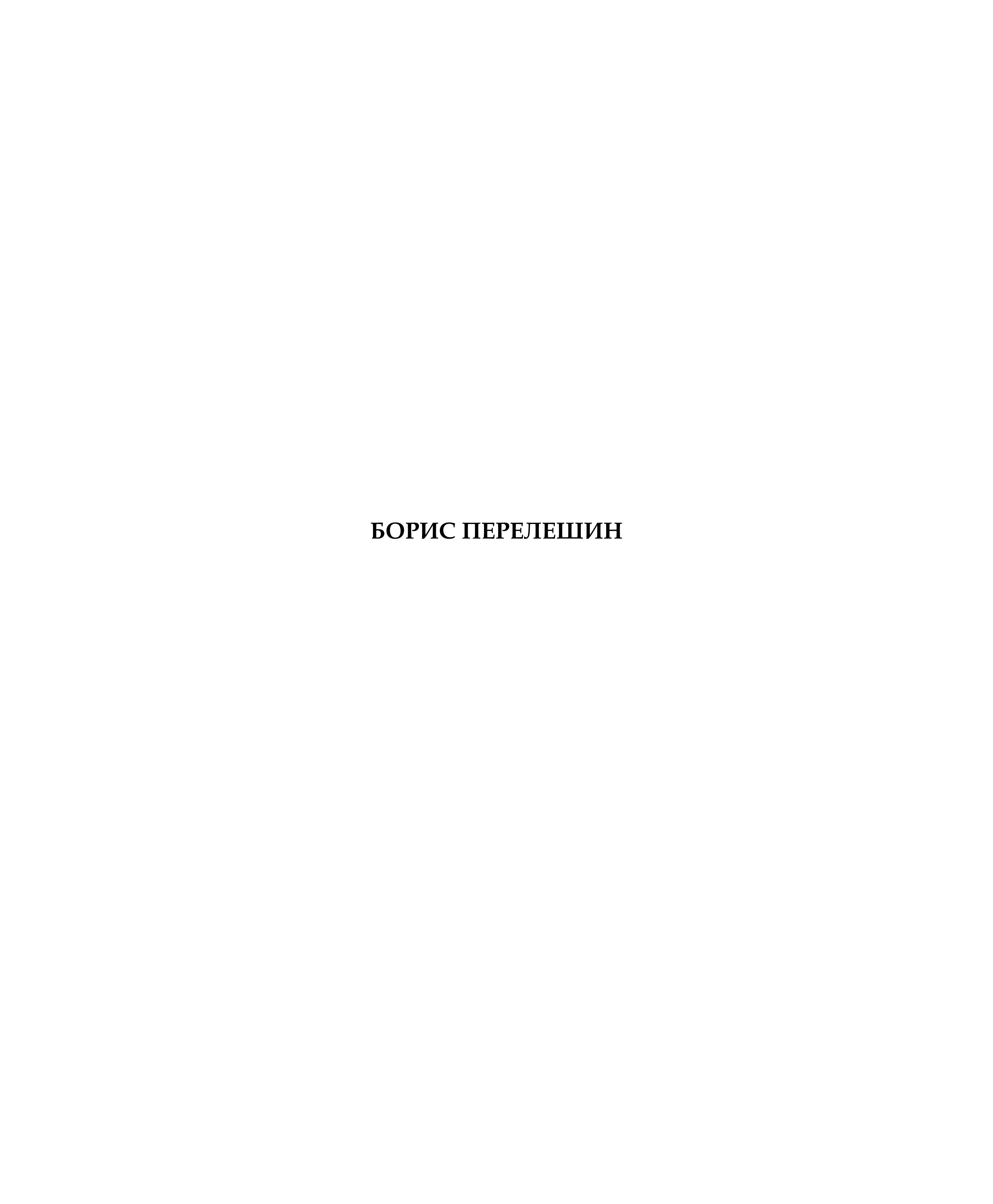

МОЗГОВОЙ
РАЖЖИЖ
ФУИСТЫ
Николай Лепок
Борис Перелешин

МОЗГОВОЙ РАЖЖИЖ

ФУИСТЫ

Николай Лепок

Борис Перелешин



БОРИС ПЕРЕЛЕШИН

СКУПАЯ ВЕСНА

I.

Дома из глаз по каплям льются
рассвет глаза с размаха рубит
и кисти рук моих вихляются
в манжетах водосточных труб.

В заплатах ржавое железо
под жесткой крышей никнут плечи
я весь неловкий как желе
в моей груди вода лепечет.

А нити слякоти плетут
Москвы недвижимое око
в моих же серых глаз трясину
гляжу колодцами дворов.

И льюсь по капле чтоб над пеплом
кладбищенским помойным суслом
движенья рук моих затеплить
и речи тусклые.

И скоро буду черный петел
крылами хлопать на рассвете
взбухай кремлевской башней тело
и пухом плесени лети.

II.

И та чьим пальцам прикасался
голубоглазый стала дождь
пыланьем утра пролилась
горячей крышей руку жжет.

Когда же по ночам и звезд
росой на камнях не нашли
зеленый галстук повязали
бульвары плотно мне на шею.

Не завижжать еще нежней
и серым стать как эти плиты
хочу ли головокруженьем
из петли смертоносной выплыть.

Молитесь молодым листкам
и зелень ран моих целуйте
и песен жал змеиный свист
над плоской ямою лица.

III.

На черновые вечера
и точки фонарей потухли
весна помадой отекла
и пылью угля в углах губ.

Какой зеленый шорох злей
мутить в груди или на крыше
уже на стеклах на щеке
на небе отпечатки пальцев.

И тощий праздник без ресниц
у тощих стен восход махорки
как черный дым скупой весны
в дырявом галифе.

Скупой весны не дай опять
не дай им шелухой подсолнухов
взгляни уже улыбки режут
с дешевым треском ситец.

И хоть не я зеленой сыпью
не я раскинул руки луг
но я кого стихами выпил
в заржавленном углу.

НЕ ДАЙ

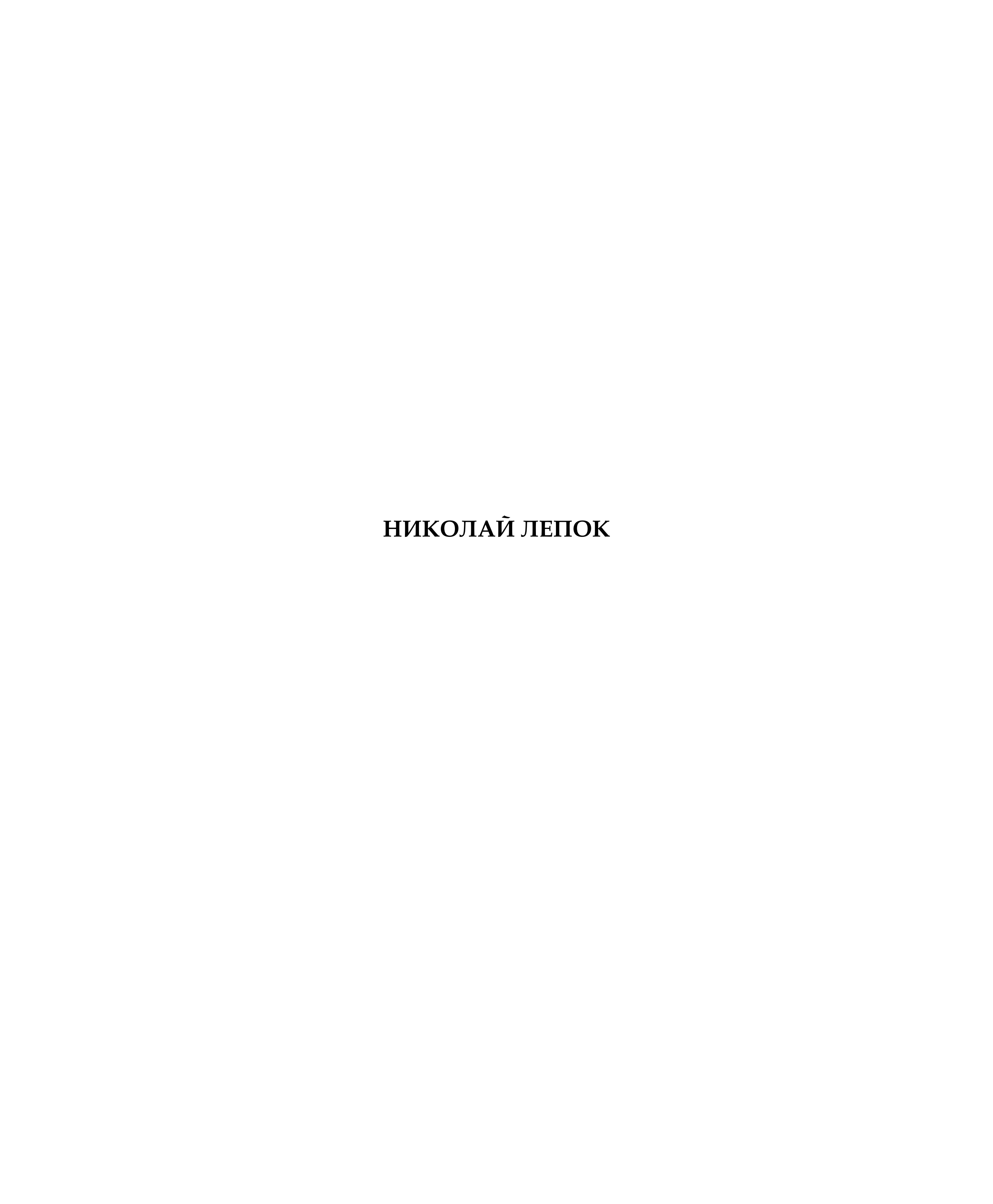
Больнее пламя темных лиц
в зубах разжатых дрожь и ветер
раздались шире стены лиц
и им глаза рассвет колеблет.

Кафе, толкучки
навоз и снег и цепкий ельник
Москва, как лес, ползет изжогой
туда, туда плетет икоту.

Где на скрипучих половицах
на шкурах крыс разводы инея
иные плесенью декреты
полей несжатых паутин.

Больнее новых тел движенья
глаза им до крови разрезало
не дай им замогильной лени
и благовеста.

И вот уж гам
и сор и синьку глаз размазал
а мне милей в иссохлой коже
у глаз улыбку вымерзать.



НИКОЛАЙ ЛЕПОК

Хлябью хлипко день целый
жижей рухлядь
изредка именинницей
желтками вспухнет.

Нынче в березняк
ветер полохнул тоской
щум линялый и резня
на опушке пало сколько

Кому то тушит
за окном зрачков огарок
дня узел туже
повис осенней гарью.

А мне осени барьер
скачки с препятствиями
люблю ветров карьер
мутное беспамятство.

Знаю в стуже одуванчик
пускай сквозь осень стынет
и вот скороговоркой кличет
и снова радости мосты.

НЕЯСЕНЬ.

Таится за городом вором. Щеки
тускло сереют. Тени зайцами.
А за горизонтом заговорщики
на зари зов сползаются.

Как всегда утра тяж тихо
предчувствием зарева сжалось
только там и у этих
словно выжгли жутью жалость.

Загрохотало оранжево сталью
устало тучи танками
но солнце улыбками взорвало
до сини и эти остатки.

Над освеженным валом
снова утра уста камень
и взъерошенный гул валит
в голубые
 улицы всплесками.

Щеб и шелест, шорох и писк
взвились вьются клубы
и эта цветная звучная роспись
июля утро на любо.

Гибкий
пронзительный
гудка зов в высь
ласточки
в синь мысль.

Жужжащей сиреной
из щелок сот
сочно сотнями
трав трепет
разбудив цветов.

Шумно и шустро
в утро
по нелепым тротуарам
кузнечики
за прилавком на базаре.

На стрекотных станках
жизнь
ткани
вьявь из солнечных лучей.

ЧИТАЙТЕ

СБОРНИК А

во всех книжных магазинах

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

Борис Перелешин РАЗРУШЕНИЕ ОБРАЗА

(ТЕОРИЯ ФУИЗМА)

Семинарий по теории фуизма

для начинающих поэтов

ведет БОРИС ПЕРЕЛЕШИН

на дому.

МАРТОБРЯ

ГОД ПЕРВЫЙ

МОСКВА.

Николай Лепок
Борис Перелешин

ДИАЛЕКТИКА СЕГОДНЯ

(1923)

ДИАЛЕКТИКА СЕГОДНЯ

Ф У И С Т Ы

НИКОЛАЙ ЛЕПОК

БОРИС ПЕРЕЛЕШИН

МОСКВА АПРЕЛЬ 1923

НИКОЛАЙ ЛЕПОК
БОРИС ПЕРЕЛЕШИН

ДИАЛЕКТИКА СЕГОДНЯ

ПОЭМЫ

МОСКВА ▫ АПРЕЛЬ 1923

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Отплывающие корабли символизма.

Опояз или общество мозговой засухи.

Всеобщее мелочничество слова, дробная деталировка, słововерчение, словожимание, маникюр слова.

Подозрительные по четвертому разряду похороны поэзии ее же обнаглевшими ремесленниками или НЭП, съевший поэтов.

Ни зги на российских эстрадах, продавленных копытами всевозможных имажинистов.

Каменная пустыня достиховья.

И —

д в о е.

Без фальшивого мандата на контакт с миром.

Без вывесочного афиширования себя.

Под скромной маркой —

м о з г о в о й р а ж ж и ж.

Двое.

Среди последышей, все еще не проглотивших наследия великой революции, — единственные несущие на своих лицах разлив нового мира.

Два мудреца. Какой простор!

Ровно год с зажатым ртом.

А теперь

номер первый удар

по обзорному фронту.

Завтра еще стихи и — какие-нибудь — теории.

Не истерические выкрики силящихся догнать грозу и бурю (маяковщина).

И не тоскливая вертячка стиля — стихия раннего НЭП’а (пильнячество-пастернакизм).

Спокойный нажим на преодолеваемое послегрозье.

В ревущих еще хлябях мы первые отделяем воду от поэзии и говорим:

— Да будет стадия всеевропейского обезумления трамплином нового прыжка.

Штопором куда-то на плоскостях подлинного общения с миром.

Высота:

Тысяча девятьсот двадцать три (по-вашему).

Контакт?

Есть контакт.

Москва. Предъянварие. Завяэь второго года.

Борис Перелешин.

Борис Перелешин

ПРЕДЖИЗНЬ

Еще и тело не свое
не сдвинуть глаз раскосых.
Босою узкою ступней степи
следим за горизонты.

Преджизнь равно осуждена
топтаться между вчера и завтра,
еще не видя, что несет,
тратить слепое устремленье.

Варяги этих дней
в холодных болотах
считаем ранние часы,
калим железо и врачуем.

Другие же со скрежетом
спешат на солнечные берега,
где дольше день,
там тени делят.

Мышиной столько топотни,
там ставят порт, там станцию,
лавки и церкви без числа
в недуге кораблестроения.

Бродят по соленым лужам,
где ж в берег лбом уткнутся,
рады рукопашной пляской
нагромождать на раны раны.

Но видят: что вело и цвело
глазами дивными на ладонях листьев
и воздух таяло, как сахар,
стало песчинками между пальцев.

Уже песок старик
усмешкой белыми губами:
глядите в зеркало мое,
седейте.

Лысеет земля на зло им,
им вечер кактусом немой,

бездоль горько солеными устами,
а я к ним камнем обернусь.

Им и невдомек:
где их пески к водам прижали,
где передом земля, где боком,
куда склоняет их: бегут.

Кладут железные пути,
еще не зная, где встречать их,
спешат в какую-нибудь Сирию
костями разделять границы.

Они смешней, а мы суровей.
Но нечет жизни равен.
И боль ушибок терпкая,
едва кто взад оглянет.

Туда, где сбежалися года,
годы, сбитые в один.
То, чего не было, и то, что было,
стало одно.

Кровью даль замочена,
но дышит вечность незлопамятством.
Свежее ветры тянут
в узкие глаза океанов.

Даль их розовое лицо.
Но и кому дано гнить водорослями,
улыбкой десна обнажать,
тысячеверстьем небо глядя.

То, чего нет в словах и что есть,
одна клокочущая косноязычь —
мимо ушей, как снег, спадает,
и вам послушать было бы.

Глазами землю повернул,
вижу рай в моих ладонях,
бредут караванные пути,
и дрожь предчувствия колеблет их.

1-ое и 2-ое января.

Николай Лепок

ДИАЛЕКТИКА СЕГОДНЯ

Пусть в снежных рубищах еще
и в заморозках края дней,
скороговоркою перекроило
Москвы панели плен и лень.

Стремительно, мутным отблеском
боен, революций, лиц,
расколотых надвое, ком
потоком утра серым мчится.

Ни зги на перекрестках в гуле.
Тревог метнув брызги,
легли вон звонкие зигзаги,
сирены рявк ничком в панель
и — в синь об облака бока,
и вновь тревожит витрин крик глаза.

А зеленеющие в кольце
перекликаются бульвары,
то тенью улицы целуя,
и точь в точь пальцами лицо.

А солнце шумно и озорно
и в окна нынче на пол, в угол,
а гулы в комнату ко мне, то грозно
над каменным гогочут лугом.

А за огороженными
труб восклицательными знаками,
в лесах там весело покой тревожа,
там в селах тундрах возникают.

И этот гам в миг весна,
минут и дней перепутав счет,
и зелени весельем мигая
беспечно уверяет в чем-то.

Но лихорадочно и цепко
то целятся к добру, иной к наживе,
сцепились цели лица в цепь
в кольце неумолимом выжить.

И нынче к ночи я измученный,
дню дань дел, дум отдавши,
в зеленом шарю, не замечу ль
сытые нежностью года.

И в поворотном шорохе
сквозь почки зелени сквозь вой
и боль и мира мой девиз:
шагами мерим хорошо
и пешие любую высь.

Сегодня кляксами веселья
сквозь рыхлую земли мякину
над беспристрастной елью
зов молодящийся кинем.

Потом потом теплым рожь срежем,
зелени звоном синим день обовьем,
бархатом туч небо понежив,
июля дугу вновь перегнем.

Где щелк бича ветра посвист
бока ленивых дней клянет
и полинялый клена лист
с тоскою дружит склякотью.

А там снегами сыпаться
пушисто окна, ветви, крыши
в морозные вгрызаться сини
из труб, гореньем верить в краше.

И снова петь и в путь кружиться
в неповторяемых кругах,
мятежно спорить в песнях с птицами
на зависть бешеным пургам.

Москва, 1922 г.

КНИГИ ФУИСТОВ.

Библиографические редкости:

БОРИС ПЕРЕЛЕШИН и АЛЕКСАНДР РАКИТНИКОВ — А. (Стихи).
НИКОЛАЙ ЛЕПОК и БОРИС ПЕРЕЛЕШИН — Мозговой ражжиж. (Стихи).

Вышли из печати:

БОРИС ПЕРЕЛЕШИН — Бельма Салара. (Стихи).
НИКОЛАЙ ЛЕПОК и БОРИС ПЕРЕЛЕШИН — Диалектика сегодня. (Поэмы).
БОРИС НЕСМЕЛОВ — Родить мужчинам. (Поэма).

Печатаются:

БОРИС ПЕРЕЛЕШИН — Дым над. (Стихи).
БОРИС ПЕРЕЛЕШИН — 23 года искания нерационального мирововоззрения. (Фуистические исследования).
НИКОЛАЙ ЛЕПОК — В неповторяемых кругах. (Стихи).
БОРИС НЕСМЕЛОВ — Последняя книга. Три долоя.
АЛЕКСАНДР РАКИТНИКОВ — Биения плоти. (Стихи).

Борис Перелешин

БЕЛЬМА САЛАРА

(1923)

БЕЛЬМА САЛАРА

ФУИСТ

БОРИС ПЕРЕЛЕШИН

МОСКВА АПРЕЛЬ 1923

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Александру Ракитникову

Борьба со стихией словесной — как и борьба со стихией водной. Мастеру противословесных плотин, как и мастеру плотин противоводных, надлежит бодрствовать между четверостишиями, не зная устали. Тщетен сон его, и бледно бытие у жесткой пучины. И тщетны усилия запереть пловучую границу мысли. Снова и снова встает исчерпанная стихия слова вчерашнего и слова завтрашнего. Хлещет в обветшалые ограды стиха. Рушит опоры, источенные биением дыхания и крови. Потоп.

Непобедимо, что наступает на мастера песками и солнцами, глазами влюбленных, бдением листа и влаги. С тех пор, как мы стыдимся своего ремесла.

Мутная струя в арыках, из арыков в трубки-чилимы, из чилимов в головы. В палящей пыли задохнуть ее до безумия ледяную. Но и на топких берегах Салара мы вверились глиняным славянским кумирам с раскосыми глазами и конскими рожками.

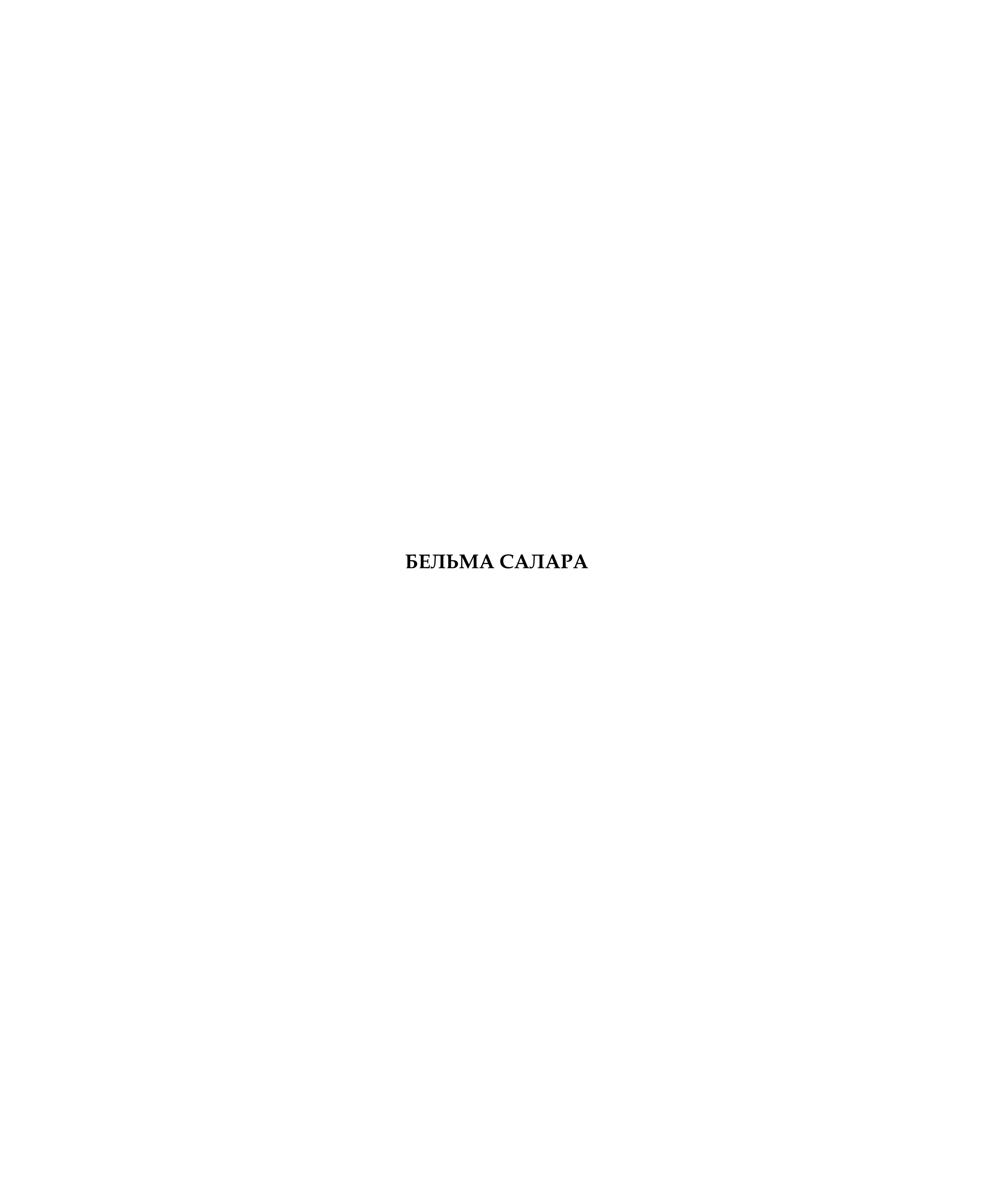
Потому что не мы — приносящие щепотку ладана, шарик Ливана, каплю смирны. Мы сами слышали топот чужеродной речи в своих стихах. Для нас на границах воды и степи заныли странствующие повести изразцов, голубой глаз — ветры и камни — Самарканда.

Пусть не сетуют, что в холодной Московии, вместо всеобщей равной и явной мозговой засухи, мы — оказывается — всерьез и надолго утверждаем поступь мозгового ражжижа.

И не к, а от исчерпанных горизонтов Азии с испепеленными ресницами и выпитыми губами.

Предъянварие второго года.

Борис Перелешин.



БЕЛЬМА САЛАРА

Старики и мальчики застыли на кирпичных ступеньках.
Дремота утра — глиняное дыхание Ташкента.
Зеленый чай твоих тысячелетия испуганных глаз
когда в анашийные садики запах бензина.

А розы о худых малярийных лицах,
оскале зубов у последнего курка,
и та, чью паранджу откинули,
умирает от горечи на затхлых арыках.

Утро — дай из растоптанного тела несколько капель
коричневого кофе с лимонной эссенцией.
Солнце — выступи стеблями красного перца
на склоны Чамганских гор —
для моего кальяна росинки льдин.

Роса — выступила тяжелыми камнями
На моем охолодевшем челе.
Звезды безмолвно гаснущие
напоминают о последней пуле.

Еще не до дна выпит твой свежий умирающий рот,
а глаза как черные жуки уже убежали,
и вдруг — белые европейские пальчики будяги
как револьвер у виска.

В черных отрепьях по ветру
домов и чинар качанье
тощую не раздует
радость под пеплом губ.

Пепел седых губ
рот разорвет усмешка.
Высохли лица как лужи.
Слова мои ушли.

Горче лаканье арыков —
водой обнаженные камни
глаза твои глядят.

Сотни фунтов сняли
белого мяса любовниц,
голые кости целуй.

Утро хромой авиатор,
ночь повитуха.
В сдержанном свете вращенье
Глиняных щек и носов.

Сколько раз фыркающий Салар
мутные бельма на нас выкатывал,
столько раз загонял нас дождь
под дырявые крыши чай-хане.

Мы считали пристальные взгляды персиков
на твоих круглых плечах,
и желтые дыни или лица
на мусоре сартских лавок.

Для богов моей родины — аэропланами испещренного неба
сумерки, облизывающие нас красным языком,
и зеленое месиво, уплывающее из-под ног,
и земля, бурлящая, как трубка.

За горькие миндали глаз
и за то, что мы не считали часов в прозрачных руках времени,
поднеси к своим полуоткрытым губам
опьянелый кальян моего безделья.

И, пока мы прочитывали в шуршащем переплете твоего тела
какую-то повесть на полудиком языке арб,
рядом молодчики с аршинными стейерами назади
душили я-бло-чком и ша-рабаном.

Воздух липкий и сладкий чмокал
красными губами помидоров,
скоро к утомительному запаху дынь
примешается запах керосина.

Одно желание — чтобы запомнились эти минуты,
упавшие без вкуса и запаха,
и твои гладкие ногти на дешевых коврах,
когда революция раскалывалась пополам
в стране звенящих яблок.

Передрассветный ветер
морей шершавый гость
какою материнской нежностью
гребнем расчесывал пустыню.

Песках по пояс ветхий Мерв,
а все пересыпает в пальцах
песчин зеркальных стылость,
столетий звон в его руках.

А там на чахлые тропы
босой туркмен
на утреннюю тишину
колодцы высохшими ртами.

А за плечами у него
какие раны тишина,
как поступь утра тяжела;
и камни на глаза нависли.

Пепел звезд
соленый саван
песчаной грамоты черты
прочтет пустыня лоб наморщив.

Мудрость высохших ладонь
лицом лицом в песок
щекой горячему песку,
как белый череп ишака.

КНИГИ ФУИСТОВ.

Библиографические редкости:

БОРИС ПЕРЕЛЕШИН и АЛЕКСАНДР РАКИТНИКОВ — А. (Стихи).
НИКОЛАЙ ЛЕПОК и БОРИС ПЕРЕЛЕШИН — Мозговой ражжиж. (Стихи).

Вышли из печати:

БОРИС ПЕРЕЛЕШИН — Бельма Салара. (Стихи).
НИКОЛАЙ ЛЕПОК и БОРИС ПЕРЕЛЕШИН — Диалектика сегодня. (Поэмы).
БОРИС НЕСМЕЛОВ — Родить мужчинам. (Поэма).

Печатаются:

БОРИС ПЕРЕЛЕШИН — Дым над. (Стихи).
БОРИС ПЕРЕЛЕШИН — 23 года искания нерационального мирововоззрения. (Фуистические исследования).
НИКОЛАЙ ЛЕПОК — В неповторяемых кругах. (Стихи).
БОРИС НЕСМЕЛОВ — Ликвидация грамотности. (Фуистические исследования).
БОРИС НЕСМЕЛОВ — Последняя книга. Три долоя.
АЛЕКСАНДР РАКИТНИКОВ — Биения плоти. (Стихи).

Борис Несмелов

РОДИТЬ МУЖЧИНАМ

(1923)

РОДИТЬ МУЖЧИНАМ

ФУИСТ

БОРИС НЕСМЕЛОВ

МОСКВА АПРЕЛЬ 1923

ПРЕДИСЛОВИЕ

Легко было этим Пушкиным:

«Увижу ли народ неугнетенный
и рабство, павшее по манию царя»!!

Сорок лет звучали молитвой эти строки передовой провинциального листка.

«Россия вспрянет ото сна
и на обломках самовластья
напишет наши имена».

И три поколения ждали пришествия «Авроры» — мессии в 6 000 тонн.

В XIX столетии только африканское воображение и страсть к ямбам строили чугунные мосты и трактиры на каждой станции.

Трагедия поэта наших дней: его утопию в редакции «Известий» не отличат от репортерского отчета для очередного номера.

А из читателей вряд ли кто даже заметит этот отчет за километрической «рурской оккупацией».

Разве посильно рафинированному современнику затмить перед согражданами последних настоящих дикарей Пуанкарэи?

На самом деле, они радуют глаз на унылом фоне всеобщей электрификации.

Единственное неправдоподобное, невероятное, необъяснимое явление на планете, где уже нет ничего невозможного и непонятного.

В борьбе с пространством инженерами случайно задавлен щенок времени.

Заурядные доценты в поношенных пиджаках за ежемесячное жалованье в непрерывно падающей валюте равнодушно достают живую и мертвую воду, приносят неведомо что.

Трехлетние комсомольцы смеются над сказочными рекордами коллективной фантазии предков.

Но поэт и сейчас должен рассказывать о себе и остальном во что бы то ни стало и несмотря ни на что.

«Я пришел к тебе с приветом...»

— написал Фет прежде, чем подойти к своей домашней хозяйке.

Я тоже написал «Родить мужчинам» перед операцией, которую делает мне на днях один из самых добросовестных Штейнахов. Если бы он заплатил за рекламу, я точно указал бы его имя. Впрочем, мы еще договоримся.

Круговая порука — закон московских притонов карманников поэзии. Поэтому, хоть и очевидна рациональность предоставления первого слова друзьям, приходится ограничиться этим автопредисловием.

Однако, здесь же необходимо заявить в первый и последний раз молодцам «с легкостью в мыслях необыкновенной»:

— Дурачье! И беременные работают.

4-II-23

Борис Несмелов.

РОДИТЬ МУЖЧИНАМ

Поэма

I.

Так умилительно по-детски
дивимся радию Кюри,
но даже всякий Городецкий
в попытках волить и творить.

Стихи, конструкции теорий.
Эйнштейны, Брюсовы — в поту.
Суда качает то же море,
и кранам каторга в порту.

Бездонны узкие колодцы.
Вычерпывай болван!
— Стреляться? Заколоться?
— как сверлом голова.

И миллионам в этих шорах
вчера и впереди.
Но вот Америка и порох:
— не делать, а родить!

От патриарха Авраама
и до Давида Бурлюка
алчба мужчин равно упряма,
неутолима и тяжка.

И лишь тобой на миг разбито
кандальное кольцо,
двуполого Гермафродита
дразнящее лицо!

II

Стремительней свинцового
ружейного плевка —
в лабораторию Кольцова
тысячелетняя тоска.

— Профессор, я хочу ребенка!
— Профессор, помогите мне!
— по барабанной перепонке
в ученой тишине.

Солидность удивленно встанет,
наморщась пробормочет: — Но!..
А я — как тонущий «Титаник»:
— Хочу родить, хочу давно! —

С накрененного аппарата
полтонны ужаса метнуть
такой испуганный вибратор
профессорская нудь.

Пустых протестов неизбежность:
— Но вы — мужчина, как же так?
А я — отважно и мятежно:
— Тем пламенней мечта! —

Быть может, пышно, на коленях:
— Профессор, гордостью Москвы,
кумиром новых поколений
навеки сделаетесь вы! —

Невольно вздрогнет, побледнеет,
а я — еще, еще, еще!!
И вот — он смотрит холоднее,
уже задачей поглощен.

Я завещанье для проформы
и жертвенно — на стол.
Колючий холод хлороформа.
Минута, сутки или 100?

Плавучим доком будет крейсер,
разбойно пенивший моря,
когда начну в покое кресел
мои недели отмерять.

Монополисткам станет скверно,
сломают пальцы тонких рук.

А развлекать меня наверно
приедет выдумщик Бурлюк.

Гадать с беременным мужчиной:
родится сын? родится дочь?
Читать поэмы. Или чинно
беседовать всю ночь.

От крика — надорвутся радио,
черны газетные листы.
И с любопытными не сладят
красноармейские посты.

Кольцовым, пересадкой органов
с ума планета сведена,
и он с достоинством — восторги
и трудовые ордена.

В Сорбоннах, Оксфордах, Иенах
везде почетный доктор он.
Ему завидует сам Штейнах
и врид И.Мечникова — Воронов.

Через 9 месяцев (а может,
скорее женщин справлюсь я?)
— комочек мяса в красной коже —
новорожденная моя.

Вскормлю и выращу на славу,
и, продолжая мой почин,
она сама уже заставит
беременеть мужчин.

III

Но мы, родящие мужчины,
не конкуренты нашим женам.
За сыном дочь и снова сына —
урок не нами затвержен.

Пусть идиоты митингуют
о равноправии полов.
Не превратят меня в другую
Нинон Ланкло.

Нам, пионерам и Колумбам,
нам, открывателям миров, —
непрекращающийся шум бы
на встречу веющих ветров!

Ребенок — только первый опыт,
и, новой дерзостью дыша,
зачну опять под вой и ропот,
на этот раз — планетный шар.

За акушеров — астрономы,
неслыханный переполох!
Орбиту? — Выкладками — томы,
и от второй луны — светло.

Что виделось одним поэтам,
чего не снилось даже им, —
сухие, мертвые скелеты
мы жизнью одарим.

Кружиться слаще и острее
стареющей земле.
Крылатые зареют —
пилотам обомлеть!

Тритон, центавры и циклопы,
сирены и сатиры
и жители Утопий —
в Москве потребуют квартир.

Не полотно и луврский мрамор
Венер и Джиоконд —
богини и мадонны в трамах
и наших комнатах.

Тогда и женщин мы научим
носить драконов и чертей,

а инкубаторам поручим
изготовление детей.

Борис Несмелов

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

Покрыта обувь наша пылью
Земных безрадостных дорог,
И все одною веет былью
В лицо нам каждый ветерок.

Жестоки горькия отравы
Надежд, обманутых в пути.
А вдоль дороги — шепчут травы:
— Зачем итти? Куда идти?

Ах, в этих травах раствориться,
В зеленом море потонуть...
Цветы целуют наши лица,
Склоняют венчики на грудь...

Уснуть... Уснуть... Мы так устали
Идти, искать, гореть и жить.
И — пусть зовут лукаво дали,
Хотят опять заворожить, —

Свежи и жгучи наши раны,
А наша обувь — вся в пыли.
Не верим в нежные туманы
В коварно-ласковой дали.

Мы знаем, там опять мираж
И за туманом — снова даль,
Равнина, пыль, дорога та же
И та же вечная печаль.

Глаза ребенка-морфинистки,
А тень ресниц на бронзе щек
Лилова. Голос странно-низкий,
И профиль правилен и строг.
— Вы — как античный барельеф,
Низложенная королева! —
Но жестко скажет крайний левый:
— На гильотину королев! —
И, председатель трибунала,
Отдам спокойно палачам
Я ту, которая стонала
В кошмаре страстном по ночам.
Но может быть, — не утаю, —
Что сталь, звеня одним полетом
И над одним же эшафотом
Убьет и жертву, и судью.
А может быть, что после казни
Пойду, ликующий злодей,
На людный карнавальный праздник
Победоносных площадей.

— К оружию: — не умолкала Марсельеза...
Весеннее дыхание земли...
И вы — Наполеон и Юлий Цезарь! —
Нежданная и светлая — пришли.
И с этих пор везде — в базарном гуле,
В рассветной комнате, где дремлет полумгла,
На мягком в летний зной асфальте улиц,
В полях и на реке — двойное солнце глаз!
И — брызги черных и зеленых молний. —
Лишь ласковый поистине суров. —
Победный профиль выбит на червонце полдней.
На серебре ночей и бронзе вечеров.

Борис Несмелов

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

к «Четырем фонетическим романам»

А. Крученых

«Уголовный роман» А. Крученых о разбойнике Ваньке-Каине представляется особо значительным явлением в творчестве этого своеобразного мастера.

Здесь налицо все прежние черты поэта, здесь яркая и определенная, такая характерная для него, установка на фонетику, на звук. Роман воет и стонет, как его озверевший в длительном одиночном заключении герой, бросающийся даже на свою освободительницу.

— Оо-у, уу-а, о-о-ы ы, у-у-у-у... Вот основной звукоряд, мучительное нарастание глухих гласных, которое разрешается в убийство, в хряк, в гром.

Эта смертоносная фонетика уложена, как обычно, в заумные слова, в выразительнейшую **заумь**, ибо блат, воровское и разбойничье арго, испещряющее строчки романа, — это, конечно, не фольклор, не быт, не анекдот, не бабелевщина, не купринские киевские очерки. Это — чистейшая заумь и ею остается, несмотря на прилагаемый автором словарик, из которого видно, что настоящих крученыховских заумных слов, кроме, пожалуй, двух-трех междометий, здесь нет. Именно, просмотрев словарик этих причудливо перемешанных осколков сегодняшнего блата, южно-русского и сибирского диалектов, словечек Достоевского и выражений времен Пугачева, — именно после этого, при чтении романа, легко убедиться, как безразлично смысловое значение этих заумно-незаумных слов. Внимание целиком поглощается звукообразом, таким целостным и динамичным в романе.

Однако, этот дерзко обнаженный прием заумника находится в тесной связи с тем новым и необычным для Крученых, что есть в романе. **Романе.** Оставаясь чистой и мастерской звукописью, «Ванька-Каин и Сонька-Маникюрщица» есть роман в самом настоящем смысле, вещь насквозь сюжетная, больше того — фабульная. Это действительно уголовный, детективный, авантюрно-героический, чуть-чуть даже пародийный («Похождения разбойника Чуркина») роман. Наиболее квалифицированные идиоты, может быть, даже завопят от удовольствия, если заметят, что драматизм романа оправдан не только жутким основным звукорядом, но и **психологически**. Это у Крученых-то! Есть отчего взвыть узколобым «гунявым начтюрьмакам» от поэзии!

Но это уже полное право и неотъемлемое свойство тоже-критиков — безнадежно и неизлечимо не понимать, что лабораторные опыты, как бы сенсационны они ни были, не есть самоцель, что прием создается как орудие сознательного и целемерного творчества.

А Крученых, подобно своему роману и его герою, из темных застенков, созданных литературными тюремщиками, из углов, наполненных запретительным шипом Коганов-Рогачевских, уходит в простор, в вольницу,

— на Во-о-о-лгу —

нового народного эпоса. Сейчас он готовит цикл поэм «Иоганн Протеза», один из самых ярких литературных протестов против войны, этой фабрики механизированных обрубков человеческого мяса... И как смешны после этого шепелявые советы Крученыху:

— «А штоб вам пошмотреть на Пушкина?»

Встреча Крученыха с Пушкиным произойдет не у монумента на Страстной, а в уже близком признании массами нашего заумника — признании через головы хрипло лающих доберман-фричей.

Борис Несмелов.

Сентябрь 1925.

Борис Перелешин

ЗАГОВОР МУРМАН-ПАМИР

БОРЬБА
ЖУРНАЛ ★ ПРИКЛЮЧЕНИЙ
МИРОВ.
50
№1·1924
Заговор
Мурман-Памир
О.ГЕНРИ. АКУЛА ДОДСОН.

ПО ДВУМ НАПРАВЛЕНИЯМ

В марте тысяча девятьсот восемнадцатого белогвардейские организации Советской России росли, как грибы. Многие осмеливались работать, почти не скрываясь. На улицах провинциальных городов личности без погон, но в офицерских кокардах, шлялись, открыто ругая Советскую власть. За столиками кафе перебрасывались без стеснения замечания вроде:

— Выступаем в воскресенье?

— Опять отменят!

— А у нас завтра подпольный смотр.

Официанты льстиво извивались перед офицерами. Случайно забредший в кафе советский деятель чувствовал себя неловко среди злых взглядов.

Конечно, три четверти белогвардейских планов известны были Чрезвычайным Комиссиям. Но решительных мер не принималось.

Приближалось время, когда по картинному выражению тов. Маканциана в «Красной книге ВеЧеКа» Чрезвычайным Комиссиям пришлось «рубить с плеча», очищая города и деревни от врагов Советской власти.

Но это время только приближалось.

— А пока — привлекали за несдачу оружия, — приговаривали к общественному порицанию.

Все грозное еще висело и воздухе.

Каледин был разгромлен, Дутов взят в плен. А на рынках и площадях мудрецы в истасканных солдатских шинелях, раскуривая цигарку, говорили:

— Грызутся только. Погоди, начнется.

Гадали, кто нанесет первый удар и где.

На Украине и в Прибалтике с громом шли немцы. Но внутри Советской России установилась недолгая жуткая тишина.

Назревала действительно страшная месть.

Белогвардейцы становились все развязнее и развязнее.

Только отдельные мелкие организации прибегали к тщательной конспирации.

Среди таких многие оказывались скороспелыми и лопались, как мыльный пузырь. Подчас они задавались необычайно широкими, совершенно нелепыми, планами.

Одна из них носила особенно странный характер. Даже и после полного раскрытия и ликвидации ее, история ее возникновения осталась неизвестной. Инициатор ее, белогвардейский поручик барон Г. и ближайший его соратник Н., погибли еще раньше ликвидации заговора.

Во всяком случае от организации при самом ее возникновении, по вы-

ражению следователя, «пахло диллетантизмом».

Почти первым же шагом ее был крупный провал.

Два студента, очень молодые, очень неподготовленные, неврастеники, в Твери должны были доставить мешок подмоченного охотничьего пороха на вокзал.

И сейчас же засыпались.

На извозчике оба волновались; не сдерживаясь, болтали всякую чушь.

Извозчик вместо вокзала подвез их прямо к Управлению милиции. Одному из студентов удалось вырваться и удрать. Другой, задержанный с мешком, разрыдался и наговорил дежурному целую кучу ерунды. О таинственном яде, о взрывчатом веществе, о таинственных иностранных деньгах, о готовящемся в июне м-це взрыве Кремля, выдал явочные адреса организации в Мурманске и Ташкенте.

Посаженный в подвал сидел весь день, как убитый.

А вечером, воспользовавшись незакрытой по оплошности дверью — улизнул.

Найти его не удалось. В руках милиции остался упомянутый мешок пороха и отобранный клочок бумаги. Клочок бумаги был надорван сверху и снизу, на нем стояло:

«...и строжайшая конспирация.

Общество имеет только два отделения: в Мурманске и Пост-Памирском.

В Мурманске для связи с английскими доверенными, в Пост-Памирском для снабжения ядом "два-икс" от химика Берендеева.

Идейная цель: через свержение большевизма, объединение отпавших областей Империи под властью Российского Двуглавого».

В милиции только покрутили головой.

— Ну и чушь!

— Впрочем дело московское.

И отослали в Москву.

Во Всероссийской Чрезвычайной листок с приложением коротенькой справки милиции носили из кабинета в кабинет. Попал он сперва в руки товарищей Б., М. и Н. Все трое возмущались. Еще больше возмущался товарищ Р.

— Ерунда. Чортова дребедень. Разыграть хотят Чрезвычайную Комиссию. Были мы здесь с некоторыми участками не в ладах, и если бы оттуда, так и решил бы: в милиции для шутки и подстроили. Это все равно, как стихи, у которых из первых букв выходит: долой Советскую власть. Уберите этот листок и не показывайте его мне больше.

В кабинете товарищей П. и Л. коротко сказали:

— Писали сумасшедшие...

И опять отослали в первый кабинет. Теперь листок попал к товарищу Т. Товарищу Т. листок понравился.

— А все-таки...

Вечером он сидел за столом, вчитывался, ерошил волосы, раздумывал. На утро у него сидели Николай Петрович Бурундуков, сибиряк рабочий, 35 лет, старый подпольщик, и Моисей Осипович Файн, 28 лет, из эмигрантов.

Т. говорил:

— Решено ехать Николаю Петровичу в Пост-Памирский, а Моисею Осиповичу, он английским владеет, на Мурман.

Оба всполошились.

— Да куда он их гонит? В чортову прорву! Да ради чего? Из-за двух идиотов. Когда здесь-то, в центре, кишит белогвардейщиной, завтра же, может, придется отстаивать Красный Кремль, каждый боец на учете, — Памирами заниматься?

Т. заговорил:

— Я больше на том базируюсь, что на местах работники необходимы. Мы и так инструкторов посылаем. Подумай, на Мурман, английский десант, сложнейшая обстановка, ты найдешь, какую неотложную работу для нас выполнить. А ты, Николай Петрович, если окажется не заговор, а пустое место, дальше Ташкента не поезжай. Там поможешь наводить порядок...

— И нечего смущаться неизвестной обстановкой, отсутствием сил. Конечно, белогвардейцы строят широкие планы: объединить области, отторгнутые от Российской империи. Вот видите! Да, белогвардейская Россия, как бы зубаста ни была, — узкая. Кто она? Десятки в городах. А революция широка. Это не слова. Мы и среди остяков или ораченов находили себе помощников. Если этот заговор существует, понимаете, мы его охватим с тыла и флангов...

Взгляды всех троих расплылись по необъятной карте России, висевшей на стене.

— Через два месяца, считаю, оба вернетесь.

Наступило молчание. Прервал его Бурундуков:

— Значит, придется мне ехать!

Т. посмотрел на Файна.

— А ты?

Файн улыбнулся:

— Не хочется, конечно, но раз надо...

Т. встал:

— Не пустит вас только Коллегия. Я-то буду настаивать.

Вышел. В голове Бурундукова мчались мысли.

— Чорт те что... Как бросает. Но куда я поеду. И не то будет. Придет время, к неграм куда-нибудь понесет, в Африку, а потом сразу к эскимосам.

Мысль Файна, немножко поэта, не спавшего две ночи, выбивала какую-то дробь:

— Трижды, четырежды опояшу земной шар стальным поясом, бросил пламя на севере и на юге... Что за чорт?

Разрасталась какая-то минутная боязнь и радость огромных расстояний. Вдруг увидел перед собой раскрытые глаза Бурундукова. Они жили тем же. На одну только секунду. Потом Бурундуков спросил:

— Да сколько верст-то до Памира будет?

— Не знаю, тысяч десять.

— Больно много.

Стали считать по карте. Ничего не выходило. Вдруг на столе нашелся старый календарь. Прочли. До Ташкента: три тысячи. Дальше ерунда. Сотни. До Мурмана того меньше. Ну не так-то и много.

Вошел Т.

— Едете!

В тот же день вечером Файн улегся на полку штабного вагона. Полка дрогнула. На секунду перед глазами развернулась та же невообразимость пространства, лицо Бурундукова, уносящегося в какую-то бесконечность. Огромная, на весь мир раскинувшаяся, карта. В тот же день Р., садясь в автомобиль, ругался:

— Фантазерство это в сущности. Для связи с англичанами — отделение на Мурмане! Когда англичан в Москве пруд пруди. Против самой посылки обоих работников возражать, конечно, не приходится.

Т. с головой ушел в навалившиеся дела. От уехавших никаких донесений не поступало. Бумажку подшили к делу. В ближайшее время в Чрезвычайной, если встречались двое и если им хотелось шутить, один, подмигивая, говорил:

— Значит, говоришь, Мурр-ман... Дай папиросу.

Другой отвечал:

— Памир.

Оба хохотали.

БРЕДОВАЯ РОССИЯ
ПЛЮС ТОВАРИЩ ТОЧНЫЙ

По вечерам на улицах еще постреливали. Днем проходили процессии с красными знаменами, звучали слова о национализации крупных предприятий, о незыблемости хлебной монополии, о порядке выполнения Брестского мира.

Но в маленьком особняке по одному из мертвых переулков, зажатых между Пречистенкой и Арбатом, этих слов не слышали. Окна особняка смотрели тускло. Внутри особняк был уже зажат мертвой хваткой истории. В распоряжении вдовы тайного советника и ее сына, лицеиста, владевших особняком, остались теперь только две комнаты.

Сквозь тусклые стекла совершенно не видно было огромную разутую Россию, готовившуюся преломить последний кусок хлеба, в твердой решимости не отдать с бою завоеванные земли и фабрики. Ничего этого в особняке не знали. Зато пересыпали ежеминутно:

— Немцы.

— Англичане.

— Японцы.

— Американцы.

Даже:

— Турки.

Расстояниями совершенно не считались.

— Японцы подошли к Уралу!

— Англичане идут из Туркестана!

Все это преломлялось к тому же в ссылках на каких-то прозорливых старушек и какого-то всеми на Арбате чтимого Матвеича, на точные предсказания о дне и часе восстановления русской монархии.

Вторым — и главным — следствием широчайших планов являлось: тоскливое — ничего неделание на продаваемые кольца, брошки, серебро, золото и морфий и кокаин.

Сырое, но еще по-зимнему снежное, мартовское утро. Лицеист, чистенький, но уже без прежнего шика, растянулся в кресле. Рядом раскинулась огромная — от Мурмана до Памира — карта того, что вчера называлось Российской империей, сегодня же являлось беспорядочным стадом рождающихся коммун и республик.

В карте торчали флажки, все больше красные. Еще на этой неделе Оренбург и Ростов украшены были национальными флагами, но давно уже этим флагам там нечего было делать.

Теперь, казалось, оставалось одно: передвинуть национальные флажки

куда-то совсем к Каспийскому морю, или еще, пожалуй, за китайскую границу (где им торчать собственно вовсе не полагалось), просвистать «кокаинетку» и замолкнуть...

Вместо этого лицеист побарабанил пальцами по столу и сказал:

— Надо ускорить выступление.

Длинный в дымчатом пенснэ неслышно ответил:

— Когда оперировать приходится такими расстояниями, какими оперируем мы, главным действующим лицом является время.

— Совершенно верно, но события могут нас опередить.

В дымчатом пенснэ смотрел вопросительно:

— Вы думаете? Советская власть?...

— Ну?

— Укрепляется?

— Ерунда.

— Красная армия...

— Ерунда.

Длинный умолк.

— Не в том дело. Нас могут опередить другие группы. Моментом наивысшего ослабления советской власти и следовательно наиболее возможным моментом ее свержения явится конец мая...

— Что, кстати, вполне соответствует мнению замечательной рукописной брошюры, вышедшей из Троицкой лавры...

— Ах, на этом, я думаю, все же мы не будем базироваться...

— Нет, почему же в манифесте...

— Позвольте, до манифеста еще далеко. Не перебивайте! Короче говоря, возможны разнородные выступления. Принимая же во внимание наличность группировок...

— Немецкая ориентация?

— Вот именно. Она, несомненно, усиливается. Кадетство к ней определенно склоняется. Но и среди придворных кругов, вы знаете, эта точка зрения имела сторонников.

— Совершенно верно, передается из рук в руки письмо государя императора к Вильгельму.

— Оно явно подложно...

— Не скажите, Балашев видал подлинник...

— Во всяком случае здесь много возможностей. Мы же на это пойти не можем. Я полагаю, что надо спешить.

— Но...

— Последнее донесение Берендеева вы знаете. Опыт, наконец, удался.

— Не вполне.

— Но достаточно для нашей цели. И вот вчера и сегодня я склоняюсь к тому, чтобы Шефтеля и Берендеева вызвать немедленно сюда. Выступление

необходимо организовать в начале мая. Для этого им надо быть здесь в апреле.

— Знаете, идея эта мне нравится.

— Тогда сейчас же посылаем телеграмму.

— Но барон?

— Барон?

— Я полагаю...

— Наша организация кажется не республика, к тому же барона нет уже целую неделю. — Может, его не будет еще месяц.

— Это меня серьезно беспокоит...

Из-за двери позвали:

— Вадим, Вадим.

Лицеист вышел в соседнюю комнату.

Там старушечий шопот, путаясь, сообщил:

— ...бьется головой о дверь, все время кричит, боюсь, как бы не услышали.

Лицо Вадима стало совершенно каменным.

— Но верхние-то двери закрыты?

— Закрыты все время.

— Нельзя ли забросить чем-нибудь мягким, мешками какими-нибудь, чтобы звук не проходил.

— Попробую.

Вадим вышел в коридор, спустился по лесенке вниз, очутился в подвале перед железной дверкой. Дверка дрожала от чьих то ударов.

— Барон?

Дребезжащий голос из темноты выкрикнул:

— До каких пор вы будете морить меня голодом?

— До тех пор, пока вы не сообщите мне берендеевского ключа.

— Сообщить вам, чтобы вы после этого застрелили меня, как собаку?

— Наоборот, вы тотчас же получите деньги и паспорт для проезда в Финляндию.

— Не верю.

— Как знаете.

Вадим помолчал.

— Я ухожу.

— Чорт побери, сегодня крыса почти отгрызла мне ногу..

— Это ваше дело.

— Вы предательски, обманом захватили меня, главного инициатора и творца заговора, вы подрываете наше общее святое дело из-за личных интересов, из любви к женщине!

Вадим возвратился в комнату.

Длинный продолжал прерванный разговор.

— Но покамест барон не вернулся, самое присутствие наших памирских друзей бесполезно. Берендеев же владеет только половиной изобретения.

Вадим улыбнулся.

— Я почти убежден, что наш химик доведет операцию до конца. Итак, вы едете на телеграф? Идемте.

Из особняка вышли две фигуры по направлению к Арбату.

Таким образом из этого особняка тянулся клубок самых странных и запутанных событий. Совсем особыми качествами должен был обладать тот, кому суждено было их распутать. Серьезный, быть может, заговор удобно крылся за бредовой завесой. Ведь недаром ответственные работники только смеялись и махали руками при упоминании об этом заговоре. Им он представлялся сумасшествием или анекдотом. И вот этот анекдот готовился — быть может, больно укусить Советскую власть. Настоящим противником этого заговора мог, пожалуй, стать только человек, сам склонный к некоторой фантазии и преувеличению. Человек, чье неискушенное опытом сознание приняло бы без сопротивления существование таинственного яда и загадочного химика на Памире и еще тысячи тому подобных вещей.

Чье комсомольское воображение мирно хранило бы рядом с тезисами Коммунистического Манифеста головоломные приключения любимого Пинкертона. В то же время исполненный революционной решимости и самоотвержения. Обладающий решительной свежестью восприятия, с гадливостью отвергающий садическую подоплеку, бредовую Россию кокаина и Мережковского.

И такой противник у заговора уже существовал. Более того, на Арбате, он уже стоял за спиной заговорщиков. Имя же ему было Точный. Товарищ Точный.

Не так давно друг и сожитель по комнате товарища Точного, знакомя его со своею сестрою (все трое будущие рабфаковцы, тогда студенты впервые открывшего двери для всех университета), сказал:

— Живой чекист.

Причем товарищ Точный вспыхнул и ответил:

— Я выполняю техническую работу.

Действительно, он покамест подшивал бумаги в кабинете товарища Т.

В этот день он пробирался с грудою книг по Арбату. Метель, одна из последних в этом году, сыпала в лицо горстями снега. Между горстями снега доносились слова:

— ...комиссары, красногвардейцы, члены совдепа!

— Дребедень!

Точный машинально уже прислушивался.

— ...и привезли два ящика опиума. Стоило это им...

Пропуск.

И опять.

— ...погрузили на автомобиль и доставили к...

Точный встрепенулся.

— Да это кто?

Два. Один пониже. Другой высокий.

— Выручка в сотнях тысяч. Риск по-прежнему незначителен. За вычетом организационных и транспорта...

На Арбатской площади обе фигуры остановились.

— Здесь мы расстаемся.

— Да, и надолго...

Жали руки.

— А постоянно...

— Отныне я буду обретаться у Мурмана...

— А я в Памир...

Расстались. Точный пошел за высоким. Вдруг высокий вскочил на извозчика.

В голове Точного мелькнуло:

— Задержать, следить...

Извозчик быстро удалялся.

— Пойду за низким.

Бобровый воротник низкого удалялся в направлении бульвара. Точный моментально его нагнал, заглянул:

— Чорт побери, не тот...

Извозчика и след простыл. Настоящего низкого тоже не было в помине.

— Упустил! Кому же я теперь расскажу, засмеют...

Стоял на углу Воздвиженки в недоумении. Мысли нарисовали стройную картину.

— Явная контр-революция, плюс запрещеннейшая торговля наркотиками, плюс Мурман, плюс Памир. Значит Мурман-то Памир существует? Бежать, сообщить товарищу Т. немедленно!

И сразу же остыл.

— Что сообщить? Два слова, долетевшие с ветром. Все равно не обратят внимания. В Мурман-Памир никто ведь не верит.

И тут же назрела героическая решимость.

— Он должен, он обязан довести дело один самостоятельно до конца!

УЗЕЛ СОБЫТИЙ

Хотя в хозяйственном отделе Глав...снаб... пром... и т. д. было и не так морозно, как в Секретариате (где перья пристывали к чернильницам), но все же сидеть было трудно.

Дора Яковлевна куталась в бархатную шубку, ручки в рукава, лицо спрятано в пушистый воротник. Ровно одиннадцать часов. Промокательная бумага на столе прикреплена аккуратно кнопками. Бумажек никаких, все чисто и на месте. Просеребрился в холодной тишине звонок. И серебристым голоском Дора Яковлевна:

— У телефона! — Я, я...

— Уже? Образчик? — Сейчас. — Хорошо, сейчас же... — Здесь же. Жду... — Да, да... Трубка повешена. Но губки Доры Яковлевны дрожат, движения отрывистые. Вообще неспокойна.

— А это, ах, да, опять... Тут же за плечом вплотную густые сросшиеся черные брови и огромные же черные, наивные и вместе такие сверлящие глаза: товарищ Мартьяныч. Надоедливый. А главное: глаза эти — сидит в противоположном углу, а оглянется и, кажется, что глаза эти с бровями тут вот, рядом.

Комсомольца Мартьяныча, верзилу с красным, как бы всегда с мороза, лицом, сидевшего с Дорой Яковлевной один на один долгие месяцы в этой нетопленной комнате, считала Дора Яковлевна своим заклятым врагом.

Вот и теперь. Мартьяныч уже пристает!

— Товарищ Якобсон! Товарищ Якобсон! Кто это вам звонил по телефону?

— Да оставьте, пожалуйста, товарищ Мартьяныч, что вы, право? Это мое личное дело...

— Вы могли бы дома устраивать ваши личные дела!

— Вот еще ...

Неслышно ступая, вошел человек в теплой бекеше, с мягким кенгуровым воротником, неслышно притворил дверь, взглянул вопросительно.

— Сюда, сюда...

Вошедший и Дора Яковлевна забились в самый угол, шепчутся, ничего почти не слыхать. А все-таки долетает:

— ...Сейчас же, сейчас же понесу и предложу...

— ...Машины нет, нет, я не могу достать, мне теперь не дают.

В голове товарища Мартьяныча:

— Вчера клянчила у Розанова машину, говорит — привезти из деревни картошку, не дали ей.

— Но без машины... Откуда же я... Но крупные комиссионные...

Заговорили о деньгах, и сразу стало слышнее — свистящий шопот:

— При чем тут комиссионные?

— Мы бы сами доставили. Скажите адрес.

— Не скажу я адреса. Буду ждать.

— Где?

Сразу полная тишина. Ни слова не разберешь.

— Значит, сейчас же, сейчас же бегу... Щелкнул каблуками.

В голове Мартьяныча: — По-во-ен-но-му! Дора Яковлевна суетится, что-то складывает.

Вдруг обомлела. Красная невероятных размеров лапища щупает сверток. Мартьяныч спрашивает:

— Что это вы получили, товарищ Якобсон? Не колбасу ли?

— Вы с ума сошли. Оставьте сейчас же. Колбаса вас не касается. Отскочил, ага... то-то, возьму и пожалуюсь Розанову. Со смешком, торопливо: — Чулки и панталоны. И деловито: — Я должна сейчас же убежать на полчаса, не больше.

— Шагайте, шагайте!..

Попудрилась и выбежала.

Мартьяныч у телефона:

— Да, да, да. Коммутатор. Да, да, да. Владимира, Точного попросите.

— Володя?..

— У тебя теперь особый интерес к торговле, ты знаешь чем... Побежала предлагать образчик... То есть очень, очень похоже. Принесли ей сверток, она с ним побежала. Я сверток потрогал... Думал бежать сейчас же за ней... Да? — Ну, хорошо.

Кинулся в соседнюю комнату.

— Одел ваш полушубок и шапку!

И стремительно скатился с лестницы. Спрятался весь в полушубок, до бровей надвинута мохнатая, чужая папаха. Бегом по переулку. Вон она. Теперь осторожней. Перебежала Тверскую. По Тверской. Забежала в подъезд. Дом №! Вбежала по лестнице. Пока звонилась, мимо наверх, скача через несколько ступенек, кто-то пронесся. Дверь захлопнулась за Дорой Яковлевной.

— Так. Квартира №. Дверь открылась и Дора Яковлевна побежала вниз. Мартьяныч на площадке перед дверью.

Дом №. Квартира №. Хорошо. Но... Захватить их здесь можно будет, и товар, вероятно. А от кого получено, кто привозит, и не узнаем. Только станут осторожнее. А Точному важно как раз, кто возит. Памир — ведь? Как же быть-то?

Постоял минуту, пощупал браунинг и храбро позвонил. Удивился, что горничная была, по-старому — дореволюционному — в наколке, чистенькая, почти не видал таких.

А сам стремительно:

— Барышня сейчас заходила, оставила сумочку, очень важно, поскорее... Дора Яковлевна Якобсон... Попал в следующую комнату. Ковры, безделушки. Как живут! Вот тебе и карточная система и предметы роскоши, ставшие общим достоянием. Бумажками запаслись.

Женщина в японском пеньюаре, очень осторожно:

— Но...

А про себя:

— Ведь глаза огромные, наивные, совершенно детские, растерянные...

— Какая сумочка? Никакой сумочки нет?

Перерывала вещи на креслах, на диванчиках, подушки с попугаями, какие-то шелковые накидки. Книги в дорогих переплетах.

— Какая сумочка? Никакой сумочки нет.

Тепло как! А мы встаем когда, ухх... у Точного портянка к Энгельсу примерзла: происхождение семьи, собственности и государства.

В то же время Мартьяныч говорил:
— Главное страшно важно... В сумочке положила бумажки, где записала, что вы ей сказали...
— Ничего она не записывала. Да где же? Женщина продолжала рыться.
— Нет, нет, было. Записала и положила.
— Не я ей сказала, а она мне сказала... По шоссе, за Преображенской заставой 1-й проселок за собачьей будкой, так ведь?
— Вот именно: за собачьей будкой! Налево! — Соврал с разгона Мартьяныч и сам удивился.
— Да это и не нужно, ведь мы с ней будем ждать... Нету сумочки.
— Как же быть-то?
— Но она же будет у меня сегодня!
Женщина придвинулась близко.
— Какие у вас брови! Вы с этим вместе!..
Пахнуло в лицо пудрой, чем то сладким, незнакомым...
А в голове быстрая, невесть откуда, четкая мысль:
— Ура... И своих сразу выдала... А громко:
— Да, да. И выбежал. Про себя: — Да здравствует рабочая революция. Разгромить этот притон.
Все-таки стало легче, когда вышел.
Дора Яковлевна перебегала Тверскую.
Вдруг, вне себя от изумления:
— Барон? Откуда вы... худой, обросший? И тихо: — Из Чеки?
— Нет, нет... Ради Бога, тише... Ничего сейчас не могу сказать. Необходимо хотя бы немного денег.
— Пожалуйста, пожалуйста...
— И ни слова... Вадиму! Что меня видели.
— Вадиму?
— Да, да...
— И никому... пока... Спасибо, я у вас буду, помните же.
— Ну, конечно.
— Исчезаю...
И исчез.
— Ничего не поняла!..
Дора Яковлевна влетела на службу.
— И Мартьяныч ушел? Ах, паршивец... Канцелярия одна оставалась... Ах, нет, вон его пальто висит.
И сразу к телефону.
А Мартьяныч уже тут... Из соседней комнаты слушает.
— Алло! Вы? Вы? Слушайте. Все устраивается. Подходит. Ну да, да... Подходит. Все подходит. Да.. Да... Но необходимо сегодня же. Обязательно сегодня же. Что? Автомобиль? Достали? Уже? Каким образом? Вы смеетесь...

Ну да, конечно, конечно, это ваше дело. Значит, сегодня. Так... Так... Слушайте же: день и час, как мы условились, но се-го-дня. Так..

Дзинь... дзинь... Настала тишина.

— Мартьяныч, меня никто не спрашивал?

— Нет, нет, никто...

Мартьяныч оделся и вышел. Через 10 минут он уже был в Чрезвычайной.

— Володя.

Друзья отошли в сторонку.

— Ну, что?

Мартьяныч подробно поведал о своих успехах.

Точный наморщил лоб.

— Постой-ка! Автомобиль? Идем!

Вышли в соседнюю комнату.

— Товарищ Балин, это у вас звонили что-то об автомобиле?

— Да, да...

— В чем там дело?

— Из Басманного района. В 12 часов на Солянке трое неизвестных подошли к автомобилю Моссовета и предъявили мандаты ВеЧеКа, объявили шоффера арестованным и помчались с большой скоростью в Лефортово, потом по Немецкой улице. На Немецкой выбросили шоффера на полном ходу из автомобиля, при чем шоффер видел, что машина свернула на Елоховку и умчалась по направлению к Преображенской заставе...

Друзья переглянулись: за Преображенской заставой.

— Больше ничего! № машины, описание. Проверяем мандаты. На имя...

— Ладно...

Друзья вышли в коридор.

Точный сказал:

— Заметь, Преображенская застава, шоссе, рядом ведь Московско-Казанская ж. д.... Из Ташкента...

Он был ниже Мартьяныча. Черты лица правильные. Упрямейший затылок приглажен, лицо всегда озабоченное, аккуратен, за что и получил название Точного. В Чрезвычайной его шумливо любили и постепенно втягивали и в серьезную работу.

Мартьяныч говорил:

— Материал, таким образом, прекрасный... Можно хоть сейчас заарестовать Якобсониху и квартиру на Тверской. Ты скажи там.

Точный раздраженно:

— Нет, не то, не то... Совершенно не надо. Сегодня мы должны быть на шоссе и выследить тех... Понимаешь?

— Да, я так и думаю.

— Я здесь определенно подозреваю связь с Мурманом-Памиром.

— Ну на это, ведь, нет никаких оснований.
— Не скажи… А этим…
Точный кивнул в сторону кабинета.
— …не надо ничего и сообщать.
И сейчас же прибавил:
— Они, разумеется, прекрасные работники, стойкие революционеры, но… но… Здесь, в этом деле они не понимают… Они просто не хотят понять…
— Знаю, знаю… Вздыхал Мартьяныч.
— Пойду просить машину.
С большим трудом, чуть-чуть не прибегнув к вранью удалось выпросить машину на всю ночь.
— Заедем и в Лефортово, в милицию, узнаем подробно о той машине.
— Стой. А «собачья будка»? Что за «собачья будка»?
— Верно… Курьер у нас из Черкизова. Спросим.
— «Собачья будка»? Есть, есть… Оно конечно, не собачья будка, а дачка, так ее у нас называют «собачья будка», дверь одна…
Были даны точные указания.
Внизу уже заводили мотор.
В это самое время в Румянцевской библиотеке, в читальном зале сидел невысокий человек в шинели с бобровым воротником (в зале было холодно). Со всех сторон он обложился старинными толстыми книгами, трактовавшими о средневековых казнях, с чертежами всевозможнейших орудий пытки, делал заметки и записывал.
Когда совсем стемнело, невысокий человек сдал книги и направился в сторону переулков, расположенных между Арбатом и Пречистенкой.
Дома ему подали записку. На записке стояло:
«Условия подходящи. Машину достали. Сегодня».
Пришедший сел обедать. Вопросительно взглянул на мать.
Та сказала:
— Весь день с утра тихо.
Сын начал медлительно и спокойно кушать. При этом разложил на столе свои заметки и что-то соображал. Пообедал, не торопясь, пил чай, хрустел печеньем, все время держа перед глазами чертежи. Потом встал и направился в подвал.
У железной двери остановился. Все было немо. Кашлянул. Тишина. Прикоснулся к двери, вдруг… дверь отошла. Попятился. Чиркнул спичку, другую. Каморка была пуста.
На стене кровью, видимо из обрезанного пальца, наспех было выведено:
«Продолжайте наше общее святое дело. С этой стороны меня не опасайтесь. Но с вами лично мы посчитаемся».
«Вами» было подчеркнуто, «посчитаемся» было подчеркнуто три раза.

У железной двери остановился.

Вадим совершенно опешил. Только одна мысль шевельнулась у него: не пожалел собственной крови подчеркнуть три раза...

ПОД ДВОЙНЫМ СВЕТОМ

Наступила ночь. Около часу пополуночи в районе Преображенской заставы по избитому ухабами проселку шла открытая машина.

В машине сидело четыре человека, каждый из сидящих держал наготове маузер. В кузове лежали два ящика, зашитые в рогожи. Машина шла с потушенными огнями. Пробиралась с трудом. Колеса уходили в снег, дорога лежала по ложбинам, взбегала на пригорки.

На значительном расстоянии тускло мерцали редкие огни шоссе. Сидящие напряженно всматривались в непроницаемую стену темноты. Вдруг их внимание привлекло довольно небывалое явление.

Впереди в глухом поле вспыхнул и пропал какой-то довольно неопределенный огонек, потом еще раз, несколько ярче. Пробежало две-три минуты. Огонек вспыхнул еще раз значительно ближе. Потом над гребнем одного из пригорков стало чуть ощущаться какое-то мерцание. Сидевшие в молчании впились глазами в непонятное явление. Мерцание нарастало. Сомнений оставалось все меньше. По безлюдному проселку навстречу путникам шла другая машина.

На гребне холма свет стал ярким, режущим глаза, на одно мгновение две полосы света ударили кверху, качнулись и два пятна-фонаря побежали книзу.

Человек в теплой бекеше с мягким кенгуровым воротником обратился к высокому, сидевшему рядом:

— Мы преданы.

Высокий отвечал:

— Это еще не обязательно.

— Но кому ехать в такую пору по этим местам?

— Конечно подозрительно, но мало ли что возможно... Во всяком случае, не забывайте наш ассортимент советских удостоверений.

Низкий произнес:

— Свернуть некуда. Было бы выгоднее вернуться или остаться здесь.

— Нет, надо идти вперед.

— Вы погубите нас!

— Молчите вы!

Еще мгновение и нестерпимо резкая полоса света ударила в глаза сидящих, разом выхватив из мрака все подробности автомобиля, пассажиров и груза. Крывшаяся до сих пор в темноте машина была открыта.

— В последний раз говорю — вернемся.

— Поздно...

Но поймав бандитов в полосу света встречная машина, шедшая под ук-

лон со значительной скоростью, стала заметно сокращать ход и посреди спуска затормозила. Нижняя машина медленно, проваливаясь в снег, ползла кверху. Сидевшие в ней под яркой струей света инстинктивно жались к углам, прятали головы в воротники.

Руки судорожно прирастали к рукояткам маузеров.

Когда мотор машины, боровшийся со снегом, на секунду затихал, слышно было частое та-та-та-та стоявшей.

Нижняя как бы придавленная происходящим робко ползла, огибая пришедшую из города.

Встречная качнулась, чуть попятилась и поворачивалась, сохраняя шедшую наверх под фонарями. Во время этого перемещения неясно можно было различить скрытый за сиянием фонарей силуэт стоявшей: сорокасильный кареткой «бенц». Число людей, сидевших в «бенце» определить было невозможно.

Ни с той, ни с другой стороны не было произнесено ни одного слова. Открытая машина пробиралась вверх по-прежнему в лучах света. «Бенц» на некотором расстоянии следовал за ней. «Бенцу» идти было легче: он был сильнее и шел по колеям, проложенным первой машиной.

Настроение бандитов было подавленное. План «бенца» был совершенно правилен: став позади шедшей в город машины, отрезать ей путь бегства в поля и прижать ее к городской черте: освещенным улицам и милицейским постам.

Видимо рассчитывая в любой момент нагнать противника, «бенц» заметно отставал. При этом в «бенце» шли разногласия.

Шоффер, оборотясь к Мартьянычу и Точному, говорил:

— Мы дурака валять сюда выехали, или за делом?

На что Точный отвечал опять-таки вопросом:

— Товарищ шоффер, вы в нашем распоряжении, или мы в вашем?

— Не знаю, кто у кого в распоряжении, возможно, вам интересно из себя начальство строить. Понятно, я шоффер, величина незначительная, даже просто мнимая, травка, былинка, однако, если бы захотелось сказать: не идет машина, испорчена, то, конечно, самое большое начальство, хоть отсюда, кати пешком — не угодно ли пройтиться! При том же я шоффер ВеЧеКовский, дело свое знаю и вас постарше.

Убеждения, кажется, действовали. Точный сказал:

— Так что же вам надо?

— То, что и давеча сказал, когда они под нами стояли. Надо было сразу их брать, теперь чего мы едем. Подойти и задержать с поличным!

— Ах, вы ничего не понимаете...

— Вы-то очень много понимаете!..

— Еще рано, надо их довести до города.

— Вот глупость-то, жди неизвестно чего! Мало ли что там впереди у них

будет. А может у них там впереди-то посты свои выставлены, да караулы. Как бандита увидали, значит надо его брать.

— Их четверо, а нас...

— Вот невидаль, да я бы и один налетел. Они же дрейфят. Подошел бы: дай документы, бросай оружие и крышка. Ну вот что, ребятишки! Хотите, не хотите, можете выпрыгивать, а я к ним подъезжаю...

Шоффер ускорил ход. «Бенц» нагонял.

Комсомольцы волей-неволей принужденные согласиться, приготовились к бою.

Вдруг далеко позади раза три неясно прозвучало что-то похожее на автомобильный гудок. Через секунду из-за лесочка сильная струя света полоснула горизонт. В «бенце» остолбенели.

Третья машина вдогонку обеим шла по проселку.

Притом машина огромной мощности.

Полуинстинктивно шоффер «бенца» выключил фонари.

Как по команде, очутившаяся в темноте, головная машина зажгла фонари и стала поворачиваться, нащупывая врага.

Новая же машина летела, действительно сломя голову, пользуясь колоссальным превосходством хода, приближалась совершенно открыто, ощупывая горизонт и все время давала сигналы, как бы вызывая на бой любого врага.

«Бенц» стоял в ложбине. Светящаяся рука задней машины из-за холма уже протянулась высоко в воздухе над «бенцем». Но и спереди фонари бандитской машины, раскачиваясь, наступали.

— Необходимо сейчас же свернуть с дороги, прошептал шоффер.

Но кругом глубокий снег. Свет от задней машины повис в каком-нибудь аршине над кареткой. Еще минута и «бенц» будет открыт. Вдруг Мартьяныч выкрикнул:

— За сарай!

Действительно, на краю дороги чернела какая-то постройка.

«Бенц» подлетел к ней, шоффер со всей силой ударил передними колесами в приоткрытые ворота. Они распахнулись и «бенц» на три четверти заскочил в сарай, но задние колеса завязли.

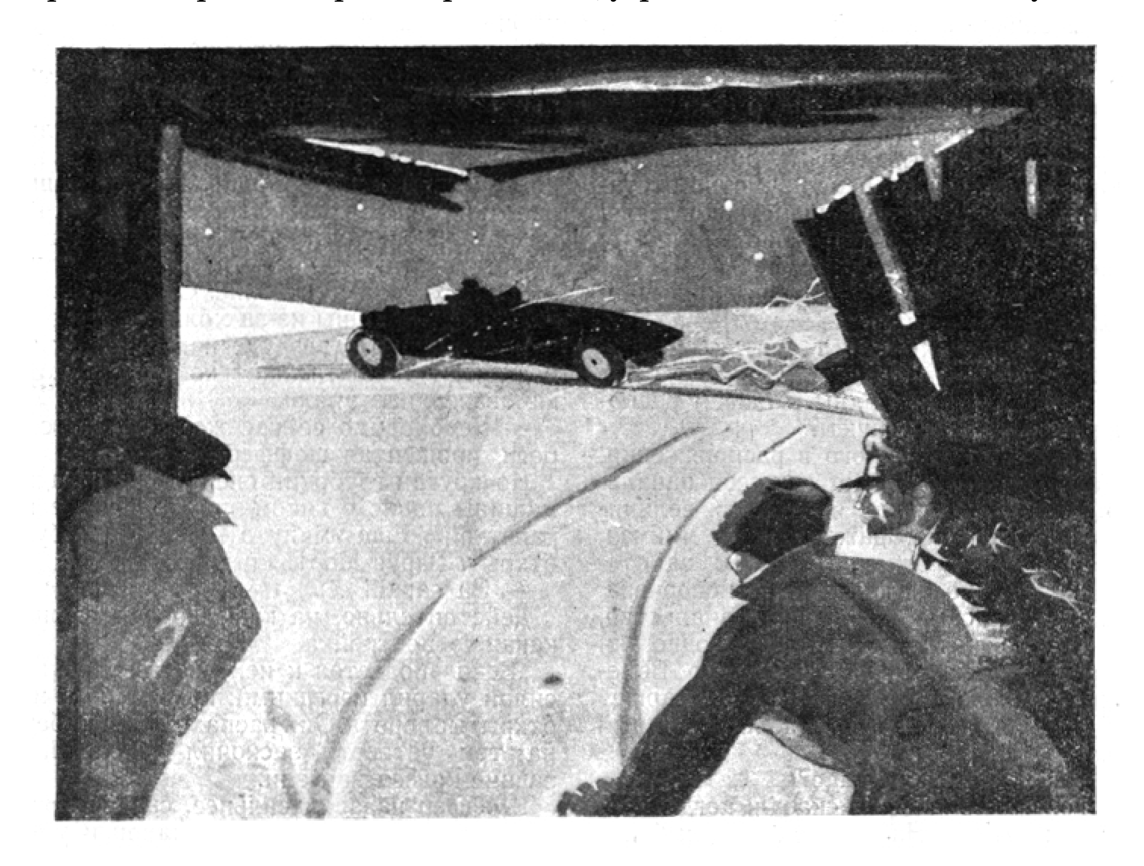
Шоффер надавил сильнее, сарай трясся, трещал, но не пускал. Еще напор, и машина вскочила в сарай, хвативши с разгона в противоположную стенку. Солома, доски, всякая дрянь посыпались сверху, выбили стекло каретки, зацепили шоффера по голове.

Тотчас же шоффер выключил мотор. Зад каретки исчез как раз вовремя, потому что нестерпимый свет в упор залил дорогу перед сараем, пролез в каждую щелку, слепил глаза.

Шоффер, Мартьяныч и Точный с револьверами в руках стояли в воротах, забыв о передней машине, все трое не могли оторвать глаз от налетав-

шего сзади пятна света.

Задняя машина развила исключительную скорость. Измалывала снег в порошок. Сирена теперь все время выла, угрожающе взвизгивая и оглушая.



Шоффер, Мартьяныч и Точный с револьверами в руках стояли в воротах…

— Идет страшной силы машина, — шопотом сказал шоффер.

— Пройдет или остановится? Все молчали.

Вдруг шоффер уверенно сказал:

— Идет мимо.

— Почему?

— По ходу видать.

В то же мгновение что-то, как вихрь, засыпало весь сарай снегом, сразу наступила тьма и черное узкое тело, как пуля, исчезло впереди.

Точному показалось, что в небольшом автомобиле сидел всего один человек. Еще раз пролетевшая машина целой кучей снега мелькнула на ближайшем пригорке, перемахнув его с такой силой, что задние колеса под-

бросило в воздух. И все разом провалилось за гребень.

Но дальше наступило нечто непонятное. За гребнем прозвучал выстрел, другой. Раздался звон разбитого стекла. Потом выстрелы посыпались часто, как из пулемета.

— Револьвер-пулемет, — сказал шоффер.

Хлопали маузеры. Бились стекла. Лопались шины. Фонари плясали по горизонту, по-видимому машины крутились на месте. Слышались крики, ругань.

Постепенно все стихло.

Шоффер, Мартьяныч и Точный начали выкатывать машину из сарая. Это отняло немало времени, так как ворота не пускали. Наконец, машина стояла на дороге. Ее пришлось еще заводить. Фонари, поврежденные от удара об стенку сарая, зажечь не удалось.

За пригорком воцарилась уже полная тишина. Но когда «бенц» взлетел на пригорок его сразу охватило светом: освещала его только одна пара фонарей. Потом свет стал удаляться, при этом далеко не с прежней быстротой. Осторожно проехали место побоища, усыпанное разбитым стеклом, после чего «бенц» пошел на третьей скорости.

Комсомольцы, сжимающие револьверы и внимательно глядевшие в темноту, заметили, что расстояние между машинами сокращается. Удалось выяснить и причину ослабленности хода передней машины: она вела на буксире открытую машину, встреченную комсомольцами ранее.

«Бенц» определенно нагонял. Но навстречу уже плыли тусклые огни шоссе и вырисовывались окраины. Неизвестные уже взобрались на обледенелый, довольно крутой, подъем, отделявший их от шоссе. Здесь их колеса забуксовали, «бенц» моментально подлетел. Оставалось еще несколько саженей, «бенц» был на середине уклона, неизвестные вверху. Вдруг комсомольцы почувствовали тяжелое темное тело, летящее по уклону на них. Шоффер едва успел выбросить машину в сторону, где она провалилась в глубокий снег и легла на бок. Мимо по уклону пронеслась открытая машина без всякого управления и застряла в снегу несколькими саженями ниже.

Оказалось, что неизвестные, может быть, видя, что удрать не удается, обрезали веревку, за которую привязана была буксируемая машина. Передняя машина, освобожденная от груза, сразу рванула вверх и со страшной скоростью пролетела шоссе. Победоносно рявкнула несколько раз, потом видно было, как, то гася, то зажигая фонари, иногда подвывая, она раза два круто свернула, понеслась мимо какого-то бесконечного забора и пропала.

Шоффер смачно выругался. Все трое не без труда подняли завязший «бенц» и вытащили его на дорогу. Побежали к нижней машине. Она оказалась пустой, с разбитыми фонарями, лопнувшими камерами. Пришлось взять ее на буксир и тащиться в город. Шоффер не очень унывал:

— Все-таки подработали машинку.

Люди его интересовали меньше, чем машины.

Но комсомольцы были злы. Не было никакой возможности разобраться в происшедшем.

А что им скажут завтра в Чрезвычайной за то, что допустили провоз в город наркотиков?

— Второй раз под самым носом, — бормотал Точный.

В Совете были очень удивлены, когда в 3 часа ночи им доставили, хотя и помятую, но в общем исправную машину, уведенную накануне.

СЛЕД АВТОБАНДИТА

В последний, может быть, раз в этом году снега по-мартовски ослепительно сияли. Ветер дышал свежестью и гнилью. Проселок на ухабах заледенел.

По проселку, тому самому, на котором вчера произошел загадочный грабеж, шли трое.

По бокам Мартьяныч и Точный. Между ними шагал невысокий человек в валенках, теплой курточке и шерстяном шлеме. Лицо не молодое и не старое, круглое. Зрачки, маленькие, как булавочные головки, сверлили залитое светом пространство.

Это был знаменитый, единственный в России «автомобильный человечек» московского Угрозыска. Незаменимость его заключалась в том, что он знал все автомобили в Москве наперечет, по №№ и по внешнему виду, даже по отдельным частям. Знал в лицо всех шофферов, всех мастеров по ремонту, мог, наконец, определить машину по ходу и по гудку. Часто сидя в одной из имеющих отношение к розыску комнатках по Тверской, человечек, закрыв глаза, вслушивался в уличный шум, различал знакомые машины, знал, во сколько, приблизительно, часов должна пройти та или другая, знал часто кто, куда и зачем едет. Услышав незнакомый звук, хмурился, вскакивал, присматривался и запоминал. Москва была для него только большим и сложным механизмом, который можно разобрать и сложить по частям при достаточном навыке.

Уже первое появление его в Угрозыске было необычайно. В полном смысле слова его создали события. Несколько лет тому назад, перед войной, когда особенно развились грабежи на автомобилях, и розыск сбивался с ног в борьбе с этим новым видом преступления, появился маленький человечек. Почти в том виде, как и теперь, он вошел в кабинет начальника и сказал:

— Вот я знаю все московские автомобили по №№ и по виду.

Начальник удивился. Проверили. Оказалось верно. Еще раз проверили. Опять оказалось верно. Удивились еще более. Сразу пустили человека в работу. Результаты были поразительные. С тех пор человечек ценился на вес золота.

Шел он очень неуклюже, расставив руки, опустив голову. Мартьяныч и Точный со вниманием следили за ним. Все их вопросы человечек оставлял без ответа. Он внимательно разглядывал следы шин, уцелевшие коегде на дороге.

Один раз на особенно ярком месте сказал:

— Вот ваш «бенц» шел, вот их ихняя открытая, а вот...

Тут он с уважением замолчал. Легкий ноздреватый снег был прорезан двумя уверенными глубокими колеями сравнительно с другими довольно узкими.

Не оставлял без внимания человечек и попадавшихся пятен от бензина. У одного даже встал, внимательно и серьезно понюхал. Лицо стало уверенным и твердым.

Он обратился к Точному:

— Была она ростом повыше среднего, зад у ней острый, яйцом, сидел в ней один человек.

— Так, так и было, — поспешно отозвался Точный.

Человечек молчал.

— Машина страшной мощности, — прибавил Точный.

Человек усмехнулся.

— Ну страшной не страшной, это вам со страху почудилось. А все же для легковой очень порядочная, 70 сил. Машин таких на Москве всего несколько, на перечете. Машина, конечно, удивительная. Ее бы председателю нашей Красной Армии, товарищу Троцкому, а вот, поди же ты, ездит в ней автобандит.

Имя Троцкого, только что оставившего комиссариат иностранных дел и принявшего комиссариат по военным делам, было в эти дни у всех на устах.

Наскучившее молчание прервал Точный.

— Я подозреваю разногласие среди членов Мурман-Памира. Возможно, что в 70-сильной ехал кто-нибудь из них же.

Человечек мрачно пробормотал:

— И никто не из их, ехал в ней Левка-автобандит. Покрышки, сволочь, переменил, да не проведет, нажим у него особый, и все другое.

Точный, наконец, возмутился:

— Товарищ, вы не имеете никакого права не отвечать нам на вопросы, мы работники Чрезвычайной Комиссии, будьте добры немедленно объяснить, кто такой бандит, о котором вы говорите!

Человечек прищурил один глаз и лениво, нехотя пробормотал:

— Да и объяснять то, можно сказать, нечего. Есть такой на Москве Левка-автобандит. Машину водит прямо превосходно, по-цирковому, ездит он всегда один. Налеты делает постоянно. Пришить его не было никакой возможности, всех измотал, подлец, в доску. Только слушок был, заключили с ним наши агенты вроде договор такой, ни он никого не трогает, ни мы как будто, опять же, чтобы вернее взять. Не знаю этого я, не точно это. Только вот уже полгода Левка верно, как в воду канул. Ни слуху, ни духу. Теперь же, покрышки переменил и вновь выехал. Правда, поступает по справедливому, по-своему то есть, не на мирных граждан напал, а опять таки на воров. Но все же не имел полного права. Это он, вернее всего, весточку нам подает, вот, мол, я выплыл, а как вы к такой моей деятельности отзоветесь?

Дороги разветвлялись. Глубокие колеи шли в одну сторону, след же открытого автомобиля в другую.

— Нам необходимо выяснить, откуда пришла открытая машина, — сказал Точный.

Человечек ответил:

— Выясняй не выясняй, а вон взгляните, тянется ее дорога, опять таки от шоссе, а на шоссе все следы затерты, там выяснять ничего не берусь. За автобандитом же пойти можно будет!

Действительно, колея открытой машины за несколько десятков саженей выходила на какое-то шоссе, след же автобандита вел за лесок на горку. Там оказалась небольшая деревушка, дворов 10. Следы шин уперлись в ворота. Двор был пошире и получше других, здесь помещалась деревенская лавочка. Автомобильный человечек постучал в избу.

Хозяин, довольно жуликоватого вида, подозрительно оглядел вошедших. Но человечек прочно уселся на лавке и заявил:

— Ну, хозяин, хочешь — не хочешь, принимай гостей. Собирай обедать, умаялись очень, да не бойся, за все уплатим.

Пообедать было совершенно нелишнее, появились жирные щи. Автомобильный человечек ел молча, уткнувшись в тарелку, потом, скосившись на хозяина, неспешно произнес:

— И долго Левка вчера у тебя просидел?

На хитрого, подслеповатого крестьянина вопрос, казалось, не произвел никакого действия. Сидя в углу, он продолжал закручивать цигарку, лицо не дрогнуло, так же неспешно, как и агент, он ответил:

— А кто по нашим местам ходит, свидетелей за собой не водит. Человек штука легкая, что твоя пушинка. На ладонь положу, да подую, а там кто хочет пяль зенки. Ветром надуло, ветром и сдуло. Тебе кого надоть, ищи на проселке с ветром.

Агент в тон ему сказал:

— А бывает и по-другому. Медведь идет, где хребтом зацепит, сук ломит, лапой встанет, а на снегу коготь лижет, может, и к тебе на двор закатывал.

Не моргнув глазом, хозяин затянулся цигаркой:

— Спасибо, что сказали. Баба моя и то двор разметает. Точно у меня ворота настежь, сами видите, хозяин я хлебосольный. Не только медведь, может и тигра из цирка по двору бродила, всякого за хвост не ухватишь.

Автомобильный человечек снова уткнулся в тарелку. Хозяин молча сплюнул. Отобедали. Агент набил трубку и опять не спеша спросил:

— Да ты скажи лучше, сколько тебе за молчание дадено?

— А что, нам? Наше дело маленькое, деньги берем, бухгалтеров не держим. Мы со старухой люди больные, пошарь по тулупам, хоть копейку найдешь, все твое, не жалко. А коли в углу, где под черный день припасена копейка, то опять же на деньгах штемпелей не кладут, кому и за что отвалено.

— Верткий у тебя хвост-то. Да только опять ты не на тот лад запел. Может мы тебе и сами приложим малую толику.

Старик почесал голову и, с расстановкой, с видом глубочайшего презрения произнес:

— Оно конешно, бедным людям всякий поможет, и наша милость взять не откажется. Только и бумажка наша — керенка — что в ней! Ни в карман ее не положить, ни купить на нее нечего Тяжелое для нас мужичков времячко подошло.

— А эта тебе не подойдет?

Агент вытащил из кармана радужную «Катеньку». Старик весь оживился.

— Гляди, паря, ей право, как бы и впрямь у нас разговора не вышло.

Агент заговорил совсем новым тоном:

— Да ты подь сюда ближе, милый человек, я то ведь вижу, ты сам не из ихних, а заезжал к тебе Левка может и не раз посидеть да переждать, только и всего твоего дела.

— Да что тебе-то от нас нужно? Не бойсь, сойдемся.

Старик подсел к столу.

— Вот то-то и оно. Скажи нам только, что о Левке знаешь и как его найти, к примеру сказать, завтра. За сказ дам тебе я сразу эту самую «Катеньку», а как мы по твоим словам на деле проверим и окажется все, как следует быть, тут мы тебе вторую, без обмана!

— Уж будто и вторую дадите?

— А что же?

— Ну давай бумажку-то.

— Бумажка не уплывет. Ты мне веришь, я тебе верю. Вот тут пусть полежит на середке. Скажу бери, так и твоя. А ты не стой, выкладывай, что знаешь.

Старик придвинулся и, понизив голову, заговорил:

— Правильно ты сказал, Левку только я и знаю, что он ко мне заезжал да всего-навсего два раза. А кто ему на меня указал, к этому дело не касается. Левку же хоть завтра же взять можете, скажу я вам: есть на Сухаревке по названию «рыжий», все его знают, порошками разными торгует от клопа, а вернее совдепскими бумагами, какие кому потребны, липами то исть, и где он обретается, есть у них такое вроде кафе свое, самогон дуют, другое чорт их что ведает, здесь-то Левка обретается каждодневно. Так мне и сказывал: если что тебе надо ко мне, найди «рыжего». Ну давай деньги.

Старик воровским движением схватил бумажку со стола.

— Да стой ты, стой...

— Вот тебе и стой, проверяй на деле, да гоните вторую такую же.

— Ну, ладно, чорт с тобой.

Агент стал напяливать шлем.

Старик суетился, в волнении засовывал «Катеньку» подальше.

— Ну вот, ну вот, так-то получше будет, миром да ладом, а ругаться не

надо. Христос с вами, подите.

Но агент мрачно сказал:

— Ладно тебе с твоим Христом. Ты на свет бумажку посмотри!

Старик весь изогнулся:

— Да что ты, никак фальшивая?

— А что же, я бы тебе настоящую дал? Мы для таких супчиков, как ты особые деньги носим!

— Ах, ты чорт... старик залился градом ругательств.

— А ты полай еще, полай немножко!

Агент приставил револьвер к лицу старика, потащил за воротник в угол и водил дулом перед глазами из стороны в сторону.

— Если, собака, Левке да что-нибудь известно станет — конченый ты человек.

По дороге в город автомобильный человечек посоветовал Точному, если его интересует автобандит, скорее, не теряя времени, отправиться по указанному адресу.

КУАЙТ ИМПОССИБЛ — СОВЕРШЕННО НЕВЕРОЯТНО

В Петрозаводске Файну дали самые неопределенные сведения о состоянии Мурмана и бездну инструкций: сделать то-то, то-то и то-то.

От Петрозаводска Файн ехал в обледенелом вагончике одного из редких сборных поездов, и назывался уже не Файном, а подпоручиком Фокиным, цели же поездки подпоручика на Мурман были весьма расплывчаты: тут была и кооперация, и интересы частных владельцев, касающиеся какого-то инвентаря и какой-то рыбы, и еще что-то другое.

Покряхтывая и простаивая часами на полустанках, «максим» добрался до Кандалакши, но здесь стало ясно, что дальше ехать не придется.

Во-первых, снежные заносы, во-вторых... советские поезда на север вообще как будто не шли.

Слухи в засыпанной снегом Кандалакше передавались самые разнообразные: где-то совсем близко финны с германцами, с другой стороны англичане не хотят движения немцев на Мурман и что-то предпринимают, наконец, — и это самое главное, — на лицах железнодорожников определенно читалось настойчивое ожидание Советской власти.

В продрогшей, ослепшей на ревущую пургу одним ледяным окошечком будке Файн уже вполне конспиративно получал маршрут дальнейшей поездки: на полустанке таком-то у стрелочника Иваныча пересесть на собак, на собаках 120 верст к Николаю Петровичу в землянку, от Николая Петровича на собаках же или к линии, или до самого Мурманска.

Был конец марта, и дни прибывали, но все еще почти целый день лежали сумерки. Файн проехал несколько перегонов на паровозе. За один перегон от станции, где находился нужный Файну стрелочник, пришлось высадиться.

Ждать неопределенное время или пройти оставшийся перегон пешком. Файн выбрал второе и в обществе ехавшего на Мурман норвежского капитана и какого-то совсем случайного купчика бодро зашагал по полотну.

Незнакомая суровая страна, окаменелое молчание тайги, замороженные дали, то серебряные в часы недолгих рассветов, то зеленые от северного сияния, все это вливало в него прилив свежих бурлящих сил.

Не изумила и довольно неожиданная встреча: замерзший паровоз, а на нем трое — финский разведчик, английский офицер и русский в погонах капитан. Машинист и кочегар бежали, заморозив их посередине перегона, интервентам пришлось довольно туго.

Файн прекрасно вошел в свою роль: мигом сговорился с белогвардейцем, хлопнул англичанина по плечу: «Типерери!», выкурил с финном пару

угрюмых трубок. Тут же предложил такой план: нарубить в лесу дров, затопить паровоз и двинуться к Мурману. Но белогвардейцы ждали с минуту на минуту прибытия подмоги. Только англичанин, особенно спешивший, после недолгого спора, зашагал вместе с Файном до следующего полустанка.

Был это добродушный розовый канадец. Страшно радовался, что встретил знающего английский язык... Засыпал вопросами о Советской России. Файн излился целым потоком ругани на большевиков и «бошей» и постепенно завоевал полное расположение канадца.

Попутно Файн нащупал нечто интересное. Простодушный канадец, не стесняясь, хлопал по полевой сумке: ого, здесь что-то есть. И Файн догадывался: что-то имеющее отношение к петрозаводским сообщениям. Две-три английских фамилии, известных в Петрозаводске, сказали ему многое. Он же с своей стороны бросил, как бы мимоходом, несколько русских фамилий, дал понять о некотором касательстве к русской контрразведке и, наконец, выяснил: канадец вез перехваченный план связи Петрозаводска с Мурманом и данные о мурманских большевиках. Файн уже подумывал о том, как бы всадить ему пулю в затылок, но мешали спутники.

На полустанке канадец с унылым видом забился в углу мерзлого барака. Ждать неопределенное время! Файн отыскал стрелочника. Обмерзшее усатое лицо смотрело заботливо и серьезно.

— Моментом собаки будут! Повезет лопарь надежнейший! Книжечек-то не привезли?

Файн поделился с Иванычем и сведениями об англичанине.

— А как же его избыть?

— Трудное дело.

— Вот разве уговорить ехать с собой на собаках, да и привезти к Николаю Иванычу, а там засадить в виде заложника. Это сделать можно, сани на троих.

Файн с восторженным видом ворвался в барак, где мерз канадец.

— Капитан, все устраивается, собаки, едем!

— Собаки? В чем дело?

Файн объяснял: чертовски повезло, нашелся лопарь, предлагает везти до встречи с поездом или хоть до самого Мурманска, очень недорого.

Канадец колебался. Подсыпался норвежец, но Файн разводил руками: ах, так жаль, сани на троих. Да едем же, капитан, едем.

— Годдем — чорт возьми! Я слишком многим рискую, — канадец хлопал по полевой сумке.

— Капитан. Май армур эдо май ляйф! — мое оружие и моя жизнь! С англичанами до последней капли крови.

— Ладно. Едем.

Собаки уже звенели бубенчиками. Тайга и вечная тьма непроницаемой стеной охватили троих. Куда-то в знакомую бескрайную тьму уносились

легкие санки. Лопарь порой что-то напевал. Лес молчал. Высыпали крупные звезды.

Канадец и русский отогревались под оленьими шкурами, потягивали уиски, переговорили обо всем, о чем можно было переговорить, играли в шахматы, не глядя на доску, выкурили сотую трубку настоящего кепстена.

Но надо было действовать!

Англичанин дремал.

Проще и целесообразнее было бы всадить ему сейчас же пулю, но... здесь, под немым шатром пустыни, поднять руку на единственное понимавшее его живое существо, спавшее под одним одеялом с ним...

Файн этого решительно не мог сделать.

Беспощадная классовая вражда, железная необходимость человеческих жертв. Но есть еще другая борьба — борьба с природой. Здесь в леденящем воздухе севера этот человек грел его своим телом. Розовый, почти мальчуган, три года со скамьи колледжа.

Он носит запятнанный кровью мундир британской армии, но этого еще мало. Вреден не он, вредны его бумаги. Рискнем немножко. Риск и невелик. Малодушие, сантиментальность или... Закон жизни?

При первой возможности щадить врага!

И Файн выбрал более мягкое средство.

Сперва тонким ремешком прикрутил руки англичанина к саням, потом ноги. Лопарь обернулся и при свете звезд одобрительно осклабился: да, да. Файн срезал с канадца маузер, драгоценную полевую сумку. Туго прикрутил все тело ремнями.

Теперь, когда момент ужасного колебания прошел, Файну стало особенно весело и бодро. Хотелось шутить. Канадец уже открывал глаза, пробовал повернуться, изумлялся: в чем дело? Посыпался град английских слов. Канадец не знал, шутить или угрожать.

— Капитан, вы так крепко спали, сани так неслись, вы бы непременно упали.

— Да, но отвяжите меня, я буду держаться!

— Зачем? Вы же можете прекрасно спать. Спите.

Канадец ненадолго замолкал.

Потом опять начинались просьбы.

— Капитан, я не потому вас связал. Капитан, в России есть обычай: кого очень любят, того связывают ненадолго. Это знак любви. Серьезно. Очень древний обычай. Связывали иногда и царей, из чувства почтения.

— Ничего не понимаю. Странный обычай!

Канадец возмущался. Сани летели, тайги уже не было: бежала низкорослая карликовая поросль. Проступали очертания ледяных гор. Обжигающее дыхание бесконечных равнин и океана заставляло с головой прятаться под шкуры. Канадец шутил все реже:

— Поручик, я нахожу это неприличным, шокинг, дальнейшие шутки неуместны. Бросим это!

Файн заливался смехом:

— Ну, дорогой мой, ну потерпите еще немного! Это так забавно.

— Не понимаю, что тут забавного?

Файн вкладывал в рот британца трубку, приставляя бутылку уиски к губам, смешил все новыми анекдотами.

В один из бесконечных часов, затерянных между двумя трехчасовыми днями, часов без начала и конца, санки оставили последние чахлые кустики и потерялись в безграничной тундре. Открывались необозримые горизонты.

Во время небольшой стоянки Файн выскочил из саней и бегал по равнине, разминая ноги.

Случайно он остановился и не то от радости этого сказочного простора, не то, чтобы просто прочистить горло, стал выкрикивать в морозном воздухе отдельные митинговые фразы.

Увлекшись, он стал среди ледяной пустыни произносить целую увлекательную речь, обращаясь к мурманским рабочим, о торжестве великой революции, и вдруг залился звонким смехом, уловив на себе внимательные взгляды... собак. Распряженные для минутного отдыха, не слышавшие должно быть никогда длительной непрерывной человеческой речи, собаки теснились вокруг Файна. И еще одна пара глаз внимательно следила за ним: глаза англичанина из саней.

Файн совсем развеселился. Он стал в позу и на английском уже языке громким голосом начал речь: гулльские и эдинбургские докеры, грузящие оружие для подавления русской революции, вы, корнуэльские рудокопы, не затягивайте же войну, которая выпьет из вас последние соки, не идите в армию, бастуйте, образовывайте Советы!.. Смерть капиталу, смерть военной клике!

В бесконечных тундрах севера связь между животным и человеком, равно затерянными слабыми единицами среди огромных морозных просторов, особенно велика, животное особенно чувствует свою зависимость и быстро схватывает настроение человека. Собаки, сбившиеся вокруг Файна, глухо заворчали и вздыбили шерсть навстречу невидимому врагу.

Файн катался от смеха. Англичанин злобно процедил сквозь зубы:

— В России и собаки митингуют!

Попробовал улыбнуться, но улыбка — не от 50° ли мороза? — конвульсией застыла на губах. Вдруг сделал бешеную попытку подняться и вне себя от ужаса и бешенства выкрикнул:

— Вы большевик... я вижу, вы большевик!

Файн спокойно и твердо сказал:

— Да, я большевик, а вы мой пленник!

Лицо канадца передернулось молнией ужаса: от полной непостижимости происшедшего и сознания отчаянной беззащитности среди ледяной пустыни.

Файн сказал:

— Вам не угрожает смерть, вы являетесь заложником за наших братьев, задержанных в Мурманске.

Англичанин недоумевал.

Случайно остановился и стал выкрикивать отдельные митинговые фразы.

— Но почему же меня везут не туда — он показал в сторону России, а к моим же соотечественникам?

— Потому, что надо ваших соотечественников отсюда... вот так. — Файн сделал кулаком энергичный жест в сторону севера.

Собаки уловили движение и опять зарычали, лопарь залился хохотом, канадец начал ругаться.

Вперед!

Сани стрелой мчались по равнине.

Русский и англичанин опять лежали рядом. Чертенок веселости опять завозился в Файне:

— А может, капитан, это все шутки, я не большевик, и сейчас мы помиримся?

Но глаза англичанина не шутили. Он только язвительно пробормотал:

— Большевистские лозунги вполне доступны пониманию собак.

В тон ему Файн ответил:

— Истинно человеческое сердце легче находит путь к животному, чем к офицеру британской армии.

Англичанин озлобленно кинул:

— Шутки бошей!

Но лопарь уже показывал куда-то вперед.

Файн ничего не видел.

Вдруг навстречу с лаем понеслись собаки и показалось маленькое черное отверстие в снегу.

Потом сани с размаху зарылись и снег. Около саней стоял весь утопавший в меху Николай Петрович и вопросительно смотрел на незнакомца в санях и на связанного английского офицера.

Кинематографически сменились еще 48 часов. Файн снова лежал в керешке (сани), покрытый оленьими шкурами. Мчали его теперь не собаки, а пригнувший рога к спине светлосерый в пятнах олень. На передке сидел съежившийся в комочек, но не перестававший болтать или напевать зуек (мальчик по-поморски). Путь лежал теперь не на север, а на северо-запад, куда-то вдоль побережья студеного океана.

Случилось это так.

В тупе (зимнее лопарское жилище) Николая Петровича с англичанином долго разговаривать не стали. После десятиминутного спора на международные темы его отправили на собаках куда-то в сторону, к лопарям, в глушь, где сам чорт не сыщет. Это было не лишним, потому что мимо становища Николая Петровича существовало, хотя и слабое, но все же движение: преимущественно лопари, но иногда и русские и англичане.

Влившись в себя солидную порцию рома и получив первую точную информацию о Мурманске, Файн в полтора суток пролетел оставшееся расстояние. Наскоро отдохнул в явочной квартире. Окинул взглядом и легко освоился с небольшим, сложенным из бревен поселком, каким являлся Мурманск, возникший два года назад на голом месте по воле мирового империализма.

За час или два освоился с полуподпольными организациями, в которых существовали большевики в Мурманске. Но в первую же очередь поставил себе выяснить первичную цель поездки: Мурман-Памир. По железнодорожным путям около гладкого льда залива, где в неровном розоватом свете крутился хоккей (играли матросы английского крейсера), Файн пробрался к бревенчатой будке и спросил Муриху. Так значилось в адресе, захваченном у тверских студентов.

Файну здорово повезло.

В каморке, пропитанной одуряющим запахом жиров и шкур, зарывшийся в тряпье мальчик, на расспросы «дяденьки» быстро дал материал для первого разговора с Мурихой. Эта ввалилась багровая от мороза и оказалась пятидесятилетней до крайности словоохотливой женщиной.

И не подумавши убедиться в подлинности «гостя», она засыпала его вопросами и именами. Без особого труда Файн, возвращая ей ее же вопросы, давал неопределенные, но обильные ответы. Прямых вопросов со своей стороны избегал, но многое сразу же понял. Приехал он слишком рано, еще не подъехало, что надо, ведь недавно из Москвы были, но может и не рано! «Оттуда» уже были весточки, что-то может и есть! Поехать надо бы да поскорее. Только, деньги-то ты, милый, привез? Привез. Чтой-то больно мало. Сговорились. И олень будет, и мальчик. Щей-то, голубчик, откушай! Файн

откушал щи и только теперь Муриха стала удивляться необычности происшедшего. Ладно там! Надо так! Старшие велели! От дверки домика санки с места рванул олень, зуек заорал, в полминуту бесследно провалился в тьму Мурманск, как будто его и не было: десяток домиков среди тысячеверстных просторов.

Железная выдержка. Октябрьская выдержка. Работник, не бывавший никогда севернее Петрограда, только одну ночь провел после морозного пути в бараке у товарищей-подпольников, снова улегся в санки на морозе, не желая откладывать решения задачи ни на один час. Впрочем путь предстоял не очень долгий.

Значит, что-то за этим Мурман-Памирским бредом кроется? Кроется, несомненно, что-то не очень серьезное. Местные же товарищи понятия не имеют. Это на пространстве поселка величиной с носовой платок? Сконспирировано ловко. Но в чем же дело?

Северное сияние просто оглушало. Отхватило три четверти неба. В сплошном мерцающем тумане подкидывался зеленый меховой комочек на передке — мальчик. Чуть подальше лысая в зеленых пятнах ящеровая спина вытянувшегося оленя, над ней совершенно серебряные изломы рогов. Слева над морозной пылью, как месяц, прорезывался иногда ледяной, нестерпимо сияющий гребень горного хребта.

Это было сильнее Файна. Он говорил себе: еду с Бурундуком в Памире... на тигре. Очень жарко!

Файн не знал еще ошеломляющего действия северного сияния. Как будто два гигантских провода уткнулись ему в плечи, включили его тело в гигантскую электрическую систему. Тело вздрагивало и струилось электрическим током. Туман, стоявший светящейся стеной, казался тысячеверстными окнами магазина, Файна несло по темным прилавкам, а за замерзшими стеклами отсвечивали огни фонарей и автомобилей. Или это были окна неосвещенных внутри вагонов тысячеверстного поезда, только диван, на котором лежал Файн, остановился, и одни стенки вагона неслись мимо, оглушая шумом и светом неведомых улетающих навсегда за окнами городов.

Утомительная греза стояла каменной стеной. Каменными пальцами сдавила ноздри, не давая вздохнуть. Не давала повернуть голову в морозном мешке. Заставляла держать глаза устремленными в одну точку.

— Спустимся на залив, потеплеет разом — успокаивал синеглазый возница.

А другая мысль — стояла упрямым колом:

— Вперед! И через электрическую пропасть к победе революции!

Туман расступился. Зеленый свет сдал.

Постепенно развертывалась серая седая равнина. Сани правили в упор к стене синевших холмов, тянувшихся на севере. Подъехали вплотную. Зуек уверенно выбирал дорогу между наваленными глыбами. Очутились в лаби-

ринте камней и холмов. Пробирались с трудом. Вот уже своды свисали, ледяные глыбы смыкались над головой, сани пробирались узкими проходами, коридорами. Иногда оленя ставили на колени, поддерживали санки руками. Пошло ровнее. А потом вошли, казалось Файну, под сплошной лед. Начинало смеркаться. У черного отверстия, обделанного бревнами, санки остановились. В скалах рыболовные сараи, груда рыбьих костей, собаки, отвратительный дух падали и жилья. Высоко в воздухе зеленоватые саженные глыбы с узкими просветами в начинавшие появляться звезды. Тесный проход в ровную даль залива, подернутую мятелицей, на горизонте плавучие горы, где-то далекая черная вода, теплое влажное дыхание моря, Гольфштрем, радостно ощутимый на лице, привет южных океанов! Кругом вздымающиеся гнейсы — стены титанической крепости.

Файн пощупал браунинг и вошел, пригнувшись, в комнатку. Чадил фитилек коптилки. Оконце закрыто плотным слоем льда. Ошеломляющая вонь. И ни души.

Это было одно из поморских рыболовных становищ, которые обитаемы только с мая месяца до осени. Здесь хранятся рыболовные снаряды, кой-какие запасы. Зиму в них проводит сторож лопарь, одинокий, с кремневым ружьем, преданный далекому хозяину до умопомрачения, отстаивающий почти бескорыстно, но до последней капли крови, становище от зверей или хищников с моря. В марте или апреле с поморского берега тянется сюда артель с хозяином во главе для каторжного летнего труда. Но это становище было, по-видимому, совсем брошено. Здесь шла какая-то вода через горы — лед покрывал скалы сплошной крышей. Теперь становище использовано для каких-то других целей, здесь жили зимой.

— Ушел барин кудай-то, — сказал зуек. Файн осмотрелся. Потом взгляд его упал на толстую тетрадь, лежавшую на столе. Заслонил шубой стол от мальчика, придвинул к фитильку и стал читать.

«...января.

Разговор на Пречистенском бульваре. Опять серьезные столкновения у барона с Н. Барон особенно нервен, подозрителен и скрытен. Его страшная впечатлительность и расхлябанность определенно вредит делу. Только Н., этот лицеист с крепкой мускулатурой и кристально-ясным умом, твердой рукой поведет дело освобождения! Только Н.! Только с ним!

...января.

Предатели готовятся подписать брестское позорище. Немцы наводняют Русь.

...января.

Чья-то рука управляет действиями барона. Получил второе предупреждение. Дома не ночую. Записка барона полна грубых намеков по моему адресу.

...января.

Господи, помоги мне и моему государю. Наташа снова появилась. Эта полуфранцуженка со стальными глазами видит все. Все знают о ее встрече с адъютантом немецкого генерала. Опять лицо ее властно обозначилось в планах и поступках барона. Берлин или Петроград? Н. будет сметен, так как не пойдет с ними. Или?

...февраля.

Сегодняшний разговор мой с Наташей.

— Мичман, вы изменили долгу чести. Ваше поведение во время похорон знамени кавалергардского полка стало известно отцу Евтихию и мне. О моих отношениях с императорской фамилией вам напоминать не надо. Этого довольно?

Я ответил:

— Жду решения своей участи, которая в ваших и только в ваших руках.

Она сказала:

— Вы смените капитана Силина на мысе Подледном. Но вы смените его, пригвоздивши пулей к утесу. Исполните все распоряжения барона.

Я ответил:

— Кажется, вам известно, что я не знаю больше н и ч ь и х распоряжений.

Я особенно подчеркнул слово ничьих.

Она сказала:

— Я являюсь простой передатчицей. Вы же упустили целых две недели! Уезжайте завтра же!

...февраля.

Так. Офицер императорского флота в роли торговца аптекарскими товарами. За полярным кругом под слоем льда, отрезанный от событий. Правильно, чорт возьми! Правильно! Но где же выход.

...февраля.

Эта женщина то, что связывает Н. с бароном. Ничего не поделаешь. Еду. Единственное утешение: со своим рыжим чертенком эта женщина зачем-то едет в Ташкент. Может быть, без нее атмосфера разъяснится?»

Дальше страницы были залиты соленой водой. А еще дальше стремительно вошел человек. Файн отскочил от стола.

Оба смотрели друг на друга.

— Поручик Протасов — произнес Файн первую пришедшую в голову фамилию.

— Я вас не знаю — резко произнес вошедший.

Файн сказал:

— По рекомендации Н. месяц тому назад я и мой брат приняты в Мурман-Памир для экспортной работы. К вам прислан с экстренным поручением: ускорить экспедицию.

Вошедший все еще не доверял.

— Имеете ли письменные распоряжения барона?

Файн улыбнулся, разведя руками.

— Я был обыскан донага большевиками. Но им не досталось ничего.

...Стремительно вошел человек.

Ледяная стена между говорившими как будто начала распадаться.

— Я начинаю вам верить — вошедший подошел к столу. Весь в оленьих мехах. Лицо желтое, до последней возможности худое. Глаза черные лихорадочные навыкате.

— Говорите московские новости. Прежде же всего под этими широтами гостеприимство.

Зашипел грог. Оба растянулись у огня, на шкурах. Стены потрясала мятель. Файн, пользуясь данными, полученными от Мурихи, а в особенности из дневника, набрасывал целую кучу сведений о Москве. Умело дал понять мичману о полной преданности своей Н. и о разногласиях с бароном. Дал понять, что барон якобы сходит на второй план.

Вскоре мичман совершенно свободно болтал с Файном, а Файн наматывал на ус все новые данные. Для создания средств общество экспортировало из Америки наркотики. Две недели тому назад увезен в Москву ящик кокаина. Но Файн, прибывший не в очередь, попал удачно. Вчера из открытого моря привезли вторую посылку. Завтра Файн погрузит ее на оленя и

уедет один прямо на советскую сторону. Тут же, пользуясь тем же способом рассказа, Файн выведал самое главное: московские адреса. Теперь можно было спать. Но сходивший с ума от одиночества в ледяной пустыне мичман болтал не переставая. Глаза мичмана были расширены, его била лихорадка разговорчивости. Файн видел, что заговорщик сам попал под бремя того средства, которое заговор сделал своим оружием. И Файн стал, почти не церемонясь, задавать вопросы.

— Эта женщина, которую мы все так мало знаем, которая теперь почти не проявляет себя, каковы ее действительные планы?

Мичман заговорил страстно:

— Берлин или Петроград? Другого решения вопроса нет! Господствующая в целом мире германская империя и наше общество, господствующее над германской империей! Это сокращение пути к владычеству над миром, через замену Мурман-Памира — Калэ-Багдадом. Чисто эгоистическое решение вопроса! Забыта национальная идея! Мы же хотим владычествовать над миром через русскую государственность. Более трудный путь, потому что, кроме захвата власти в России, придется выдерживать международный спор. Но что же? Аэроплан с ядом два икс проложит нам дорогу не только к Берлину, но и к Лондону!

Файну начинало казаться, что он говорит с сумасшедшим.

Он сказал:

— А в сущности этот яд? Знаете, сведения из Памира так сбивчивы. Мы так мало о нем знаем. В частности мне за время моей работы в обществе даже не пришлось серьезно поговорить о нем.

— О яде два икс? Несерьезно? Да что вы, голубчик! Прошлогодних опытов более чем достаточно! Взрывчатое вещество, действующее химически потоком в заданном направлении. Прежде всего: растворенная скала и снесенное с двадцатисаженной высоты дерево. Потом в сплошном камне над пропастью яд в течение 15 минут прорыл ровное отверстие два аршина в диаметре, свыше сорока саженей глубины. Опыты производили такое впечатление на туземцев, что три аула исполняют малейшие веления химика, охраняют его на пространстве целой долины, опыты производятся в большом масштабе...

— ...Вопрос не за действием самого яда. Вопрос за применением его в культурной обстановке и за охраной его от посторонних. Вы знаете, что в июне в Кремле наши люди будут производить малярные и штукатурные работы. Люди, может быть, и не подозревающие о действии краски, ими употребляемой. Но стены кремлевского дворца будут покрыты слоями яда. В назначенный час по электрическому разряду начнется действие яда. Дворец в три минуты развалится, растворится в воздухе в виде газового фонтана, выстрел в воздух, как пепел Гришки Отрепьева, только немножко грандиознее — не правда ли?

...Сразу же по индукции растворятся здания некоторых советских учреждений, в которых стены также будут штукатурены с примесью два икс. Из укрытого убежища, огражденного выжженным кольцом, мы издаем приказ о непоявлении на улицах. Нарушение карается струей яда в целые кварталы. Потом вызываются нужные люди, преданные монархисты, создается правительство, вызывается государь. Манифест. Мы все время в тени. Свое негласное правительство. Мы охраняем монархию на всех ее шагах, но не открываем ей секрета. Провинция подчиняется обычным путем: пушкой и пулеметом. Только в критических для монархии случаях мы вмешиваемся с применением яда.

— Ах, все это я знаю, знаю — говорил Файн.

— А способ Шейделя, ближайшего помощника Берендеева? Водный способ! Удобным пунктом для атаки является, например, Киль. Ядовая мина разрастается у берега и растворяет поверхность рейда. Флот пропадает бесследно. Сносит гавань. Потом ультиматум миру. Несколько новых экспериментов. Без сомнения подчинение. Мировая лига государств под главенством русской монархии. Охрана порядка по всем мире. Гуманное правление!

...Замкнется каста посвященных. Своя агентура. Химические опыты ученых всего мира под контролем. Цель: власть мудрых. Все разгильдяи, лентяи, нищие работают. Совет профессоров и инженеров. Во всем мире нет ни войн, ни конкуренции.

— Вот именно, — думал Файн. Только чуть-чуть не так.

То же при помощи яда, не менее мощного, проникающего все поры и трещины капиталистического мира, при помощи мирового пролетариата.

АРОМА-ТЕЛЛЕ

Земля лопская...

Снова неумолчный частый топ оленьих копыт в ушах, шорох о снег, скользящие тени по снегу, чуть выплывающие контуры ледяных пиков вдали, двухчасовое солнце.

— Вот и уезжаю!

Рога оленя перевязаны зелеными ленточками. С большим ящиком, привязанным в санях, с адресами и именами всех московских участников Мурман-Памира в блокноте, Файн не заезжая в Мурманск, летел прямо на советскую сторону. Начались уже леса. Тяжелые лапы елей смыкались порою над головой остроконечной кровлей. Вечером остановились у лопарского зимнего погоста: десяток низеньких закоптелых туп. Из одной вышел старик лопарь.

— Страннику дал — на промысле в десять раз взял!

Старик, мешая русские слова с лопарскими, приглашал Файна в тупу. Решил заночевать. В тякуве (род камина) на тлеющих углях бурлила какая-то жидкость, наполняя комнатку томительным запахом оленьего жира. Все, казалось, было пропитано этим жиром: он ощущался на языке, на пальцах, на шкурах.

Глаза Файна смыкались. Совершенно непьющему человеку за последние дни приходилось все время поддерживать себя на морозе спиртом. Он лежал в этой жирной духоте, испытывая странное томление. Вертел в руках что-то резное, из кости.

Гобдас, собрание фигур. Солнце и ветер, земля и море, четыре страны света. Но среди фигур с удивлением Файн разбирал грубые подобия англичанина, солдата, чиновника, людей в косоворотках. Старик, оказывается, сам занимался выделыванием гобдасов. И, не оставаясь узким ремесленником, приносил в старинные представления о мире некоторые черты происходящих событий.

Теперь старик сидел перед огнем, вырезывая что-то и бормоча себе под нос, полунапевая, на смешанном языке — лопарском, и русском, порою хитро взглядывая в сторону гостя.

Дремота пригибала голову Файна к шкурам. Но бормотание лопаря было так интересно, что против своей воли Файн прислушивался.

Между незнакомыми звуками лопарской речи он улавливал русские и начинал схватывать постепенно связь между ними.

...Скачет, скачет Арома-Телле, горный дух, охотится. Ростом десять старых сосен, собаки каждая с быка величиною. Гонится за оленем. Олень бел, голова черная, золотые рога.

...Скачет уже много веков, да никто из русских людей и из лопарских никогда его не видит. А кто увидит, глохнет и помирает.

...Вот он бросил первую звезду в оленя. Слышу: земля трясется, горы расселись, выбрасывают огонь. Озера иссякнут, море оскудеет, высохнет.

...Стой! Не шелохнись! Уже он вторую звезду бросает. Хватила она в лоб оленя. Горе! Огонь охватывает всю землю, горы кипят как вода, на месте моря стали другие горы и горят как факелы.

...Вдруг вонзил Арома-Телле в сердце оленя нож. Звезды разом попадали. Луна потухла. Солнце утонуло. Старики сказывают: конец свету.

...Выдь на Мончь-тундру, на норвежскую сторону, на Трифонову вараку. Только станет восходить солнце, слушай: заговорят все камни.

...Что же да что говорят камни?

...Прибегали по морю черные олени, рога до небес, один рог белый, другой черный. Раздвинет олень губы, зубы белые как огонь, и на берегу сыпется огонь и железо. Тут вышли на берег люди, на пуговицах нездешний зверь — хвост вьется кольцом, привезли сколько хочешь водки.

...Потом разрезали землю лопскую пополам железным ножом, нельзя лопарю на другую сторону ни пройти, ни оленя перевести. И стали бегать от самого моря железные оленята, передний черный, за ним красные, а бегут быстрее самого быстрого оленя.

...Что-то будет, что-то будет? ...Не стало малого попа-исправника в Кандалакше, не стало и большого попа-губернатора в Архангельске. Стали одни солдаты, делают, что хотят. И горы закипели уже около Святого Носу, расселись, выбросили всюду красные платки.

...Тут старики сказали: несите колдунам, что добудете на промыслах за три дня. Не видите: море выбросило железо, Арома-Телле скачет, конец миру...

...Все старики врут.

...Пусть и олени, и рыба, и водка за морем будут наши, кому от этого горе?

Файн стал прислушиваться особенно внимательно. Ему начинало казаться, что речь идет о нем самом.

...Скачет, скачет русский от Студеного моря, рога оленя перевиты зеленой ленточкой. А недаром они перевязаны зеленой ленточкой. Везет русский большой, большой ящик, в ящике том все счастье людей из-за моря. Привезет ящик в Питер, там поставят ящик на огонь и он сгорит.

...Разом пропадут все люди с заморскими зверями на пуговицах, некому будет стрелять и забирать оленей, останутся одни лопари. Тут везде повесят красный ситец, все намажутся оленьим жиром, а реки потекут рыбьим жиром.

...Ой недаром перевязаны рога оленя зеленой ленточкой.

...И утром, и как только солнце спряталось, и еще раз заходил большой

начальник, спрашивал: кто перевязал рога оленя зеленой ленточкой?

...Скачет, скачет большая райда (олений поезд). Один, два, три, четыре, десять оленей и еще десять. В санях люди с ружьями, смотрят, где олень, рога-зеленые ленточки, близко уже они, за пригорком.

...Правду говорили старики.

...Стрелять оленю промежду рогов, он упадет на колени, звезды упадут с неба. Вонзят русскому нож в сердце, станут рассекать и делить землю лопскую, и лопарей, и оленей, и собак, и морские промыслы, и озерные, и лесные. Будут люди с желтыми пуговицами и в Коле, и в Кандалакше, и в Архангельске, и в Питере.

Дремота почти соскочила с Файна.

— В чем дело?

Тряс лопаря за плечо. Тот разводил руками, смотрел хитро подслеповатыми глазами.

— Где, где?

Старик сделал знак молчать, вышел на порог и стал прислушиваться. Потом кивнул головой и показал пальцем: там. Файн ничего не слышал. Но времени терять нельзя было. Револьвер приставлен ко лбу лопаря.

— Запрягай сейчас же самого быстрого оленя и вези меня на русскую сторону.

Лопарь засуетился. Вдруг и Файн стал различать какой-то нарастающий смутный шум. Из-за ближайшего леса доносилось скрипенье полозьев, топот оленьих копыт, фырканье. Неслись не одни санки, несся целый десяток их. Опасность надвигалась. В полной темноте лопарь метался, как угорелый. Руки не попадали в петли, ремни не слушались. Олень топтался.

ЧАС = СУТКАМ

Как все это вышло?

Совершенно непостижимо.

Два дня прошло с тех пор, как Файн покинул мичмана. Кто мог сообщить в Мурманск о его поездке? И кто его преследователи?

Каким образом лопарь узнал о них раньше, чем они появились?

Во всяком случае опасность надвигалась и надо было спешить.

Файн не помнил, как среди покрывшего погост шума налетевшей райды и снования десятка неизвестных санок, он в полной темноте, почти уже отчаявшийся, вылетел на запряженном, наконец, олене, зацепив чьи-то сани и хватив кого-то по голове ручкой револьвера.

Всю ночь продолжалась близкая, порою на плечах, погоня, но олень лопаря оказался, действительно, превосходным, и к утру Файн слышал за собой шум не более двух-трех санок.

Олень после бешеной скачки уже хромал и задыхался.

Лопарь оказался безусловно преданным Файну. Было ли это неясное революционное чутье или просто идеальная честность и гостеприимство, обычное у лопарей, Файн так и не понял.

Избавиться от последних преследователей помог следующий случай.

Между сплошными елями чернела одинокая землянка. Бродили олени. Уже с пригорка лопарь стал делать руками какие-то знаки. Перед землянкой засуетились и когда сани подлетели, беглецов ждал запряженный рослый и сильный олень.

Файн огляделся.

Преследователи в облаке снежной пыли показались на пригорке.

Недоумевающие заботливые лица лопарей окружали Файна.

Надо было решиться.

Файн положил руку на рукоятку револьвера, другой показал на оленей. Вынул деньги — золотые и романовские — которыми был снабжен в достаточном количестве:

— Вот вам деньги, а оленей надо перебить, чтобы те не воспользовались.

Лопари даже присели от страха, некоторые заныли.

— Одни, в глухой тайге, без оленей! Верная смерть!

Файн настаивал.

Выход нашел лопарь — спутник Файна. Что-то объяснял хозяевам на своем языке. Передал им небольшую часть суммы, предложенной Файном.

Тотчас же лопари вооружились палками и принялись разбивать каждому оленю по одному копыту.

Лопарь, смеясь, объяснял:

— Поправятся через три дня, а сегодня-то никто на них не поедет!

Несколько дальних пуль просвистало над говорившими. Вскочили в санки. Свежий олень рванул. Потом преследователи — видимо, русские белогвардейцы — окружили землянку. Лопари разводили руками. Сыпались ругательства.

Продолжали преследование на истомленных оленях и в какие-нибудь десять минут совершенно затерялись, стали черными точками на горизонте.

Файн ехал теперь не особенно быстро, правили в Кандалакшу, но далеким кружным путем, так как за ночь лопарь углубился в дикие непроходимые места. Переваливал и через невысокий хребет.

Однако, впереди были новые грозные испытания.

Через полчаса, приблизительно, после того, как последние преследователи пропали, Файн заметил, что лопарь бросает тревожные взгляды кудато назад и вбок.

Потом лопарь пригляделся внимательнее и вдруг в паническом ужасе склонился к передку саней, охватив голову руками.

Файн пробовал смотреть туда же.

Не подымая головы, лопарь теребил его:

— Не смотри, не смотри, окаменеешь!

Дрожал как в лихорадке, зубы стучали, завыл. Файн выругался. Действительно, на дальних холмах как будто какой-то вихрь завивал, перебегая по склонам. Воздух там струился, качался.

— Буря какая-нибудь особенная, ужасная? — с содроганием подумал Файн.

Но нет, что-то явно перебегало не на широком пространстве.

— Санки? Но колоссальная быстрота!

Наконец, на одном из уклонов разглядел узкое тело. Над ним веером разбросанный воздух.

— Что за чорт? Неужели? Но нет, в самом деле! Ясно! Аэросани!..

Из Мурманска, не надеясь на погоню, нарядили по следам оказавшиеся у англичан аэро-сани.

Все оборвалось в Файне. Лучший олень в хороших условиях, делает 70 верст в сутки. Нормальный же ход аэро-саней 70 верст в час.

— Сутки против часа! Недурно. Открыты мы или еще не открыты? Бросить санки, спрятаться, зарыться в снег? Тогда смерть от холода.

Но постепенно подавленность Файна проходила. Мужество возвращалось. Он расталкивал лопаря.

— Там такие же люди, как и мы. С желтыми пуговицами. Они движутся в 24 раза скорее нас, но на открытой равнине. В густом лесу, в кустарниках мы изворотливее.

Лопарь начинал понимать.

— Туда?

— Верно. На хребет, в лабиринт камней и теснин!

Надо было решаться. Сани отделились от опушки и понеслись через небольшую покатую равнину к ущелью.

С аэро-саней их заметили.

Их движение оказалось ошибкой. Не пролетели они и четверти расстояния до ущелья, как аэро-сани затрещали в непосредственной близи.

Теперь лопарь сжался в жесткий комок, весь энергия, не обращая внимания на Файна, сам вел борьбу. Люди ли, духи ли в чудовищных санях, но есть возможности с ними бороться.

Полудикарь при помощи первобытного оленя боролся против последнего слова транспорта и четырех английских офицеров.

Узкий глубокий овраг-трещина преграждал дорогу саням. Лопарь вытянул оленя в струнку и, легко отделившись от земли, перемахнул овраг. Преследователи же, не рассчитавши, врезались в снег, отскочили, стали поворачиваться и задержались.

Теперь лопарь вел санки по крутому берегу оврага, аэро неслись по другому берегу. Таким образом удалось значительно сократить расстояние до холмов. Потом преследователи, обогнав беглецов, выбрали место, где их берег значительно возвышался над противоположным, перешли через узкий овраг и перерезали дорогу оленю.

Тогда лопарь поставил оленя на колени, прилег к саням и по вертикальному почти откосу бухнул в овраг.

Такого номера англичане проделать не могли, крутились по берегам оврага, перескакивали через него, не стреляли, потому что, видимо, твердо решили взять Файна живым.

Лопарь несколько раз менял направление, выиграл расстояние, выскочил опять на равнину и здесь выкинул особенно рискованный трюк.

Покатый, довольно крутой склон скалы оканчивался вертикальным, ледяным обрывом. Сюда-то лопарь направил оленя. Англичане понесшиеся за ним, на половине склона сумели затормозить, и целую минуту качались между жизнью и смертью. Тогда юркий олень, повернувшись на краю обрыва, пролетел под самыми полозьями англичан. Файн видел повисшую над головой на бешено работавшем пропеллере машину и среди четырех, готовых лопнуть от напряжения и прилива крови, с выпученными глазами лиц, узнал одно. Своего недавнего пленника, сданного Николаю Петровичу. Частично все как будто начинало разъясняться.

Между тем, оставив англичан выкапываться из опасного положения, лопарь вплотную подкатил к холмам.

Правда, до ущелья нельзя было добраться, но был готов уже новый план. Впереди нависшие оплывшие снежные массы.

Файн не понимал еще в чем дело, а олень уже понимал. Умное животное, наученное бояться подобных мест, несло ровно, почти не задевая ко-

пытами снега, без единого лишнего движения, с необычайной легкостью разрезая воздух.

Люди замерли, прилипли к саням.

Англичане же неслись, совершенно не учитывая нового обстоятельства. В последний раз они нагоняли. Пропеллер производил страшное движение воздуха. Снежные массы колебались. Начал сеяться сперва мелкий снежок. Сани мчались.

Вдруг страшный удар раскатился позади беглецов. Второй обвал поглотил аэро. Они еще вынырнули, остановили пропеллер, снова пустили его, отлетели в сторону, и гигантская снежная шапка окончательно погребла их.

Но и нашим путникам пришлось плохо. Снежный поток подхватывал. Под ногами разверзлась бездна. Лопарь потерял управление оленем. Новый удар выбросил Файна из саней. Он начал скользить вниз. В наступивших сумерках видел оленя с завернувшимися на спину санками, летевшего кувырком. Лопаря на корточках, спокойно катившегося куда-то в пропасть.

Над головой в бесконечности блестели крупные звезды. Сзади падали все новые и новые лавины.

Файн катился все быстрее.

Страшный, до нестерпимости ледяной ветер встречал, сдирал кожу с лица, зажимал каменной перчаткой ноздри, сжигая, убивая, давил на легкие, не давал ни дышать, ни видеть, заставлял терять сознание.

ПОД МЕДОВЫМ НЕБОМ

Как будто кипятком обваривало апрельское, но уже кусающее солнце шею Бурундука.

Сидя у окошка в помещении Турчека, он перелистывал «дело Мирзы Файсулова».

Показание.

«Я, Мирза-Абдул Файсулов, 54 лет, житель города Ташкента, купец, будучи допрошен следователем Ольшевским, показал: 10-го марта с. г. нового стиля действительно приобрел от братьев Сайдагаровых ящик опиума... (следовало описание ящика), причем ящик того же числа доставил на собственной арбе на вокзал, где и был ящик вручен отъезжавшему в Москву Клингенбергу. Ранее продажей опиума никогда не занимался, обычно торгую пряжей. С Клингенбергом встречался накануне в чай-хане, причем Клингенберг просил указать адрес торговли опиумом или кукнаром. После чего указанный ящик и был мною предложен. Денег от Клингенберга не брал, так как предоставил ему товар в кредит с получением денег из Москвы. Больше показать ничего не могу, выражаю искреннее раскаяние, так как думал, что продажа опиума не воспрещенная шариатом, не нарушит также и гражданского закона.

(подпись)».

— Так, но какое отношение к моим заданиям?

— Читайте, читайте дальше!

Но дальше читать было только корешок и серая папка: «дело» кончалось.

— А здесь было еще письмо!

В Турчека забегали. Но письмо бесследно исчезло. Пришлось на словах приблизительно передать содержание его.

— После обычных, знаете, туземных приветствий шло упоминание о том, во-первых, что русский шайтан на Памирах никуда не вырвется, во-вторых, что слово ханым откроет Файсулову все двери на Махале-Бадак, и в-третьих, в-третьих... что московская ханым не сердится или что-то в этом роде. Ханым значит женщина. Как же все это связано с вашим Мурман-Памиром? Признаюсь, не шибко. Но смотрите: у вас химик, — как его назвали? — Берендеев, на Памирах, и здесь Памиры! У вас адрес явки Махале-Бадак купцу Атаваеву, а здесь просто Махале-Бадак!

— И больше никаких фактов?

— Еще один. Неделю тому назад задержан в старом городе водонос, совершенно невзрачный старик, в мехах на ишаке, вместо воды, оказалось золото. Яростно сопротивлялся голыми руками и получил тяжкие увечья, от которых и умер. Все время молчал, но перед смертью приоткрыл глаза и произнес одно слово: ханым. Только и всего.

— Н-да, немного фактов....

Бурундук погрузился в задумчивость.

— Придется кому-нибудь идти на Махале-Бадак к Атаваеву и представиться членом Мурман-Памира.

— Но кому именно?

— Думаю, что вам, товарищ Бурундук, и вот почему. Вы человек абсолютно новый, а дело требует для успеха огромной тонкости. Эти «ханымы» — если такая организация действительно существует — чертовски осведомлены.

— Но я не знаю ни языка, ни обычаев!

Сошлись на следующем. Агент Васильев, едва ли кому известный в Ташкенте, пойдет с Бурундуком. Васильева Бурундук представит не членом общества, а случайным спутником, и в переговоры посвящать не будет. Но в случае надобности он поможет Бурундуку ориентироваться.

Узкий двурогий месяц повис в медовом небе. На бревенчатом мосту котлы с тягучей густой мишалдой такого же медового цвета, целые горы теплых лепешек — нон, — от которых валил пар; запах плова, кебаба, луку, чесноку и тысячи других.

На углу Махале-Бадака под навесом чай-хане, на кошме развалился, видимо, натянувшийся анаши, в широчайших клешах матрос с огромным стейером, съехавшим на самый зад. Выплескивал остатки чая из глиняной пьялушки на прохожих и орал:

— В Туркестанской республике нету лакеев! Сам всякий себе наливай чай!

Сарты вежливо и холодно улыбались.

— Свой! — тихо сказал Васильев, показывая глазами на матроса.

Другого «своего» оставили в конце Махале-Бадака, узкой улички, первой за мостом из русского города в шейхан-таурскую часть. Третий спустился под мост на берег певучего Зах-арыка. Четвертый еще неподалеку.

— Где дом Магомета Атаваева?

— Далшы, товарыш, далшы.

Постучали в малюсенькую, запавшую в глиняную стену дверку. На дворе слышался шум и попойка. Открыли очень нескоро. Смотрели два сверлящих глаза.

— Что нады?

— Магомета Атаваева.

— Я буду. А что нады?

Бурундук придвинулся ближе.

— Я из Москвы...

— Ны знаю, нычего ны знаю... Что хочешь? Мы не торгуем нычем!

Дело не клеилось. Сарт был слишком осторожен. Бурундук намекал все прозрачнее. Тот решительно отклонял всякие намеки. Ничего не выйдет. В запасе оставалось: слово «ханым» откроет двери на Махале-Бадак. Придвинулся еще ближе и выпалил: ханым.

Сарт схватил его за руку:

— Пачыму раншы нэ говорил? Иды, Иды! Да кто это с тобой?

Бурундук развел руками:

— Привязался какой-то с утра, на улице познакомился, не отстает. Я его мало знаю.

— Ой, плохо! Ну, идем, беры его, у меня гости, а мы с тобой пагаворым!

Вошли в первый дворик, где сидело и лежало на коврах и кошмах большое общество. Сарт пошептался с некоторыми, потом отвел Бурундука в одну из клетушек.

— Из Москвы гаварышь?

— Да, да, из Москвы.

— Ханым здорова?

— Здорова, здорова, кланяться велела тебе!

— И начальники?

— Тоже.

— Харашо, харашо...

Сарт гладил бороду.

— Зачым приехал?...

— ...Опиум надо, кукнар нада, анаша?

Бурундук не знал, как подступиться.

— Памир надо!

Сверлящие глазки уперлись прямо в него:

— Шайтана хочешь на Москву отвезтъ?

Инстинктивно и по намеку в ТУРЧЕКА Бурундук чувствовал, что утвердительного ответа давать не следует.

— Нет, нет, время еще не пришло! Видеть надо его, говорить с ним от ханым.

— Так, так... Это спросыть нады, здесь есть старшие мине. Иды, посиди.

Бурундук разлегся вместе с прочими. Васильев давно уже вошел в роль гостя, смешил всех, болтал без умолку.

Рамазан еще не наступил. Тянули ковшами кишмишовку, чилим (трубка) переходила из рук в руки, танцовали бачи (мальчики).

Бурундук пригляделся. Среди гостей обращала на себя внимание женщина, чего обычно у сартов не принято. Тоненькая, стройная, видимо, молодая девушка, она сидела в глухом чашуане (одежда, закрывающая тело

от головы до ног) и парандже (черная сетка на лице). Ни с кем не разговаривая, она, все же, чувствовалось, была центром общего внимания.

— Ханым? — подумал Бурундук. Но ведь ханым, выходит, в Москве. Ничего не понимаю. Женщин азиаты не допускают ни к какому общественному делу.

Вдруг узкая тонкая, но не по-женски решительная, ручка высунулась из-под чашуана и кивком подозвала бачу, потом Атаваева, потом кой-кого из гостей. То, что говорилось, говорилось шопотом, но чувствовался тон безоговорочного приказания.

Атаваев как-то виновато топтался, потом подозвал Бурундука:

— Твой таварыш не хороший челавек. Чика он! Как ты его привел? Наши узнали.

Инкогнито Васильева было открыто. Грозило погубить все дело. Бурундук выкручивался.

— Он, значит, за мной и следит все время. Что же делать?

— Нада его сейчас убивать! Они Файсулова стрелили!

Сарт пытливо уставился на Бурундука. Со всех сторон тоже смотрели. Это явно было испытание. Бурундук сказал:

— Хорошо, я помогу. Но как же тело?

— В мешок положим и на арба везем.

— Отлично!

Бурундук обменялся взглядом с Васильевым. Тот без слов отлично понимал уже в чем дело и стал балагурить и веселиться вдвое.

Часть клетушек, как и во многих дворах старого Ташкента, была укреплена на балках над арыком. Берега Зах-арыка значительно круче и выше прочих. Бурундук развалился на балкончике, под ним где-то шумела вода. Приподнял ковер и увидел отверстие: бурлил арык, около воды, прислонясь к балке, застыл агент.

Бурундук распустил каемку кошмы, спустил в отверстие, задел агента. Тот сперва не понял, потом схватил тесьму, натянул ее. Тогда Бурундук, как бы играя концом тесьмы, стал посылать по ней легкие удары, применяя тюремную азбуку перестукивания. Переговоры быстро наладились.

Он передал следующее:

— Немедленно четырем агентам охватить и арестовать все сборище, в том числе и его, Бурундука. Васильев же будет держать себя, как представитель Чека.

Агент ушел предупредить остальных. Но события назревали.

Здоровенный сарт подошел вплотную к Васильеву, встал сзади него, приподнял довольно увесистую скамейку. Двое других подобрались также поближе. Васильев вел себя совершенно беспечно. Сарт занес было скамейку над головой Васильева, но тот в то же мгновение исчез неизвестно куда.

Оказывается, он, как и Бурундук, не терял времени, расположился на

таком же балкончике, нащупал отверстие под ковром и даже раздвинул доски. Теперь провалился в это отверстие.

Все вскочили.

Через перила балкончика перескочил агент с двумя револьверами в руках. Другой через глиняную загородку, отделявшую от соседнего дворика. Наружная дверь слетела с петель и с улицы ворвался матрос, лежавший в чай-хане.

Заварилась страшная кутерьма. Прозвучало несколько выстрелов. Девушка, сидевшая без движения, яростно вскочила, паранджа слетела с нее и открыла... правильное, удлиненное не тюркское, а почти семитическое лицо, с небольшой черной кудрявой бородой. Джигит отскочил в угол, сбросил с себя стеснявший чашуан и пропал.

Мгновенно все было приведено в «норму». Сборище было обезоружено и арестовано. Васильеву успели шепнуть о его роли. Бурундука для видимости пнули несколько раз по шее. Потом всех при свете занимавшейся зари и такого же, как вечером, медового неба, повели в Чека. Только девушки-джигита не было и в помине.

Рассвело. Бурундук и Атаваев сидели в одной камере.

Бурундука первого вызвали, якобы для допроса.

Работники Чека вопросительно на него смотрели.

— Что же дальше будет?

— Вызывайте всех по очереди, на допросе напирайте только на самогон и курение. Которых помельче, освобождайте, может и всех освободите. Тщательно изучите их и установите наблюдение. А мне в Памир придется податься!

— Что вы, голубчик, месяц туда, месяц обратно!

— Знаете, все нити там, Атаваев играет в Мурман-Памире некоторую роль, но о Москве сам ничего не знает. Надо ехать.

— Но как вы поедете?

— Старик дает мне мальчика в провожатые до города Оша. От Оша поведет меня какой-то узбек... А вот две писульки. Переводите-ка!

Две бумажки были испещрены арабскими буквами.

— Что за писульки?

— Одну Атаваев написал при мне, так сказать, официально, тому самому узбеку в Оше, препоручающую меня. А другую мальчику же сунул потихоньку. Но мальчуган славный, Атаваева не любит, я у него выманил обе бумажки. Больше мальчика в камеру к Атаваеву не пускайте.

— Ну-с, читаем. В одной говорится: веди посланного ханым к шайтану известными тебе перевалами и бродами, береги его от излишнего жара, а также на крутых подъемах, да пошлет тебе Аллах ясные звезды в пути и благоприятные оттепели, пади перед шайтаном ниц, поклонись также и от меня, по миновении надобности, веди русского обратно! Это официальное.

— А другое?

— Мм... Мм... Что за чорт! Ничего похожего. Дойдя до перевала у Назир-Таша, встретишь двух людей ханым. Тогда всади русскому нож между лопаток. Тело покажешь упомянутым, после чего брось в самую глубокую стремнину. Одежду и деньги возьмешь себе, бумаги же все, какие будут, немедля привезешь в Ош.

— Вот это номер! Сели бы вы в переплет!

— Я это и предполагал. Но как же их перехитрить?

— А вот как! Письмо это мы, конечно, перепишем заново. Кроме того, завтрашний поезд на Фергану отменим (поезда ходят раз в два дня). Вы же сейчас выезжайте на мотоцикле прямо через горы. Таким образом люди ханым не будут предупреждены о вашем проезде через Назир-Таш. Мальчугану объясните мотоциклетку связями или взяткой.

— Идет.

Часа через два Бурундук, снабженный минимумом необходимого для дальнего пути, летел в сильнейшем в Ташкенте мотоцикле по тракту. В корзине, кроме него, сидел черномазый мальчуган, слуга из дома Атаваева. Обещанием не возвращать мальчика Атаваеву Бурундук быстро расположил мальчугана к себе и мальчуган крепко к нему привязался.

ИСТРЕБЛЯЙТЕ, ГРАЖДАНЕ, КЛОПОВ

По взбухшим от толченого снега, пожелтевшим горбам переулков и улиц в сторону Самотеки и Цветного Сухаревка сбегала потоками весенней слякоти и грязными ручейками.

В пасмурное утро визг и изморозь валом стояли вокруг чернеющих балок веками недостроенной башни.

Все, что натоптано было толстыми валенками баб в дубленых полушубках, подкованными сапогами торговцев в белых фартуках, к полудню струилось под ногами черными струйками.

Тысячи сапог, давно разношенных и покоробленных, жирно чавкающих по воде, толкущихся на одном месте, разбухали и тяжелели.

И чем меньше становилось частной торговли по Москве, чем острей ложились линии вытянувшихся притихших зданий, с содранными порой вывесками, заколоченными лавками, тем шире и шире разбухала и разливалась Сухаревка, втекая в окружающие переулки, стекая по горбам в сторону Цветного и Самотеки.

— Да когда же, наконец, поставят у Красных ворот пулеметы, чтобы вымести всю эту мерзость? — не раз думал Точный, пробираясь и огрызаясь среди чуждой ему бестолочи и нетрудового элемента.

— Или в самом деле нельзя еще этого сделать?

Теперь с поднятыми воротниками, в кепках, Точный и некий Ленька промозглым весенним утром входили в этот чуждый точности мир.

Леньку Точный взял с собой недаром. Ленька немного знал подпольную Москву, водился за бутылкой самогонки с налетчиками и ворами. Когда-то приятель Точного, Ленька теперь отстал от него, не понимал событий и не увлекался революцией, проводил время в каких-то странных разъездах. Накануне Точному пришлось долго его разыскивать. О новой профессии Точного Ленька ничего не знал.

Со стороны Садовой-Спасской шагала взад и вперед неопределенная фигура в длиннейшем френче солдатского сукна, рыжий клок из под сбитого на затылок жеваного картуза.

Фигура шагала мерно, прямо по лужам, и так же мерно выкрикивала:

— Истребляйте, граждане, клопов!

Потом мрачно, напыщенно: — Смерть клопам! Потом торжественно: — Борьба с клопами! И опять — Смерть клопам! — Борьба с клопами!

Ленька остановился.

— Вот и рыжий. Рыжий!

Фигура обернулась.

— Клопинчику вам? И спохватилась. — А, Леонид Василич, откуда?

В двух словах Ленька объяснил дело. Вот парень, хороший парень, свой, должен видеть Левку-автобандита. Рыжий чесался в затылке.

— Вас-то, конечно, я сведу, доверие полное к вам, их тоже по вашему ручательству, только товар некому поручить, опять же самое торговое время.

— Брось дурака валять, кому твои клопы нужны?

— Да я не столько клопами...

Все трое брели уже по переулкам.

Прошли темную лестницу и по грязным коридорам и комнатам ночлежки, где стоял густой запах помоев и ношеного тряпья добрались до небольшой комнатки.

Там, из-за ситцевой в крупных цветах занавески, доносился низкий и одновременно всхлипывающий вверх, похожий на плач, женский смех, а за неуклюжим столом двое грузных квадратных, видимо, громил, — бороды лопатой, — тянули из толстых зеленого стекла вазочек кислый режущий самогон и лениво перекидывались в очко. Кое-кто еще бродил и лежал в комнате.

Рыжего приняли довольно холодно.

— А, клоповник!..

Но Леньку одни из сидевших за столом узнал.

— Леонид Василич!

— Рябуша!

Даже поцеловались.

Конечно, Точного пришлось представить, как одного из «пишущих», заинтересовавшегося и т. д. Таких в Подсухареве (так называлось место, куда попал Точный) видали и относились к ним довольно пренебрежительно.

Ввалился страшно перепившийся и страшно бледный парень. Икал и кричал:

— И-эх, налетчики! Матросня шляется, браунинги в штаны засунуты, подойдет матрос к лотку, нажрет, напьет, потом получи, — говорит, — по советской валюте, согласно нормы. А наших товарищев по стенкам, бедняжек, ставят, а за что?

Сидевший у окна, молчаливый, с бескровным лицом, аккуратно причесанный, в каких-то клетчатых велосипедных брюках, с кислым угнетенным видом, по прозванью Косточка, тихим голосом заговорил.

— И чем, скажите на милость, насилие по декрету отличается от нашего, скажем?

Проникновенный взгляд в сторону Точного.

— Философ, — иронически кинул Рябуша.

— Дурак, ты, дурак! Кабы так было, они бы не щелкали нас, да не шлепали, как и при царизме, не было такого произволу!

Косточка тотчас же сдал позиции.

— Конечно, что ни говори, видать, что нет власти на земле для нас, на-

пример, благоприятной. Конечно — разумеется, сиротами умрем!..
Вздохнул и добавил:
— А вот один паренек у нас так надумал: завести — говорит — своих настоящих совнаркомов, с объявлением свободы на все виды краж. Не пошла б такая ришпублика?
Рябуша ответил только презрительной улыбкой.
Все обернулись к двери.
— А, Левушка-автобандит, редкий гость, входи, голубчик.
Автобандит пользовался колоссальным значением и всеобщим уважением в этой среде. Точный вглядывался в него. Низенького роста коренастый человек с широким красным лицом и большим острым носом, в куртке из выдры, в галошах поверх сапог.
— Что же ты, Левушка, не раздеваешься?
— Не в параде я...
— Да, что ты, свои ведь люди.
Но Левка продолжал давить страшный фасон, сел в углу и помолчал.
— На машине приехал?
— А что же, пешком? В такую-то погоду?
С совершенно нескрываемой завистью в голосе Рябуша говорил:
— Знаменитостью ты, Лева, сделался. Который человек о тебе расспрашивает. Восходящая звезда на московском горизонте.
Левка медлительно с расстановкой начал речь.
— Ох, эта мне знаменитость! Вот она мне, где сидит! Главное, сам в себе сознаю: обнаглел чересчур. На какой, скажите, предмет, останавливать днем машину у церкви и подходить ко кресту. Ну разве это тактика? И нужен мне этот крест, да ну его к... Сам все понимаю. А вот, поди ж ты, дай, думаю, остановлю, машину: становлю машину и захожу в церьковь, и в какую? На Солянке, в свою, где меня каждая собака знает, родной приход. Встаю перед самым амвоном, по правую руку. Прихожане, — вижу, — глаз не сводят, перешептываются, так почтительно. Батюшка, отец Сергий, крест мне первому протягивает, первый подхожу ко кресту. Слышу, все повторяют: Левка-автобандит, Левка-автобандит! Сажусь и счастливо уезжаю. Так ответьте же мне теперь. Конечно, власть приятна, почет приятен, но разве это тактика?
Все молчали, затаив дыхание. Из-за занавески высунулась голая рука. Виднелась трепаная голова. Бандит продолжал.
— Налетное дело требует практики, к примеру: сегодня намечен мною налет у Даниловской заставы. Это что значит? Значит, точно, тютелька в тютельку, в 3 часа ночи подъеду из поля к железнодорожному мосту и стану в тени. Вот! Так только и протекает работа. Вы все люди специальные и можете понимать! Угощайтесь.
Выложил на стол папиросы высшего сорта, а сам вынул из бокового кар-

мана сигару, и закурил.

Точный подсел к бандиту.

— Я к вам имею дело.

Серые глаза впились в Точного каменно и зло.

— Ну?

Довольно сбивчиво, намекнув на грабеж за Преображенской заставой, Точный просил дать какие-либо сведения о людях, перевозивших наркотики и сделавшихся жертвами бандита.

Но добиться чего-либо от Левки не было никакой возможности.

Он казался чрезвычайно пораженным.

— Ничего не знаю, совершенно ничего. Даже вопроса вашего не понимаю.

Тихим голосом, деликатно, вмешался Косточка.

— Вы, собственно, не по адресу обратились. Лева могут и не знать по этому вопросу. А это вот где знают: в Главлипе.

Точный чуть не свалился с ног от удивления.

— Где?

— В Главном Липовом Учреждении, в Главлипе, то-исть, ну где бумаги всякие заготовляют. У Федора Андроныча. Они дела с теми людьми вели.

— А как же туда попасть?

— Что же, можно уважить, проводить вас туда хоть сейчас. Это рядом!

— Ах, пожалуйста!

Пошли. Ленька остался.

Осторожно огибая лужи, с постоянным своим кислым видом Косточка вел Точного через Сухаревку.

— Заливается наш кенарь — кивнул он в сторону лотков.

В сыром промозглом воздухе доносилось дребезжащее:

— Истребляйте, граждане, клопов!

— Смерть клопам!

— Борьба с клопами!

ГЛАВЛИПА

Точный первую минуту был поражен, почти подавлен, так внезапно развернувшейся перед ним необъятностью и организованностью подпольного мира.

Поразили его также совершенно неожиданное простодушие и приветливость всех этих Косточек, Рябуш и т. п.

Но то, что его ждало, превзошло все ожидания.

В подвале заброшенного полужилого дома перелезли через груды бочек, досок, кирпичей и постучались в железную дверку.

Высунулся чей-то нос, пошептался с Косточкой, и они вошли.

Подвальная комнатка в одно окно, теплая, чистенькая, прекрасный письменный стол с малиновым сукном, солидный письменный прибор, уютное кресло, телефон.

Все напоминало какую-то особенно аккуратную канцелярийку какого-нибудь из бесчисленных отделов. Немного портил картину только мрачного вида бандит, перевязанный к тому же клетчатым платком с большими ушами, торчавшими кверху, ожесточенно лупивший по «ундервуду» в углу.

За письменным столом восседал гладкий розовый старичок в очках и валенках.

Приветливо взглянул в сторону Точного.

— Вы ко мне? Присядьте, пожалуйста, одну минутку!

Точный неловко присел, чувствуя себя совершенно определенно посетителем кабинета ответственного работника.

— Да, может, это действительно какое-то официальное учреждение, — мелькнуло даже в его голове.

Старичок написал еще что-то, аккуратно сложил кипу бумажек, скрепил их аккуратной скрепочкой и взял трубку.

— Воткните, пожалуйста, — крикнул он куда-то.

Ага, телефон-то все же не городской, а где-то соединяют с городской сетью.

Старичок вызвал какое-то советское учреждение из крупных.

— Такую-то к телефону! — Вы?

— Да, да, я, Андроныч! — Барышня, будьте так добры, оставьте мне два исходящих №№ сегодняшнего числа. — Да, да.— 4202 и 4203. — Хорошо, хорошо... Содержание дополнительно! — Пока!

Старичок провел какие-то бумажки по реестру и обратился к Точному.

— Пожалуйста!

Косточка сказал Андронычу несколько слов: вот, пишет, рассказы, просил познакомить...

Андроныч расплылся. Крепко пожал руку Точному.

— Очень, очень рад. Давно хотел бы познакомиться. Деятельность нашего учреждения нуждается в освещении в печати, разумеется, осторожном. Будем знакомы.

Дальнейшее удивительно напоминало серьезное, ответственное интервью.

— Задачи наши? Ну, конечно, на первом плане, чисто, так сказать, утилитарное. Подработать, конечно, деньгу. Но вместе с тем, ведем борьбу со шпаной, случайными торговцами липой. Могу уверенно сказать, в нашем районе достаточно появиться кому-нибудь без нашего ведома с продажей липы, как мы же его и предоставим в милицию. Вот.

...Я по липовому делу пошел с детства. Меня все знают. Аккуратность исполнения, точность, цены вне конкуренции. Этим и достиг современного положения.

...Образчики моей работы!

Старичок поднял выдвижную дверку в стене. Открылся ряд четырехугольных ящичков с четкой надписью на каждом. Здесь лежали печати, штампы, бланки.

— Произведения каллиграфического искусства! Бланки и печати! Большого и малого Совнаркома! Документы на слоновой бумаге. Все наркоматы! Совдепы, что хотите! ...Подделываем и старые частные фирмы, совершающие теперь сделки подпольно. Также и офицерские организации. Все, что надо.

Искры гордости блестели в глазах старичка.

— Милиция? Чека? Дважды нападала на наш след. Благополучно удирали. Лишнего народу не принимаем. Только надежных. В этом помещении всего неделю. Скоро опять переберемся.

— Технические средства? По штату нас всего трое: я, машинист и посыльный. Имею в своем ведении мастерскую по изготовлению печатей и бланков, на нее-то дважды и нарезалась милиция.

...Связь? Торгуют и заказы принимают наши ребята преимущественно на Сухаревой, но и на других рынках. Мы же непосредственно дел ни с кем не ведем, исключая крупные организации. Вот, например, мандаты для Левы-автобандита. Этому самому пишем. Понятно. Вот проездные документы для организации «Транспорт товаров Москва-Ташкент, Москва-Мурманск». Молодая организация, но крепкая. Постоянные наши контрагенты...

— Постойте, постойте. Об этой организации я с вами и хотел поговорить.

— А в чем дело?

— Видите ли, мне самому приходилось заниматься подобными делами. Я, знаете ли, сам езжу в Ташкент, случается привозить, знаете..? Я о них много слышал. Думаю, не согласоваться ли нам как-нибудь.

— Мы... О них настоящего никто не знает: ни мы, ни кто. Крепкая орга-

низация. Но направить — я вас направлю, может, они вас как-нибудь и используют. Только, если до сути думаете добраться, не мечтайте! Нипочем не дойдете!

— Да мне это ни зачем не нужно!

— Ну, что же, сводить вас можно будет. Когда у них бывает-то кто-нибудь?

Бандит, подвязанный платком, перестал стучать на машинке и скрестил руки на груди.

— С 10 часов утра у них присутствие. Угреватый бывает. Я завтра отведу, пожалуй!

— А куда же мне зайти? — спросил Точный.

— Ровно в 10 часов у Сухаревой башни. Физиономию запомните. Только чур по часам. Точно. Мигом обернемся.

— За точность не беспокойтесь!

Точный улыбнулся.

Старичок жал ему руку.

— Очень рад услужить. Всего вам! В случае нужды — к вашим услугам.

На улице Косточка прощался так же сердечно.

— Захаживайте!

Было уже 4 часа дня. Точного встретили широко раскрытые глаза Мартьяныча.

— Ну?

Точный сиял.

— Дело обделано!

— Да как?

— Вот тебе и как. Слушай. Завтра в 10 ч. утра иду в Мурман-Памир.

— Неужели?

— Вот тебе и неужели! Не верил, что сами справимся! Но сегодня ночью предстоит другое дело. Мне Левка-автобандит не дает покоя. Хочется его забрать. И опять-таки самим, вдвоем. Он ведь один ездит!

— Да каким образом?

— Сейчас узнаешь. Пойдем просить машину у Т.

— А дадут ли? Одну уж испортили мы им.

— Дадут обязательно. Только вот что: ты же управляешь прилично. Обойдемся без шоффера. Ну их, этих шофферов!..

ЖУТКАЯ НОЧЬ КОМСОМОЛЬЦЕВ

— Станови здесь машину! За мостом! Туши огни! Здесь простоим до 3-х часов! Оттуда вон должен будет вылететь в 3 часа автобандит. Мы его примем: прострелим шины.

— Слушай, а раньше он не подъедет?

— Нет, нет! Это я знаю наверно. До 3 часов мы должны быть совершенно спокойны. Сейчас половина первого.

— А, нехорошо, что мы, выехавши из-под моста, не сразу потушили огонь: вдруг он поблизости где-нибудь стоит в поле.

— Нехорошо, ну да ведь это было одно мгновенье.

Мартьяныч и Точный вылезли из небольшого Форда и вглядывались в ночную темь, развертывавшуюся за линией железной дороги. Нигде не было видно ни огонька.

— Ну и погодка!

Страшная буря гнала потоки ледяного дождя в лицо, под ногами безбрежно плескались лужи, ветер рвал.

— Слушай, это мне показалось?

— Что?

— Зеленый, как будто, свет. Вспышка. Не прямо по дороге, а в сторону, по дороге от фабрики Катуар.

— Знаешь, мне тоже как будто.

— Стой, стой. Красным полыхнуло. Точно спичкой чиркнуло.

— Да, но это ерунда. Луна, может, между туч. Или еще что-нибудь. Во всяком случае ехать в такую погоду, да еще по этим пригоркам без огней невозможно, это совершенно ясно.

Опять как будто чирвануло: красным — зеленым.

Вдруг внизу на бревенчатом мостике глухо прогрохотало.

— Ой, ой. Что это?

— Ветер?

Прямо по дороге красный свет с силой ударил в глаза.

— Точный!

Что-то вырвалось из темноты, звездануло Мартьяныча, так что тот закрутился и, ударившись головой о камни, бухнул в полную воды канаву.

Точный отскочил на середину шоссе, по колена в лужу. Из остановившейся молнией машины, кто-то кошкой прыгнул ему на плечи. Точный свалился. Железные пальцы стиснули ему горло. Мгновенным, мимолетным движением, точно мимоходом, с него сорвали оба револьвера. Подняли, как котенка, и всунули в железный ящик, над головой щелкнула крышка.

Мартьяныч поднялся, шатаясь, с разбитой головой. Кровь ли, вода ли за-

ливала лицо. Попробовал крикнуть. Голоса не было. Зеленый свет резнул глаза. Кто-то хватил его опять по голове. Мартьяныч расставил руки, и, как туша, навалился на бандита. Тот рванул Мартьяныча из канавы на дорогу. Потом стряхнул с себя, как пылинку, и еще раз хватил по голове. Последовала та же процедура, как и с Точным. Мартьяныч помнил, что не давал засунуть себя в отверстье, но наконец крышка над ним захлопнулась.

Мартьяныч придавил всем телом Точного.

— Ты? Где мы?

— Под кузовом автомобиля.

— Орать?

— Не имеет смысла.

— Что это?

— Затрещал наш Форд... поехал...

— А мы?

— Стоим на месте.

— Пробуй выбиваться!

— Теряю сознание...

Форд отъехал куда-то и затих. Наступила тишина. Потом грузные шаги приплескали по воде. Кто-то тяжело сел в машину.

— Едем мы, что ли?

— Ой, едем.

Машина понеслась, слышно было, как выхлестывались целые потоки воды.

— Как все это вышло?

— Очень просто. У него приспособления для света: по мере надобности пропускается только узенькая мгновенная полоска осветить дорогу перед колесами, к тому же цветная, да еще меняющая цвет. Кроме того, по-видимому, великолепный глушитель для мотора, слышишь, как бесшумно идем.

— Верно. Чорт знает, как ловко. А что же он с нами сделает?

Наступило молчание.

Машина встала.

— Выходи!

Мартьяныч стал подыматься.

— Да не сразу, не сразу. Прикокошу! Одну руку давай. Другую.

Тонкий ремень охватил тело Мартьяныча. Потом его вытащили из ящика только для того, чтобы окрутить ремнем и ноги.

Дождь и мокрый снег слепил глаза. Кругом ни зги. Шумели какие-то кусты.

Так же поступили и с Точным. Потом тяжелый, знакомый Точному, голос автобандита спросил:

— Кто такие будете?

Комсомольцы молчали. Красный свет, потом белый полыхнул в лицо. Бандит приблизился и вдруг зарычал:

— А, пащенок, сволочь немазаная, ты же у Рябушки вчера сидел! Я дурак, как честному, всю правду выложил, а ты и тут, как тут. Я добром, а ты вот с чем! Отвечай, ты или нет? Молчишь. Ну да ладно, сделаемся! Пяточки поджарим, поговоришь! Полезай в собашницу. Сперва на потраву со мной выедешь!

Опять бандит засунул обоих в ящик. Предварительно обоим заткнул рот вонявшими бензином тряпками. Не ограничился на этот раз запиранием крышки, а прикрутил обоих особым ремнем к скобам внутри ящика. Крышка захлопнулась. Комсомольцы задыхались...

Спустя некоторое время тронулись. Машина шла плавно, не спеша. Встала. Все затихло.

Только звенели по кузову и по лужам дождевые капли. Один раз где-то, недалеко, прошумел поезд. В непосредственной близости от машины колеса глухо заворчали. По-видимому, были в тех самых местах, где комсомольцы попались. Стояли под мостом или около.

Точный давно уже работал языком, выталкивая тряпку и, наконец, ему удалось это сделать. Тотчас он, неимоверно вытянувши голову, зубами вонзился в ремень Мартьяныча, приходившийся поблизости, но задача эта была нелегкая.

В это время послышался неясный приближающийся шум телег. Потом резкий голос над головой комсомольцев гаркнул:

— Стой, бросай оружие!

Шум сталкивающихся телег, топанье лошадей, голоса. Потом опять резкий окрик.

— Клади мануфактуру, отдай деньги!

Выстрел. Беготня. Машина пришла в движение. Плавно качнулась вперед, назад, повернулась. Все это очень напоминало сцену недавнего ночного боя. Ругань сверху и ругань со стороны усиливалась.

Вдруг неподалеку грохнул винтовочный выстрел, другой. Сверху затакал револьвер-пулемет. Машина рванулась вперед и скатилась куда-то вниз, потом опять вверх.

— Не уйдешь!..

Опять машина плясала на месте. Выстрелы не умолкали.

Точный рванул ремень зубами из всех сил, кровь хлынула из зубов, но ремень лопнул. У Мартьяныча освободилась одна рука. Он стал стаскивать ремень и уперся изо всех сил в крышку. Крышка выгнулась и отскочила.

Машина опять рванулась вперед, но вдруг страшный удар потряс ее. У комсомольцев в глазах все побелело. Раздался звон и треск. Исступленный голос автобандита вопил.

Мартьяныч высунул голову, но выскочить еще не мог, ремень его удер-

живал. Точный бешено вгрызся в ремень в новом месте. Глазам Мартьяныча представилась странная, дикая картина.

Машина, напоровшаяся на какой-то предмет, может быть нарочно брошенный или подложенный противниками бандита, висела в воздухе. Широкая улица предместья при свете чуть брезжившего рассвета. Небольшая кучка людей жалась в воротах или по тротуарам, изредка посылая одинокий выстрел в сторону машины. Автобандит каким-то нечеловеческим рычанием, хватая себя за голову, выкрикивал порой:

— Испакостили ненаглядного моего! У, у, злодеи!..

Бегал посредине улицы, размахивал огромным револьвером.

Вдруг завопил:

— Не тронь, не тронь вагона! Прочь от вагона, синезадый!.. Пришибу!

И стал осыпать пулями стоявший на линии вагон трамвая. Кондуктор, пригибаясь и прячась, пробовал двинуть вагон в сторону города. Несколько человек виднелись в вагоне и на площадках.

Отступали противники бандита, что ли?

Нет, очевидно, они хотели ехать за помощью, рассчитывая, что бандит, севший на мель, не успеет спрятаться, и удастся захватить его главный козырь, удивительную машину.

Стекла вагона сыпались. Но вагон все же сдвинулся. В ранней тишине пение вагона отозвалось в ополоумевшем бандите прямо дрожью, чуть не судорогами по всему телу.

И здесь произошло нечто совершенно исключительное, чудовищное.

С градом ругательств, разбежавшись и сделавши какой-то пируэт в воздухе, бандит прыгнул на столб трамвайной линии, зацепив сразу больше, чем на треть вышины.

Еще через секунду сидел уже наверху и чем-то рубил провода.

При этом проявлял огромное знание техники: не задумываясь сразу начал рубить тот провод, который был для двинувшегося трамвая особенно важен.

Противники бандита были так поражены этим вольтом, что даже прекратили стрельбу. Потом пули засвистели с новой силой, но бандит казался заколдованным.

Несколько проводов уже упали. Минута — и вся сеть с грохотом, извиваясь, рухнула. Трамвай, отъехавший пол-квартала, словно подшибленный, остановился. Оттуда посыпались люди. Кое-кто побежал в сторону города за милицией. Бандит же камнем скатился со столба.

Продолжение было так же дико и неожиданно. Кряхтя и испуская ругательства, выкрики злобы и ласкательные названия по адресу сломанной машины, бандит впрягся и волочил ее на себе по направлению к мосту. В обоих руках его было по револьверу, в зубах обойма. Изредка рядом или сбоку появлялась человеческая фигура, на которую бандит яростно огрызался.

Так, совершенно невредимый, он протащил машину не один десяток саженей и выволок-таки на горку, к мосту.

Поставил ее за углом моста и привел в действие два укрепленных около руля револьвер-пулемета. Револьвер-пулеметы работали механически, по истощении запаса патронов одного начинал работать другой.

Сам же бандит куда-то провалился.

Комсомольцы начали звать на помощь, но никто не смел показаться из-за устоя моста до тех пор, пока весь запас патронов не израсходовался. Тогда отдельные головы стали появляться из-за углов и на линии железной дороги. Головы выглядывали и прятались. Потом отдельные люди, видя пустую машину, осторожно начали подходить. Бежали также сзади, со стороны Даниловской мануфактуры.

Мартьяныч перервал второй ремень и все же не мог вылезть. Вдруг подходившие кинулись врассыпную. Под горой что-то затрещало.

— Форд!

Действительно, буксуя на крутом подъеме, бандит выезжал на Форде, предусмотрительно спрятанном им ночью где-то поблизости.

— Прочь от машины, черти рогатые, кто только останется, жить не будет!

Подкатил. С лихорадочной поспешностью прикрепил свою машину цепью к Форду. Пробегая около комсомольцев, мимоходом хмуро и деловито захлопнул крышку «собашницы». Потом машина понеслась, купаясь в лужах.

Ехали довольно долго. Метались по пригоркам, проселкам и прямо по снегу. Потом встали. Крышка открылась и бандит, выхватив за воротники комсомольцев, швырнул их на лужи и снег и больше не замечал. Мартьяныч счел полезным укрепить свои ремни настолько, чтобы в случае надобности мог их скинуть в любой момент, пока же скрыть, что они порваны. Оба — заткнули себе рты тряпками.

Лицо бандита было совершенно неузнаваемым. Зубы оскалены, изо рта пена, глаза бегали. Он метался около машины, испуская сквозь стиснутые зубы нечленораздельные звуки.

Поднял машину на подставку, раскрыл, вертелся волчком. Это была сумасшедшая починка. Инструменты из ящика, со звоном, дождем бухнули на снег, летали из одной руки в другую. Он жонглировал инструментами; кидался на машину, под машину, в машину. Хватал части пальцами, ногтями, зубами. Части и инструменты иногда взлетали в воздух над его головой.

Огрызаясь, выбегал на соседний пригорок (машина стояла в ложбине под сводами елей), вглядывался в даль и опять с воплем несся обратно. Комсомольцы не могли оторваться, как зачарованные, от этой починки.

Постепенно гонка сменялась упорным напряженным вниманием. Жилы на лбу бандита вздулись. Он стоял на коленях возле машины, внимательно и напряженно слушая. Раздался треск, сперва слабый, потом уверенный.

Бандит еще раз завел. Машина загрохотала с обычной силой. Мотор работал четко, без перебоев. Лицо бандита совершенно переменилось. Полудетская, полусумасшедшая радость заплясала на этом лице.

Высоко подпрыгнул, подбросил в воздух инструменты, закружился вокруг машины в бешеном танце. Больше он уже ничего не боялся и не выбегал на пригорок: его машина была в порядке.

Его машина была кареткой, но комсомольцы разглядели, что это была та же машина, что и прежде. Каретка была фальшивая, приставная. Бандит продолжал находиться в том же диком порыве, даже смеялся и пел.

— Ныряй, лягаши моченые, — крикнул он, втаскивая комсомольцев в их же Форд. Нырять пришлось в полном смысле, потому что в Форде плескалась вода.

Минуту бандит над ними подумал, потом зацепил Форд на буксир, влез в свою машину и помчался. Неслись какими-то проселками, деревнями. Кружным путем, где-то около Рогожской, вошли в Москву.

На улицах уже попадался народ. Странная поездка вызывала внимание. Бандит ни с чем не считался, надеясь на скорость хода. Оборачивался в сторону пленников, строил рожи, отпускал ругательства.

Вдруг бросил руль, одним прыжком очутился на крыше каретки. Машина бежала сама. Бандит лихо выплясывал чечотку.

— Так, так, д-рас-так-так-так, так... Эхх, лихо! По-нашенски, да не по-вашенски! Кобели маринованные, вам с книжками в сортирах сидеть, головы газетной бумагой набивать, а не машину водить! Так, так...

Вдруг падал назад, свешивался с каретки вниз головой, чуть заметным ударом ладони передвигал руль, выправлял ход машины.

Плясал все время задом к направлению машины. Когда надо было перевести руль, чувствовал, не оглядываясь, и переводил всегда вовремя.

Милицейский, в недоразуменьи, поднес было свисток ко рту, но машины пронеслись, как вихрь.

Взлетели по крутому Китайскому проезду.

— Ну, собачня паршивая, попомните Левкнну работу, купайтесь, гады!

И перерезал веревку, на которой держался Форд.

Левкина машина пропала наверху. Машина комсомольцев, все усиливая ход, понеслась вниз, должна была неминуемо расшибить ветхие перила набережной и очутиться в Москве-реке. Отпущена была в такой момент, что летела без риска зацепиться за что-нибудь по дороге.

Мартьяныч скинул подрезанные ремни и стал мучительно вырываться из остальных. Машина неслась. В тот момент, когда до перил оставалось уже несколько саженей, Мартьянычу удалось поймать руль и круто повернуть машину. Она завертелась волчком, бахнула в решетку одним боком и застряла, повиснув в воздухе колесом. Ремни Точного были одним моментом разрезаны. Машина выставлена на мостовую.

Подбегал милицейский.

— Хулиганье, что делаете, откуда машина?

— Делаем то, что нам надо, — хмуро ответил Мартьяныч. — А ты тут не причем!

— Откуда, спрашиваю, машина?

Показали удостоверение. Милицейскому пришлось стушеваться, хотя вид у ребят был действительно подозрительный: вымокшие и помятые.

Тихонько катили по направлению к Лубянке. Не могли прийти в себя от событий прошедшей ночи.

Вдруг Точный спохватился.

— Который час?

Часы на бульваре показывали пять минут одиннадцатого.

— Ведь мне же в 10 час. к Сухаревой. В Мурман-Памир идти! Гони скорее!

Мартьяныч помолчал.

— Слушай, Коля, я во всяком случае не пойду. Я совершенно избит и устал. К тому же надо отвозить машину.

— Я пойду один, — сказал Точный.

— Я и тебе, Коля, не советую.

С этой минуты стена легла между двумя друзьями. Судьба их отныне разделилась. Мартьяныч вернулся к своим книгам, Точный пошел навстречу смертельно опасным приключениям. Мартьяныч еще пробовал его отговаривать.

— Не отдохнув, после такой-то ночи?

Точный только пожал плечами. Не доезжая Сухаревки, машина остановилась. Мартьяныч крепко жал руку товарища. Долго, не отрываясь, смотрел вслед фигурке Точного, решительно зашагавшей по Сретенке.

ТОЧНЕЕ ТОЧНОГО

Когда Точный подошел к Сухаревой башне, главлиповец уже стоял, опустив голову, засунув руки в карманы. Огромные уши того же клетчатого платка выделялись издалека на фоне башни, словно крылья ветряной мельницы. При виде Точного он вытащил из кармана плоские серебряные часы и обиженно протянул их.

— Десять минут одиннадцатого!

Точный разводил руками.

— Простите, товарищ, не мог никак! Очень был занят! А вы-то давно меня ждете?

— Мы-то, как условлено, без ошибочки, в десять часов! Точнее точного!

Точный рассмеялся.

— Да, да! Вы совершенно правы! Вы действительно оказались точнее Точного.

Этот случай привел его на минуту в хорошее расположение духа. Парень вглядывался в Точного.

— Да, чтой-то с вами неподобное, ровно вас купали, или что? Бледные какие. Откуда это вы?

— Это ничего, совершенно ничего! Я, знаете, не спал ночь!

— Так вы бы пошли соснуть!.. Что за напасть к ним иттить! Можно бы завтра!

— Нет, нет, уже давайте сейчас! Да это ведь и недалеко!

— Недалеко-то недалеко. Возле Трубы. В самом, конечно, центре города устроились. А то подождем до завтра?

— Нет, пойдем!

Пошли.

Наконец, главлиповец отчетливо произнес:

— Здесь!

На одной стороне узенького переулка торчала вывеска:

«Продажа ненормированных продуктов. С разрешения властей. П. Л. Мурман».

На другой — вросшая в землю дверка с корявой надписью:

«Памир».

— Что за чертовщина?

Точный в горестном недоумении переводил глаза с одной вывески на другую. Разом ясно представилось: угол Арбата, последняя в этом году метель, две фигуры и:

— Я у Мурмана!

— А я в Памире!

И тогда же он себе сказал: значит, Мурман-то Памир существует. И вот. Как все просто!

Взялся за ручку двери в лавку Мурмана.

Дверь открылась и пропустила вошедших. Дверь за вошедшими закрылась. Но не открылась уже после этого целый день. Товарищ Точный через эту дверь обратно не вышел. Ни в этот день, ни в следующий. На третий день встревоженный Мартьяныч прибежал в Чрезвычайную. — Где же Точный? — Нет Точного! — Да куда же он делся?

— Пошел разыскивать Мурман-Памир.

— Что за ерунда. Вернется!

Но дни проходили. Точный не возвращался.

Через несколько дней товарищ Т. говорил:

— Да где же Точный? Почему он не приходит?

Собеседник его ответил:

— Не вернулся! Провалился в своем Мурман-Памире!

Сказал и вдруг посмотрел в глаза товарищу Т. и прочел в них ту же мысль, что мелькнула у него.

Именно:

— Ведь, пожалуй, Мурман-то Памир и существует!

Но в этот раз эти слова не были произнесены в Чрезвычайной.

Они были произнесены значительно позже.

— А время-то идет!

— Мм...

— И никаких сведений ни из Мурмана, ни из Ташкента!

— Никаких.

— Так ведь и июнь месяц скоро на носу будет.

— Будет!

ЮЛЬДЫ-МАКАШОТЫ — ПУТЬ СТРАДАНИЙ

Апрель...

Нежным дыханием теплой глины, цветущего урюка, овечьих шкур, кумыса и снежной журчащей воды проплывали в лицо Бурундуку частые, порой сливающиеся между собой кишлаки.

На горах, подступавших все ближе, огромные сползающие пятна льдин и прозрачный туман. Там вверху все таяло, здесь, в долине, снежной водой бежало на горячие поля... Фергана...

А мотоциклетка взрывала горы пыли, оскорбляла тонкие стволы персиковых и миндальных деревьев облаками бензина и неслась, неслась...

Как часто джигит, с прилипшим сзади к седлу безобразным комком материи в сапогах и парандже — женщиной, прыгал на коне через арыки в сторону от дороги, силясь справиться с конем и посылая вслед путникам брезгливое: собака.

Верблюды сбивались в кучу, падали на камни, сбегали на рисовые поля. Возница вниз головой летел с пирамидой груженой понесшейся арбы. Ишаки ревели. Голые мальчуганы лупили в мотоциклетку камнями.

Но это было только еще начало.

Расставшись с совершенно валившимся с машины (ехали днем и ночью без перерыва) шоффером и посадив другого, проскочили почти без остановки оскаленный, готовый броситься на первого встречного Наманган, впоследствии центр Ферганского басмачества.

Гнали к Ошу, купая оси мотоциклетки в ледяных потоках, вздувая каменную седую пыль на потрескавшихся горных тропах.

Навстречу все бежало.

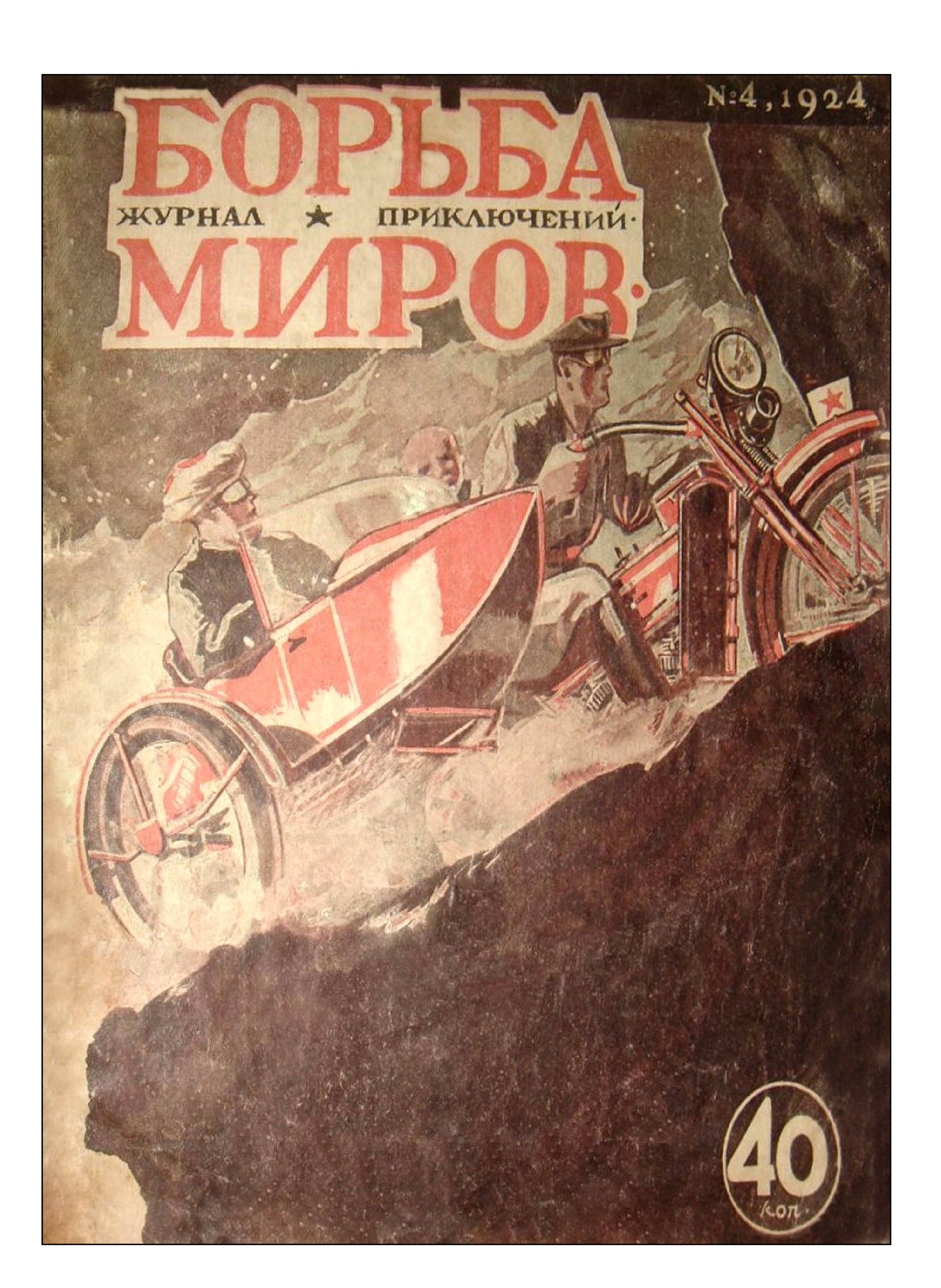
Русские поселенцы, нагрузив ишаков скарбом, перебирались ближе к центру Туркреспублики. Кишлачное население местами подымалось против городов. Некоторые города подвергнуты были правильной осаде скопищами бандитов, предводимых баями и манапами.

Над кишлачными исполкомами веяли красные флаги, на черной стене чай-ханэ можно было прочесть тонкой арабской прописью мелко выведенную надпись с именами вождей пролетарской революции.

Но рядом блестело дуло винтовки мстительного бека, собирались вокруг беков русские белогвардейцы, имя его величества эмира бухарского открыто упоминалось.

Все кипело.

В Оше парень в кумачевой рубахе, в фуражке с одной из первых в этих местах красных звезд, схватился за голову.


№ 4, 1924
БОРЬБА
ЖУРНАЛ ★ ПРИКЛЮЧЕНИЙ
МИРОВ
40
коп.

— На Памиры? Давно связь потеряна! Апрель! Перевалы закрыты! Если не снегом, то повстанцами! Что вы, что вы! Здесь завтра вопрос поставлен будет так: удастся ли отстоять Коканд и Андижан? Возвращайтесь-ка, пока целы!

— А я все-таки думаю проехать.

В узкой теплой уличке под вырезным, обдуваемым каменной пылью карагачем, перебирая рукой свешивающиеся с земляной крыши низкой постройки побеги травы и красные маки, Бурундук разговаривал с двумя худыми высохшими узбеками.

Разговаривал или почти разговаривал, потому что, незнакомый раньше совершенно с узбекской речью, выучил за дорогу не одну сотню слов, а общеизвестная истина — что тюркские языки даются страшно легко, и за какой-нибудь месяц многие очень недурно выучиваются объясняться по-узбекски. Бурундук же взялся за дело с особенным рвением: несколько дней езды в мотоциклетке бок о бок с Садык-джаном (так звали мальчика) пошли на окончательную отшлифовку произношения.

Садык-Джан так привязался во время этих уроков к русскому «назиру», действительно до безумия любившему и понимавшему детей, что на этого маленького союзника Бурундук мог отныне серьезно полагаться.

Письмо Атаваева сыграло большую роль. Но еще большую сыграла солидная сумма, предложенная Бурундуком. Оказалось, что хотя перевалы закрыты, а пройти можно. И сборы в дорогу заняли всего несколько часов. Так хотел Бурундук.

Он сидел теперь на упитанном туземном коньке верхом в шелковом халате и тюбетейке, чтобы хоть издали не слишком обращать на себя внимание. С ним ехали два джигита и Садык-джан, не пожелавший остаться в Оше. Захвачена была теплая одежда, так как и здесь уже, а на Памире в особенности, по ночам, после раскаленного дня, подмораживало.

Юльды-Макашоты — путь страданий.

Камень рассыпался от вечной смены мороза и зноя. Узкая тропка — только барану пройти — вздымалась и падала. Ни признака мостов: лошадей гнали прямо в бурную водоворотистую ледяную воду.

А к тому же страшно спешили. Спать старались в седлах, на ходу. Только, когда от усталости совершенно обалдевали, сваливались на несколько часов в какой-нибудь случайной юрте. Но пока «назир» спал, Садык-Джан неусыпно сидел рядом, сжимая рукоятку кинжала, зорко следя за всем невеселым и подозревающим, что бродило вокруг.

Когда смертельная усталость и редкий воздух высот особенно скручивали Бурундука, он представлял себе лежавший далеко впереди Назир-таш, и ощущал некоторую неловкость в спине, между лопатками. После этого выпрямлялся в седле.

Спешить было необходимо. Коротая досуг в пути разговорами, Бурундук

точно выяснил местонахождение аула, в котором русский шайтан производил опыты: небольшая долина в ближнем Памире невдалеке от ледяного озера Каракуль. Нашел долину на имевшейся карте, нашел и путь, по которому надо было идти к ней.

Но Бурундук спешил бы и осторожнее был, если б знал, что в расстоянии трех дней пути позади него на лошади, украшенной сбруей кованого серебра, в расшитом седле, едет стройный молодой всадник, с небольшой черной в колечках бородой, на правильном, почти арийском лице.

В кишлаках и аулах этого всадника окружали знаками почета и внимания. Он же, закусив губы, хмуро спрашивал:

— Кто видел русского и мальчика, с ними Ходжимрота и Рахманкуля из Оша?

И всюду получал точные сведения.

Только быстрота хода избавляла временно путников от встречи с ним.

Назир-таш...

Ну, и местечко! Брр...

Дорога, словно в кольцах, сжата провалами и утесами. Бездны открывались под ногами. Иззубренные, осыпавшиеся пасти, полные зубов, источенных временем. Луна, небывало огромная, сияла и змеилась в гладких, отполированных осыпями, скатах.

На рысях прошли стиснутый шапками скал мрачный перевал. Ниже дремало утопленное в луне селение.

— Эффенди позволит здесь остановиться, здесь у нас ашне (приятели)!

— Нет, вот вам на чай, если проедем не останавливаясь!

Селение проскочили даже на карьере, словно тени, ни одна собака не пролаяла.

Медный рассвет.

Прошли ложбину, до краев наполненную туманом, углубились в новую чащу скал. Отлегло от сердца. Надолго ли?

А через два дня всадник, на расшитом седле, кусая губы, щипал бороду, сгонял тонкие брови в одно зловещее пятно на лбу:

— Кто же видел русского и мальчика, с ними Ходжимрота и Рахманкуля из Оша?

— Прости, повелитель, такие не проезжали!

Только старуха подошла, доставая рукой землю.

— Перед рассветом проскакало четверо, как шайтаны, прости, светлый, как звезда Иштар, думали, пастухи!

— Джелдошляр, бездельники! Чумы на вас нету.

Зацокали копыта.

Еще через несколько дней. Как это случилось? Бурундук узнал, что за кучей бедных провшивевших юрт дорога разветвляется.

— Эффенди, есть отсюда дорога на ту сторону, прямо через скалу, а есть

другая, два дня обходу. Где эффенди пожелает пройти?

— Конечно, прямо, зачем вы спрашиваете.

— Эффенди говорит, не зная сути дела. Надо увидать прямую дорогу.

Увидели. Остановились. Подумать, действительно, не мешало.

Прямая дорога с места уходила почти вертикально вверх. Желоб, набитый толченым снегом. Кони храпели и косили глазом.

— Да ведь, во время оттепели, это должен быть водопад, ни больше, ни меньше?

— Эффенди прав.

— Да кто же по этой тропе ходит?

— Раз в десять лет по ней ходят, и то баранчуки, люди, кому жить надоело.

— Ну... поедем кругом!

Тронули лошадей.

А через сутки здесь же распоряжался джигит с черной бородой.

Невысокий, кривоногий киргиз склонился, напялил лохматую, порванную шапку, сел на кривоногого же конька, и конек, осторожно перебирая ногами, медленно-медленно пополз прямо вверх по желобу. А снизу все смотрели и смотрели, пока посланный черным червяком не пропал в облаках.

Аллах не дал в эту ночь и в следующую ни бури, ни снега, ни оттепели. После этого сразу и заметно положение путников изменилось. Какие-то люди по ночам подходили и упорно заглядывали в лица спящих, пока мальчик не кидался на них с кинжалом.

Чуть слышно шурша по траве, кто-то полз и полз к стоянке, пока не подымали тревоги. Пастухи делали проводникам со скалы непонятные знаки. Лица же проводников становились мрачнее, — а по временам проводники были преувеличенно любезны.

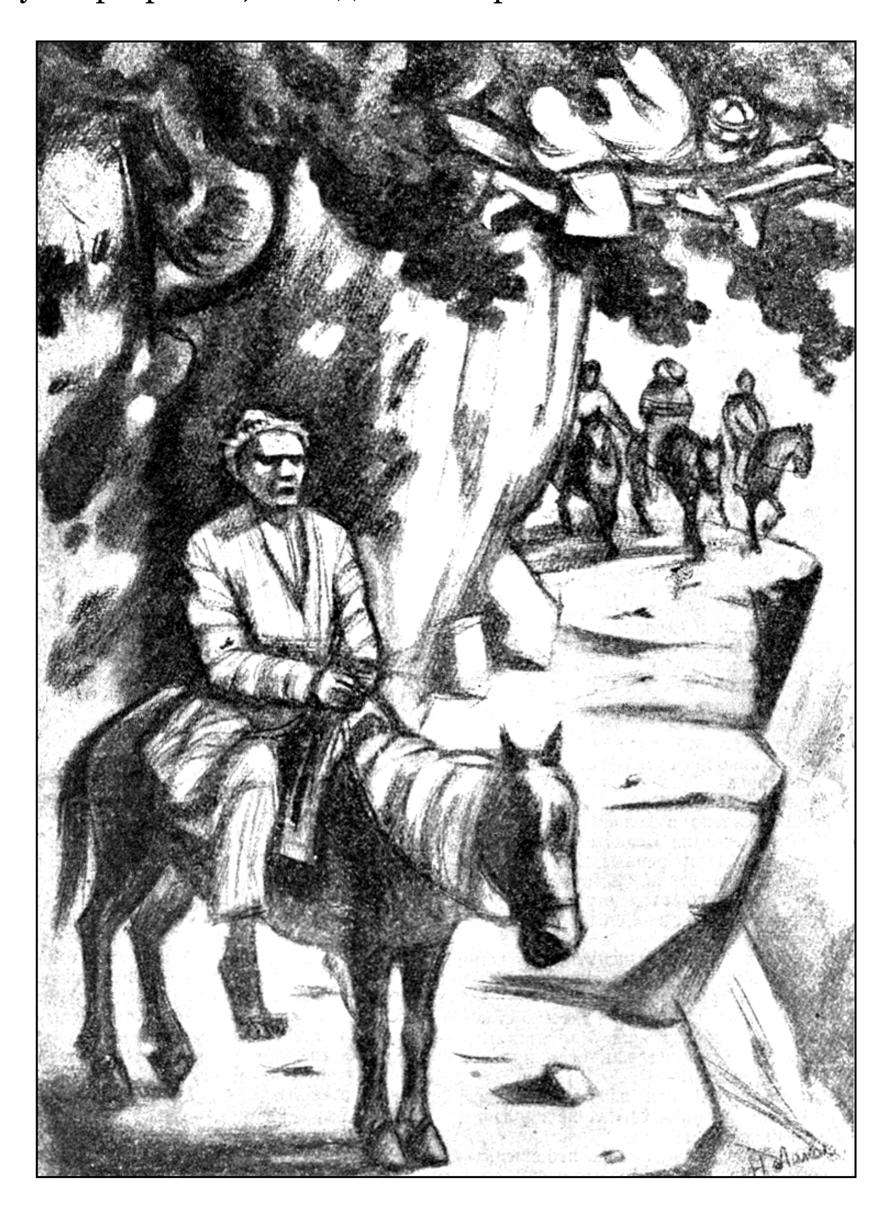
Наконец...

После полудня бегущие тени облаков стали частыми и все кругом рябило, как в мятель на севере. Ветер дул в лицо бешено, то свергаясь со скалы, как с раскаленной плиты, то морозно. Трудно было держаться в седле. Бурундук дремал. И вдруг проснулся, крепко схваченный двумя парами сильных рук. Два незнакомых киргиза стояли по сторонам. Проводники были неподвижны и молчаливы.

Другие безуспешно погнались за мальчиком, поскакавшим куда-то без дороги, по хребтам и склонам. К вечеру по той же дороге, только в обратном направлении, ехали три всадника. Средний Бурундук, со связанными позади руками и ногами, привязанными к стременам. По бокам Ходжимрот и Рахманкуль. Разговоры и просьбы уже наскучили. Обещания новых — «на чай» были бессильны.

— Иок — (Нет)! Твои деньги — наши деньги.

— Не найдете, дьяволы!
— На куски разрежем, а найдем! Из горла вынем!



Немного дальше застыл на такой же застывшей лошади, словно в дремоте, огромный, длинноногий, босой киргиз.

Над дорогой низко свешивался кудрявый карагач. Немного дальше застыл на такой же застывшей лошади, словно в дремоте, огромный, длинноногий, босой киргиз с ничего не выражавшим лицом.

— Эй, ты, наглотаешься москитов, закрой рот! Посторонись, не даешь проехать, — весело крикнул Рахманкуль.

Ходжимрот под карагачем низко пригнулся, ветка задела его по голове, листья шуршали по лицу. Что-то тяжелое и плотное легло ему на плечи, пригнуло голову. Крепко сдавило гортань. Ходжимрот захрипел, выпустил повод, потом стремена, сковырнулся с седла на дорожку, с дорожки вниз в водоворот камней, оттуда еще ниже в голубую пустоту.

Одновременно длинноногий киргиз схватил повод Рахманкулева коня, и, все ускоряя рысь, поскакал вниз по тропинке. Рахманкуль, обалдевший от неожиданности, пробовал тянуть еще коня, на котором сидел Бурундук, но, получив удар по руке, выпустил его.

Уздечку Бурундукова коня держала другая рука.

— Садык, милый, как ты, откуда?

— Я, ата, на дереве сидел, а это мой земляк, баранчук!

Киргиз снизу орал:

— Эй, эй, деньги, деньги!

— Давай ему денег скорей, мы ему заплатим, — говорил мальчик.

Он поскакал к киргизу и передал деньги.

— А с этим что?

Киргиз показывал на Рахманкуля.

— Заруби его скорее, а сапоги себе возьмешь, — звонко крикнул мальчик.

Передняя пара скрылась. Приближалась ночь. Ясно было, что продолжать путь по этой дороге нельзя. Садык немного знал эти места. Днем он совершил головокружительную поездку по обрывам и ледникам. Теперь они свернули с дороги и пробрались между утесами, часто ведя лошадей под уздцы. Заночевали в пещере, зато были спокойны, как никогда за всю дорогу.

Потом добрались до заброшенной в небо юрты пастухов. Здесь окончательно был выработан план поездки. Оба переменили одежду. Бурундук одел более простой и теплый халат, киргизскую войлочную шапку. В его сибирском лице, как и во всем складе его приземистой фигуры, было что-то татарское. С этого дня он стал ежедневно подкрашивать лицо хиной, сделав его коричнево-оливковым, как делают женщины повсеместно в Азии. Местная поговорка: «Как русский ни хорош, а все глаз у него голубой (не черный)», неприменима была к Бурундуку, так как глаза у него были карие.

Мальчик одел женскую одежду и паранджу.

Казалось, узбек путешествует со своей женой.

Решено было ехать без проводников, по звездам и географической карте. К услугам все более и более редких в этих местах пастухов прибегать только на перевалах или переправах.

Залайский хребет прошли несколько восточнее того проезда, по которому вел «путь страданий».

Скоро Памир принял их одной из своих «долин ужаса».

С перевала долина казалась покрытой цветущей и сочной растительностью.

И только на въезде в нее видно было, что вся она покрыта разноцветными, играющими на солнце, голышами. Голышами, тянувшимися на сотни верст. Ничего, кроме голышей. Бродячие пески засыпали их в разных направлениях.

И все же после напряженных волнений на проезжем пути, путники отдыхали душой и телом, вволю предаваясь сну.

Здесь по нескольку суток никто не попадался навстречу.

Вели же стадо яков или джигиты подымали пыль на горизонте — можно было схорониться в скалах и пропустить их.

Так шли они по диким и безводным местам, покрытым редкими клочками растительности, не желая видеть и не видя человеческого лица.

Шли и приближались к цели.

НАДПИСЬ НА СКАЛЕ

Верблюжий ветер...

Держась за ветки повисших над осыпями кустов, Бурундук и Садык вглядывались в бесконечные дали, развернувшиеся перед ними. Светложелтые лысины песков, чередуясь с темными пятнами конусообразных возвышений, напоминали пустынную шахматную доску. Небо раскосое, в пятнах скал, глядело широко и неприветливо. Но ветер, взлизывавший истертые бока холмов, доносил на порывах чуть слышные запахи паленой шерсти, верблюжьего помета, яка и грязного жилья.

Узким коридором, с протянувшейся посередине узенькой серебряной ниточкой ручья, лежала под ногами долина. Та самая долина, ради которой пройдены такие расстояния и преодолены такие трудности.

Да, сомнений не было, урочище Берендеева было в расстоянии суток пяти отсюда.

— Ну, теперь-то нельзя подкачать. Теперь-то мы не будем так просты, чтобы сунуться прямо в лапы ханымцам, без сомнения, окружающим ставку Берендеева кольцом.

— Баранчук, тебе ехать один день пути к восходу, там у источника ручья из Кара-Куля найдешь русских людей, к которым у меня письмо. Вот письмо, вот деньги. Ждем тебя через два дня в этих пещерах.

Баранчук спрятал письмо в лохматую шапку и поскакал.

Путники же не остались ждать его в условленном месте, а сразу передвинулись значительно к востоку, в место, откуда долину можно было держать под наблюдением.

— Неизвестно еще, кто может за ним протащиться. А если он поедет один, мы его отсюда всегда перехватим.

Наткнулись на небольшой перевал, где глубокий слой песка весь изрыт был следами животных и человека. Здесь в определенное время года перегоняли стада из одной долины в другую. В этом пункте поддерживалась связь между тремя или четырьмя долинами.

Уже издали путники разглядели на скале, открывавшей вход в котловину, большую свежую надпись. Подъехали и разбирали.

«Да будет благословение неба над читающим и слушающим читаемое и передающим его другим.

Ибо полезно было бы, чтобы все проходящие пустыню и горы ознакомились с нижеследующим, равно и незнающие арабских букв и даже не говорящие на тюркских наречиях.

Всякому важно знать, что войска справедливого Ергаша волею Всемилостивого одержали между Ошем и Наманганом новую победу.

Большевик же, предавая огню селения и ругаясь над женщинами и стариками, в страхе отходит. Итак, убивайте всякого встреченного в этих местах русского, кроме находящихся под особым покровительством. Теперь пойдет речь о шайтане, общеизвестном жителям высот и предгорий.

Не должны ли новые законы для всего живущего быть написаны под ясным небом Кровли Мира? Жители гор и предгорий, кто из вас скажет на это: нет?

Такого ни одного не найдется. Ханым, ханым! Твои люди понесли большие труды и тяжкие лишения для общего блага. Прочитавший, если ты благородный человек, собирай стада верблюдов и яков и прикочевывай поближе к урочищу Кара-Куль в помощь людям ханым, стерегущим шайтана, потому что русские собаки изворотливы, как лисицы.

Неверно, что шайтана нет больше среди них.

Все это написано по повелению пресветлого Хай-Ходжи-Худеяр хана из рода Бабура, потому что его пресветлость согласно неисповедимым линиям судьбы в третий раз явился среди нас.

Записывайтесь в отряды его пресветлости и полковника Розова. Все записавшиеся получают жалованье старыми рублями, английскими фунтами и монетой его величества эмира. Кроме того, вооружение и пропитание».

— Т-тэк... сказал Бурундук. Заваривается каша!

Прочитанное особенно неприятно поразило его. Одиноко тащиться, ожидая удара кинжалом в спину или толчка со скалы — одно. Широкое массовое движение — другое. Здесь уже можно изобретать. Он напялил войлок на глаза, улыбнулся чуть-чуть, подумав о своей киргизской внешности и о том, что может, пожалуй, не рискуя быть разоблаченным, произнести небольшую речь перед пастухами. Ну-с! Схоронились на два дня среди камней и наблюдали долину. Движение было действительно необычное для этих мест. Время от времени в глубоких волнах пыли тяжко катились стада, скользили одиночки-джигиты, прикрывая ладонью глаза под войлочной шапкой, пристально вглядываясь в дали, скакали небольшие отряды — пять, шесть человек — маленькие лошадки, оливковые грузные лица с оттопыренными редкими усами, черные глаза навыкате, над ними длинные пики с плавающими в воздухе пучками шерсти. Все это ясно различал Бурундук в полевой бинокль. Но почему движение шло не в сторону стоянки Берендеева, а больше в обратном?

Наконец разглядел на берегу реки скакавшего позавчерашнего посланца. Садык слетал за ним. Снова киргиз полез в лохматую, покрытую насекомыми шапку. Из шапки вытащил пук верблюжьей шерсти. Размотал. Там в тонком бухарском, голубом с желтыми солнцами платке завернут был узкий почти дамский конверт. Не без некоторого волнения разорвал его Бурундук. Ощутил еле уловимый запах духов Коти, такой необычайный здесь.

Схоронились на два дня среди камней и наблюдали долину.

«Полковник!

Признаюсь, можно было бы очень и очень удивляться неожиданности Вашего появления здесь, равно и многим другим обстоятельствам Вашего прибытия, если бы только было время удивляться.

Мне крайне больно, что в эти дни, когда Вы были от меня так близко, после полуторамесячного сидения в этой пустоши, мне так и не удалось пожать Вам руку и услышать русскую речь.

Сегодня, когда Вы читаете мое письмо, три дня пути уже разделяют нас и расстояние все растет, потому что мне давно пора, — нельзя больше ждать, — отбыть в направлении на восток, и юг, по делу, о котором Вы, конечно, хорошо осведомлены, т. е. к англичанам.

Дорогой мой, ведь уже полтора месяца тому назад и для меня совершенно непостижимо, как Вы этого не знали, отношу это только за счет Вашего опоздания в пути, — Берендеев и Шефтель счастливо удрали, и даже неделю тому назад я получил известие о благополучном прибытии их в Москву и о назначении окончательного срока взрыва — 10-е июня.

Следовательно, Вам здесь делать нечего, поворачивайте, пока не поздно,

обратно.

Ханымцев опасайтесь совершенно справедливо, это тоже Вам можно было бы знать раньше, ведь разлад у нас с ними полный, им, видите ли, серьезно взбрело в голову замариновать Берендеева у этого паршивого Кара-Куля, всемирную же монархию основать с центром на Памирах, с этим самым Худеяром во главе.

Спешите, надеюсь, хочу надеяться, что вернетесь в Москву невредимым.

Передайте привет нашим общим друзьям, передайте горячий привет и целуйте героическую ручку Натальи Владимировны, скажите ей, что и я попрежнему... или нет, ничего ей не говорите, она знает, а я больше не могу писать, оттого ли, что с утра проводник кличет меня ехать, или от волнения при одной мысли: старые Москва и Питер (я вижу их уже возрожденными), старое общество друзей, сода-уиски и затяжка кепстена в морском собрании. А я совершенно один с этой вечной солью на губах уезжаю по скучной и глухой стране среди людей, похожих на навозных жуков, куда-то все дальше и дальше к чертям на кулички.

Довольно, помогай Вам бог, простите за легкомысленное письмо, вспоминайте в часы решающей борьбы с красной заразой, что не с Вами, вопреки его самым горячим желаниям

Драверт.

P. S. Чуть не забыл, уж если Вы здесь, навьючьте оставленные впопыхах Берендеевым, очень важные для него, рукописи и мешки с травами. Взять их нужно в пещере № 15 по берендеевскому плану (он-то, конечно, у вас есть), сдать же немедля ни секунды по прибытии в Москву прямо во временную лабораторию Берендеева под столовой «Памир» в ...ком переулке на Трубе.

Еще раз простите.

Д».

Бурундук в раздумьи остановился над письмом. Обратился к застывшему перед ним киргизу, показывая рукой на движущиеся в долине отряды:

— Кто эти люди и почему они идут не к озеру, а от озера? И что делает Худеяр-хан?

Киргиз ответил:

— Аллах ведает дела могущественного Хай-Ходжи-Худеяр хана. Что касается дехкан (крестьян) и пастухов, то никто не верит, что шайтан сидит под скалою. Баи-хозяева хотят, чтобы мы оставались в отряде, но пастухи и дехкане непрочь вернуться к стадам, женщины одни не управляются. Баранчуки, которым было обещано полное прощение, получив оружие и жалованье за месяц, снова повернули коней в горы, сказав: воюйте с большеви-

ками, а мы по-старому будем резать и тех, и других.

Лицо Бурундука подергивала усмешка:

— Вот так фунт! Значит, баранчуки дали стрекача в горы, а пастухи расходятся по своим стадам. Очень хорошо. Ну, что же скажут его пресветлость и русские собаки, не те, бывшие около озера, а в лагере, вдохновители надписей на скалах, с полковником Розовым во главе? А не попробовать ли?...

Но с другой стороны в голове пронеслись: сомнительность задачи, 10-е июня (этого не надо забывать) и адрес лаборатории в Москве. Это поистине беспечное письмо открыло ему немного, но достаточно.

Киргиза отпустили. Лысая спина его халата над выпяченным крупом коня провалилась в осыпях между чахлыми кустами.

Теперь тронул коня и Бурундук.

— Едем, Садык!

— К озеру?...

— Нет, Садык, не к озеру, на Москву, назад.

— На Москву? А шайтан?

— Вот все, что надо от шайтана!

Бурундук хлопнул по письму.

Перевалили цепь холмов и выехали на равнину. Под ногами почва твердая, как камень, была иссечена трещинами.

— Нехорошо, — сказал, глядя под ноги, Садык.

Небо затянулось тучами, посыпал мелкий снег. С удивлением Бурундук видел, что трещины под ногами исчезали, земля становилась мягкой, удобной для копыт.

Немного позже копыта лошадей начали прилипать к почве, чавкать и вязнуть. Скоро лошади, вытаскивая копыта, выбивались из сил.

Цепь холмов на горизонте, все время казавшаяся близкой, сколько к ней ни приближались, оставалась недосягаемой.

Быстро темнело. Все кругом становилось безотрадно. Слезши с коней, путники тащили их за собой, проваливаясь по колени, в становившуюся все более и более вязкой трясину.

Вдруг в сгустившихся сумерках разглядели шестерых или восьмерых всадников, быстро продвигавшихся на маленьких тибетских лошадках, умело выбиравших проходимые места и прыгавших с кочки на кочку. Поневоле пришлось звать на помощь. Коней наших путников схватили под уздцы, повернули, повели.

— Туда, туда! указывал Бурундук на север.

Отрицательно качали головами.

— Еще 1000 локтей пройти и погибель там. Сам Аллах нас послал к тебе на помощь.

От немного грубых и навязчивых услуг не приходилось отказываться. Шли в совершенно обратном направлении. Наконец, вышли в песчаную

котловину, стиснутую скалами, где открывался проход в соседнюю долину, и на утесе возвышалась надпись, то самое место, где Бурундук и Садык были накануне.

В пещере под надписью решили заночевать.

ЯША СОВЕТЛЯР – ДА ЗДРАВСТВУЮТ СОВЕТЫ

Навозные жуки, не люди, — прав был белогвардеец!

Раздутые от кумыса, с деревянными оттопыренными руками, пики качались, похожие на клешни. Один сидел как-то в стороне от других, хотя в общем особенно не выделялся, и однако это был арестованный, везли его в ставку на суд и жестокую расправу.

Бурундук растянулся на гладком камне, закинул голову и захрапел. Позже в кромешной темноте, полной сонного дыхания киргизов, чуть слышный шепот разбудил Бурундука.

— Ата, ата! Я слушал, что говорили киргизы. Незнакомец подозрителен! Был приказ всех незнакомых и нездешних, проезжающих по степи, доставлять в отряд!

— ...Мм... А не узнал ты, что это за человек, спящий поодаль?

— Это пленник. Пастух, ударил бая в споре. Бай посылает его к Худеяр-хану на суд.

— А-а... Так и запишем. Спи, голубчик, утром поговорим.

Бурундук повернулся на другой бок...

Раннее солнце залило пещеру. Стены пещеры засияли, как зеркало. Киргизы, мрачные, сжимая рукояти кинжалов, стояли полукругом у выхода. Старик с изрезанным глубокими морщинами, похожим на губку, лицом, будил Бурундука.

— Слушай, нездешний! Тебе надо будет с нами поехать к нашим людям и к его пресветлости.

Киргизы пытливо смотрели на Бурундука. Бурундук сладко потягивался.

— Мне самому надо поехать в лагерь его пресветлости. Очень рад буду поехать вместе с вами.

Держал себя совершенно независимо. Густо развел в жестянке хину, которую употреблял для ежедневного подкрашивания лица, вылез на скалу, поднялся к надписи, стал что-то мазать. Внизу зашумели.

Бурундук перечеркнул надпись крестом, а внизу вывел четко арабскими буквами:

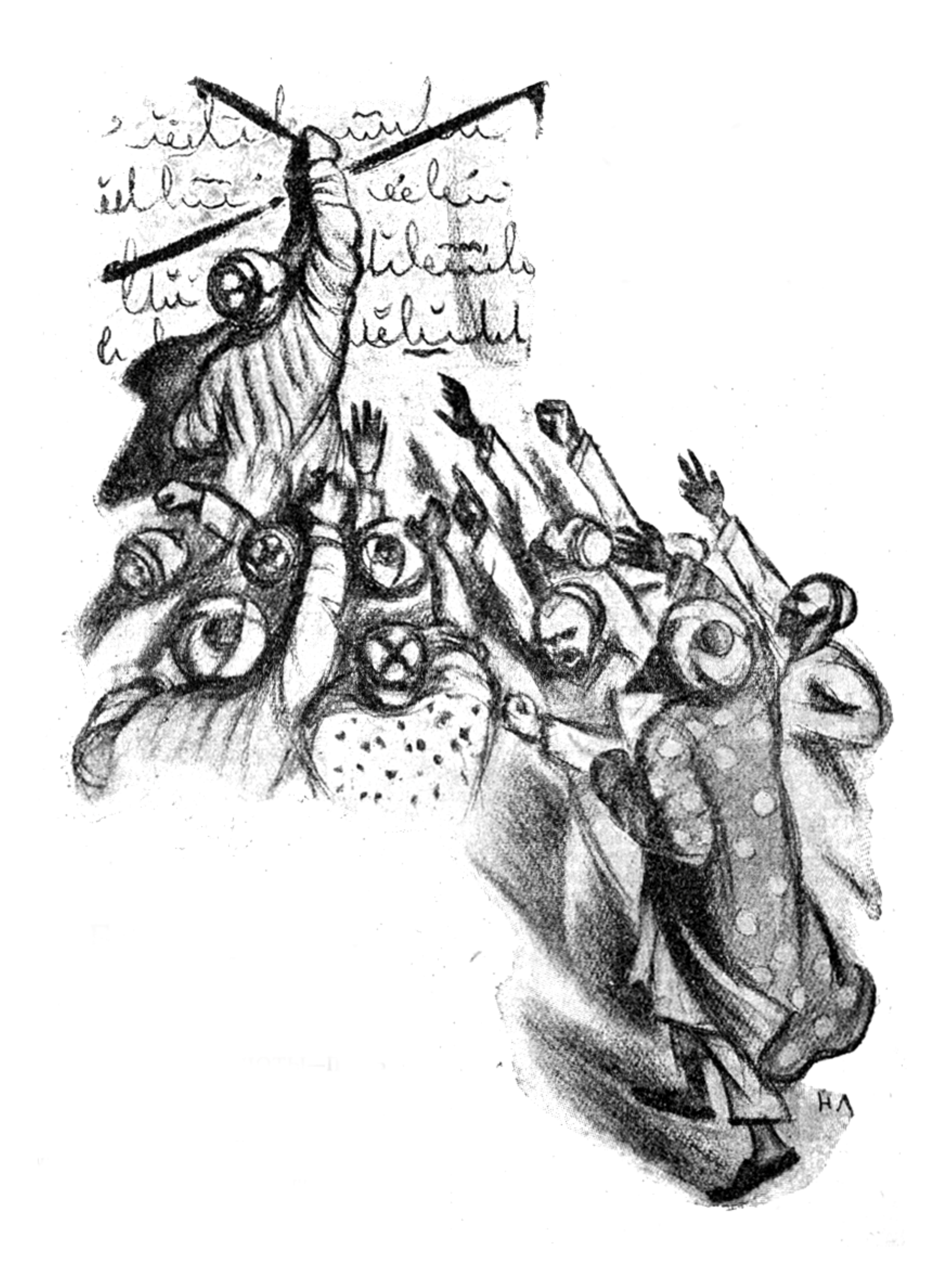
— Яша советляр — да здравствуют советы.

Старик под скалою даже завизжал от ярости, звякнули кинжалы.

— Ты оскорбил имя его пресветлости, зачеркивая сделанную им надпись.

Бурундук спокойно ответил:

— Его пресветлость — собака. Зачем он собирает пастухов и дехкан, когда сейчас в степи у каждого много работы. Война нужна его пресветлости, а пастуху и дехкану на что война? Читай! Его пресветлость пишет: убивай



всякого русского, а сам служит русским шакалам — видишь, вот этим, которые тут названы — получает от них русские рубли на горе пастуху и дехкану.

Лица киргизов насупились. Киргизы стояли совершенно неподвижно, застыли, вросли в камень. Обычай не позволял верить чужестранцу, неизвестному человеку. Широкие скуластые лица, словно разметанные скалы,

мысль-осыпь едва пробиралась в них, оставляя глубокие морщины.

Старик приблизился к Бурундуку:

— Кто ты, откуда?

Бурундук обвел ширь степей, убегавшую к югу.

— Арабы, персы, индусы, Тибет. Всюду еду, отнимаю стада у богатых и орошенную землю, разделяю их между теми, кто работает в садах и в степи, кто бережет скот и деревья.

— Как можно разделять стадо бая, когда этого не хочет бай? Как можно взять, что тебе не принадлежит?

— Бай не стережет стада, не загоняет его зимой и не гонит на новые пастбища! Бай лежит в юрте и говорит пастуху: принеси то, подай это. Почему пастух должен давать молоко, кумыс и сыры, получаемые от стада, баю? Лучше дать их гостю или страннику, чем баю, который ничего не делает!

Чутье не обманывало Бурундука. Он видел, что одерживает победу.

— Если же бай не соглашается разделить свое стадо, то... можно его заставить!

Пленник, жадно следивший за словами Бурундука, взволнованный вскочил и начал быстро-быстро сыпать словами. Он говорил о несправедливостях баев, о лишениях жизни пастухов. Говорил страстно, захлебываясь.

Прочие все еще хранили молчание, но, видимо, начинали колебаться.

Наконец, один выговорил:

— Правильно сделал, кто ушел по домам! Теперь весна, скоро надо кумыс пить, лежать, смотреть в голубое небо. Справедливо сказал Гужак, войны нам не надо, война нужна русским, которые в лагере. Они обманут, только время проведут, денег нам не заплатят!

Удалились на совещание. Насрдын, так звали пленника, страстно спорил со стариком.

Старик медлительно ронял тусклые скупые слова, глаза его смотрели тускло.

— Ты ударил хозяина. А сам питался его же милостью. От хозяина все: верблюжья шерсть, яки, лошади и что лошади и яки приносят. Хозяин мудр. А что хочет Гужак? Пустоты! Так, издали смотришь, кажется, большое стадо верблюдов, а достанешь рукой и получишь всего-навсего один кусок выгоревшей шерсти. Нездешний хочет, чтобы были скалы, между скалами ветер, и пыль, и холодное небо.

Спор затягивался. Но вот на горячий склон холма из долины повеяло легким предвестием снега и, вместе, душным запахом горькой, вроде полыни, травы. Киргизы, лица еще более каменные, чем прежде, но вместе торжественные, подошли к Бурундуку. Старик сказал:

— Ака, (товарищ), мы обдумали твои советы и пришли к решению! Возвращаемся к своим стадам, тебя же просим идти с нами. Примем тебя как ханы ферганские святого Ша-Машраба, с почетом, хотя он и вел себя по-

рой странно. Ты же произведешь справедливый передел стад нашего урочища и суду твоему мы подчинимся.

Бурундук отрицательно покачал головой:

— Нет, не то. Надо ехать туда!

Он указал в сторону лагеря.

— Тот, кто имеет одного ишака или одну кобылу, пойдет с радостью на наш передел. Но разве его имущество хотели бы мы делить? Баи же, узнав о нашем намерении, соберут от соседних урочищ, приведут своих пастухов, обманутых и слепых и раздавят нас, как змею, назовут баранчуками! Идем в лагерь. Соберем всех пастухов и дехкан и скажем им: начнем делиться сообща всеми долинами и предгориями.

Старик радостно закивал:

— Вот, вот, собраться на большой съезд всей степью!

Бурундук опять остановил его.

— Нет, не на большой съезд! На совет!

И он показал на свою надпись.

— На совет! Тот же большой съезд! Только без баев, без расшитых седел!

Снова все ожесточенно загудело. Но с этого момента сразу почувствовалась спайка Бурундука с этими кочевниками. Обе стороны ощутили живой практический подход, живую возможность осуществления. Основной принцип советской власти, меткий и упрямый, воспринимался на лету без всяких пояснений, почти шутя, и оседал крепко.

— Верните пленнику оружие!

Насрдын влез на коня, рядом с Бурундуком. Подняли желтую сухую пыль на покатой, сбегавшей к ручью, равнине. Бурундук мгновенно снова стал тем четким революционным аппаратом, побудителем слов и действий, решительных и быстрых, каким он был в Октябре, каким был и на остальной работе.

Борьба!

Что это было? 24-часовой урок политграмоты, командование вооруженным отрядом, дипломатические переговоры?

Все сразу и ничего в отдельности! Политграмота начиналась с Шариата (священная книга мусульман) и кончалась Лениным. Но с удивительным умением Бурундук пролагал дорогу через заскорузлую кору темных патриархальных привычек и бил прямо в точку сознания полудикарей.

Подъезжали другие отряды, разговаривали, спорили, бранились. Кольцо вокруг Бурундука росло. Яша советляр — неслось по долине.

— Ну-с, а что будет дальше? — думал Бурундук. Установить здесь сразу нечто вроде советского строя? Связи с центром нет, еще и Фергана не замирена — это раз! Во-вторых, — Бурундук совсем не закрывал глаза на это — взаимоотношения между группами населения на бедном и скудно населенном Памире были совсем не тем, чем даже в центральном Туркестане.

Но даже и в центральном Туркестане пролетарская революция шла медлительно, глубоким ходом. А здесь, где семейные отношения вклинивались между кочевниками, где разница имущественная почти не ощущалась, должен был быть избран путь еще более поступательный, планомерный, в спокойной обстановке...

Кадры инструкторов из Ферганы, твердая организация власти, энергичная пропаганда!.. А сейчас?

Разложить собравшееся ополчение и может быть ликвидировать русских белогвардейцев, вот это пойдет! В два счета! Ведь вся тайна молниеносного успеха Бурундука заключалась в нелепости попытки ханымцев и белогвардейцев поднять мирный край на борьбу с противником, ему не угрожающим и неизвестным.

Через день Бурундук собрал вокруг себя уже значительную часть лагеря, созвав их на совет, куда был воспрещен вход зажиточным киргизам.

Через два дня уже сорганизовал отряд и издал приказ на трех языках за подписью Насрдына-командира и самого себя— в роли военкома.

На третий потребовал от оставшейся части лагеря подчинения. Тогда пролилась первая кровь. Головы воинственных беков появились на пиках, украшенных красными лентами.

Потом расшитые седла посыпались врассыпную от лагеря. Многие бежали в русский отряд. Его пресветлость тоже. Бурундук двинулся на белогвардейцев. В помощь Бурундуку вышли баранчуки из гор и несметное количество пастухов. Белогвардейцы, охваченные в кольцо, частью положили оружие, частью просочились отдельными единицами в сторону горной Бухары.

Бурундук подготовлял почву для отъезда.

Ополчение его быстро таяло. Передел стад шел слабо, затихая на больших расстояниях. Но вчерашние ученики Бурундука, по-своему схватив суть степной революции, начали проводить ее в жизнь и закреплять деловито и постепенно. Волны улеглись, но семя было брошено.

Бурундук во главе отряда человек в сорок, подготовив остатки ополчения к своему отъезду, ссылаясь на необходимость установления связи и поддержки Памира техническими и материальными средствами, вышел на концевой участок «пути страданий».

Здесь он часто проходил мимо надписей Худеяра. Они были перечеркнуты красной краской, на них красовалось — Яша советляр.

Но и последние люди, окружающие, разбредались. Начинали тревожить баранчуки. «Путь страданий» опять становился для него таковым.

Скоро не без основания назвал он себя: боевиком несуществующего отряда.

ЛЕДЯНАЯ ПРОБКА

Файн открыл глаза.

Что это? Снежная даль, вставшая стеной, новая лавина, падающая на него. До каких пор?

...Сестра... милосердия?...

Белый платок, наклонившийся к нему, удаляется. Английское слово! В английском госпитале? Хуже...

Мысли опять спутались.

Но к вечеру сплошной белый ком, три дня стоявший кругом Файна, распался и выступила низенькая, довольно грязная, комната.

У двери, без страха чадя трубкой, сидел квадратный санитар. На попытки Файна спросить, где он, санитар сделал знак молчать, и сам упорно молчал. Это не было заботой о больном, потому что, когда Файн попробовал повести, несмотря на запрещение, несколько более длительную речь, санитар зажал уши и стал смотреть поверх Файна, как будто того здесь и не было: санитару в других целях строжайше воспрещено было разговаривать с больным и слушать его.

Днем заходили иногда солдаты и сестра, но никто не проронил ни звука. Лица всех оставались каменными и невозмутимыми, что бы ни кричал им Файн.

— Народ-тюремщики, — в злобе думал Файн. Народ, приставленный к угнетенным земного шара, разлегшийся у дверей океанов для несения полицейской службы. Ведь склад ума, характер народа-полисмена приспособлен для этой роли.

Да, молчать и не слушать, это они, оказывается, могли и могли блестяще. Скоро Файн уже подходил к окошку. Солдаты, собаки, лопарь. Поодаль часовой. Грязные дыры из-под снега, жилые помещения, сараи. Глыбы льда. Снежная даль. Ничего не понимал... Наконец, понял.

Крошечный английский отряд занимал рыбачье становище, пустующее в течение зимы. Связь с Мурманском поддерживалась на собаках не больше раза в неделю. Сюда-то и привезли Файна.

Дни становились все длиннее и длиннее. Снега за окном взбухли. Птичий крик стоял над становищем, как трескотня пулемета, черные точки и запятые вздымались со скал сплошными колоннами, уходящими в черное от тех же точек и запятых небо.

Файна вызвали на допрос. На самый глупый допрос в мире. Таково было мнение Файна, знакомого со следовательской работой.

— Стремились ли вы вред причинить британской армии?

— Кто вас командировал в Мурманск?

Не получив никаких определенных ответов, взбухший от рома и спертого воздуха лейтенант заключил:

— Так как вы теперь здоровы, то будете сидеть в подвале.

Файн рассмеялся.

— Вы тоже здоровы, однако позволяете себе сидеть в комнате. Объясните, какая разница? В чем, наконец, моя вина, и где вы меня подобрали?

— Это вас не касается!

— Но кого же это касается?

— Уведите заключенного!

Файна посадили в подвал, вернее в подполье. Бревенчатый сруб в земле зарос сыростью. Мерзлые лужи воды. Слабые струйки света. Наверху топали тяжелые солдатские ботинки, и тогда из щелей сыпалась грязь. Зато в щели же многое можно было слышать, и это развлекало Файна. Кое-что, но очень мало, удалось ему выяснить таким образом и о собственном положении.

Настоящая весна в этих краях в мае месяце. Май приближался.

Однажды, перед вечером, когда Файн только что окончил свою дневную порцию сухарей и консервов, в комнату над его головой ввалился гость, ранее там не бывавший. Двигался грузно, говорил по-русски с поморским выговором. Был же он владельцем промысла, на котором расположился отряд. Он говорил:

— Уж явите божецкую милость, господа англичане, не дайте погибнуть, вы для нас заступники всякого порядка. Взбрело моим ребятам, артели, то есть, работать, значит, как всегда летом, только без меня. Вот сюда и прут, сучьи дети... Через неделю должно припрутся!

— Так они большевики, значит? — в негодовании спросил лейтенант.

— Вот, вот, именно, самые большевитские лозунхи у них!

— А немецкие шпионы среди них, конечно, есть? — деловито осведомился англичанин.

— Как на подбор! Все до одного в немецкую сторону глядят, которые с фронта убегли, которые так просто за другими!

— Ну так мы вам окажем поддержку до дня нашего отъезда! Пока мы здесь, с вами ничего не случится.

Пока?

Но голос владельца промысла опять упал, когда ему сказали, что англичане уезжают морем, только лишь откроется выход из залива, следовательно, очень скоро.

Через день или два явилось еще двое парней. На этот раз представители артели.

Лейтенант натопал на них ногами. Проходя по двору, парни строго-настрого наказывали английским солдатам:

— Смотри, сети, да снасти, да крючки блюди как зеницу ока. А то при-

дем, тебя по головке не погладим.

Уходя же, парни совершенно неожиданно свалили англичанина-часового выстрелом из револьвера и, захватив с собой винтовку, стремительно удрали на собаках.

Из дальнейших разговоров наверху понял Файн, что где-то в окрестностях становища схоронилось шесть человек из артели, прибывших первыми в виде разведки. Главные силы артели приближаются и, безусловно, постараются отобрать становище силой, не ожидая отъезда англичан.

Теперь снега и льды большую часть суток горели нестерпимым сиянием. В становище приходилось жить с вечно зажмуренными глазами. Мир казался сплошным непроходимым зеркалом. И вот из этого солнечного водоворота глыб и далей время от времени вырывалась фигурка на лыжах, чтобы выстрелить в часового, в окно, или просто кинуть веселую, подкрепленную матом, угрозу.

Да, англичане нервничали! С одной стороны, залив не открывался, уехать на паровых катерах нельзя было. С другой стороны, как понял Файн, суша тоже была закрыта давно уже в разных местах повстанцами, связь с Мурманском была перервана. Зимой Мурман безлюден и пуст. Весной же огромное количество рабочих идет с Поморья на летние промыслы, и этого заброшенный английский отрядик не учел.

Подойдут главные силы артели, бой с англичанами будет!

Но подрядчик успокаивал: — Артели-то пять дней иттить, а залив гляди, пра-слово, через три дня свободен будет, эх, уеду я с вами за море, пропадай мои снасти. Выпьем!

И наливались ромом как никогда.

Но на другое утро наверху особенно забегали и затопали. Потом Файна пригласили к лейтенанту. Здесь он понял сразу, что положение в корне изменилось. Около хозяина, ни на шаг не отступая, держался все время унтер-офицер. Лейтенант встретил Файна чрезвычайно вежливо, пригласил сесть.

— В чем дело?

— Видите ли, мне, как командиру английского экспедиционного отряда, доставлено только что письменное предложение русских революционеров о перемирии. Вам, конечно, известно, что английские войска на Мурмане находятся исключительно в интересах самого населения и в политическую жизнь страны не вмешиваются. Ввиду этого я просил бы вас, зная авторитет, которым вы пользуетесь среди русских революционеров, принять на себя роль посредника в целях предотвращения излишнего кровопролития.

— Ага, — подумал Файн, — вот в чем дело! Ну, подожди, прежде ты у меня еще заговоришь!

— Скажите мне раньше, за кого вы меня принимаете и на каком основании держите?

— Это я могу вам объяснить. Вы Самуил Осипович Файн, агент Главной Чека. Прибыли на Мурман с целью слежки за русской патриотической организацией. Организация эта в Москве узнала о вашем отъезде через несколько дней после такового. Тотчас довела до сведения нашего представителя в Москве, он сообщил в Мурманск нашему командованию. Мне было дано предписание выделить небольшую группу для преследования вас, в виду вашего отъезда со становища, находящегося на соседнем мысу Подледном. Сперва мне удалось перерезать вам дорогу, но потом, пользуясь быстротой оленя, вы ускользнули. Вам, несомненно, удалось бы скрыться, если бы не случай, имевший место несколько дней до этого. Английский разъезд набрел в тундре на лопаря, везшего связанного английского офицера, и немедля доставил его в Мурманск. Здесь офицер, получив справку о вашем маршруте и убедившись, что он был связан именно вами, прибывшим агентом Главного Чека, испросил разрешения, сверх всего, преследовать вас на аэро-санях. Дальнейшее вам известно, аэро-сани со всем экипажем погибли под лавиной. Вы же оказались на поверхности. Мой отряд, шедший на случай аварии по следам аэро-саней, через 10 часов после катастрофы набрел на вас. Затем я получил предписание содержать вас у себя до отправки в Англию в качестве заложника, т. к. поместить вас в Мурманске по некоторым соображениям политического характера сочли неудобным. Вот и все.

— А лопарь, который ехал со мной?

— Его не нашли, он, по-видимому, бежал.

— Еще вопрос. Представитель «патриотической», как вы назвали, организации на мысе Подледном все еще здравствует?

— Вы же знаете, что мы не вмешиваемся в политическую жизнь России. Что же касается доставки им медикаментов, то таковое обложено законной пошлиной в пользу английского правительства.

— Ну, давайте письменное предложение русских.

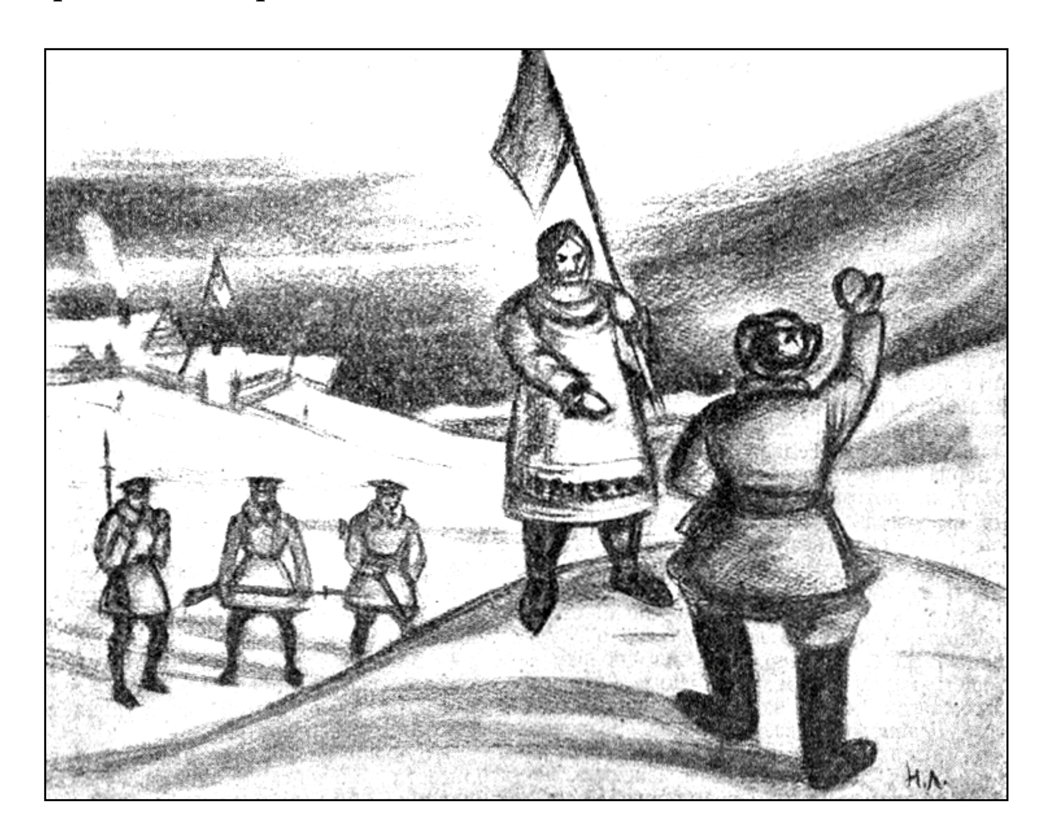
Лейтенант протянул Файну клочок измятой оберточной бумаги, на которой чем-то рыжим были выведены каракули:

«Вы на наше становище непрошенные сели и такого закона, чтобы чужое брать нету, то, англичане, все равно всех порешим, а коли хозяина нам не выдадите или у пленного хоть один волосок с головы упадет, с каждого живьем снимем кожу особо сверх нормы.

Митька Валянок. Представитель».

— Я, собственно, не вижу, — сказал Файн, — чтобы русские предлагали перемирие. Они просто предупреждают, что отряд будет истреблен; требуют выдачи им хозяина и освобождения пленного, по-видимому, меня. Угрожают еще худшей участью отряду.

— Совершенно верно, но я полагал бы, что, имея в виду авторитет ваш среди революционеров...



С большим белым флагом Файн под наблюдением трех солдат вышел на пригорок.

— Понимаю, вы хотели бы предложить условия капитуляции...

— Британская армия не капитулирует!

— Ладно, о словах не будем спорить.

С большим белым флагом Файн под наблюдением трех солдат вышел на пригорок. Скоро навстречу вышло две фигуры. Один оказался самим «представителем». Был лохмат, приземист, глаза бегающие, бойкие.

— Здрасте, господин товарищ, с чем пожаловали? Да почему не один? А то хотите, мы этих чертей живо кикнем, к нам на лес переедете.

Это Файн не счел возможным, ввиду близости английских постов. Рассказал подробно события последних дней в становище. Спросил, чего добивается артель.

— Вот это фунт? Да становище наше или не наше? А на что там англичане?

Файн сообщил, что английский отряд, как только залив освобождается ото льда, очистит становище.

Валенок в ответ только сплюнул.

— Ну, где им уйтить, не уйдут, народ они дохлый.

Файн указал на то, что взять становище с боя нелегко и что могут быть напрасные жертвы.

— Ну, — удивился Валенок, — рази нас от эфтого удержишь? Всех на куски изрежем! Один чорт!

Тогда Файн прямо задал вопрос об условиях полной сдачи отряда.

Валенок почесал в затылке.

— Не поможет им! Ну уж если так, пусть перво-наперво хозяина нам выдадут и становище в порядке передадут. Это раз. Опосля того пусть оставят все свое орудие и омундирование. Без орудия мы ничто, омундирование тоже страсть как нужно, пообносились все. Сами же в одних портках пусть переселятся в песчаные ямы, что за мыском.

— Как же они там в ямах без одежды будут, — недоумевал Файн.

— Это уже ихняя печаль, — криво усмехнулся Валенок. — Да ты вот что, милый, ничего из разговору не будет, вертайся обратно, да не бойсь, чуть что захотят с тобою сделать, ори благим матом, мы так и налетим, ведь тут рядом хоронимся за снегом!

Лед на заливе трескался. Но по скалам, отвесным ледяным стенам, окружающим залив, видно было, проползали человеческие фигуры. Больше всего орудовали в узком горле залива, при выходе его в открытое море. Не то сети бросали какие-то, не то веревки мочили. По ним били из винтовок, из пулемета, ничего не помогало.

— Ну завтра к вечеру залив чистенький будет! — говорил хозяин.

Шли лихорадочные приготовления к отъезду.

Но позже хозяин, вглядевшись в даль залива, весь затрясся:

— Да никак чтой-то в горле-то лед не пущает! Неужто, иродово племя, лед переняли!

Действительно, при выходе из залива образовалось что-то вроде сплава. Льдины наседали одна на другую. К вечеру приблизительно треть залива освободилась ото льда, остальная же представляла собою одну неподвижную, медленно таящую ледяную пробку. Ледяная стена, как железный занавес, опустилась над обреченным отрядом.

Командир отряда рвал и метал. Предлагал освободить Файна, повесить хозяина, выдать артели часть оружия и запасов. Но Файн уже видел, что ничего из этого не выйдет.

Прошел еще день. Хозяин в панике бегал по становищу и орал:

— Едут, едут!

Из-за леса стоял ровный скрип саней, свист, крики, шум.

Файна в последний раз послали парламентером. Файн уже не вернулся.

За пригорком он пробовал хотя бы несколько сдержать наступающих. Но движение шло стихийно.

Прямо с саней артельные кинулись с оружием в руках добывать становище.

— Не в поле же ночевать!

— Не на чужое, небось, едем, на свое собственное!

Вокруг становища шла сплошная частая стрельба. В полчаса исход боя был решен.

Хозяин, державший рабочих в вечных долгах, выманивавший при помощи продажи рома все их скудные заработки себе же обратно, был растерзан на куски.

10 англичан были оставлены заложниками, чтобы обеспечить становище на случай подхода англичан с моря или с суши.

Файн помог артели организоваться более или менее прочно в производственную коммуну. Над становищем выкинули красный флаг. Днем позже в украшенных красными лентами санях, под надежной охраной Файн уехал в Москву по местам, которые, по сведениям артели, были от англичан свободны.

КРАСКОЙ ПАХНЕТ

Так ведь и июнь месяц скоро на носу будет!

Июнь определенно приближался.

Полтора месяца уже Дора Яковлевна сидела в одиночке, грызла сухарики, которые приносили ей на передачах, терла платочком вечно мокрые и красные глаза, устраивала истерику на каждом допросе и... была нема, как рыба.

— Ни Мурмана никакого не знаю, ни Памира никогда, никогда не знала, вы — надо мной издеваетесь!

— Чей опиум предлагали? — спрашивал следователь.

— Сама не знала чей, сама не знала что, была простой посредницей, приходил человек в кенгуровом воротнике, вот!

— К стенке станете!

Слезы.

Обыск на Тверской в доме, где побывал Мартьяныч, не дал тоже никаких результатов. Там жили просто махровые спекулянты. Оставалось ограничиваться повторением фразы, сделавшейся в Чрезвычайной в эти дни особенно ходкой:

— А ведь Мурман-то Памир существует!

И ждать.

Вопрос о Точном ставился слишком серьезно: молодой, подающий большие надежды, талантливый и аккуратный сотрудник погиб. Все следы были спутаны. Пробовали искать снова на Сухаревке рыжего, но рыжий пропал...

— Файн возвращается!

Вот неожиданность.

— Файн возвратился!

Действительно, Файн, прямо с дороги, пил уже чай в кабинете товарища Т. и с набитым ртом, говорил:

— Голос мичмана звучал слишком убежденно. Несомненно, что он верит в существование яда. Я тоже верю в существование яда. Предстоит через несколько дней ужасная борьба!

— А где же ваши адресочки?

— Вот они, пожалуйста. Адрес Линеева, одного из важнейших участников. Два адреса барона, официального главаря. Адрес Н., узурпатора или стремящегося к узурпированию власти барона. Наконец, адрес Натальи Владимировны, Наташи, фамилия неизвестна, женщины, которая, по моему убеждению, крутит всеми ими, все они влюблены в нее, как самые последние неврастеники. Она должна была в конце февраля, начале марта

уехать в Ташкент, вопрос, вернулась ли...

— А еще вопрос, не устарели ли ваши адреса?

И они, действительно, устарели.

После обысков оказалось, что Линеев со своей квартиры в феврале еще уехал, жил же в ней только случайно и недолго, то же и Наталья Владимировна. Барон к одной квартире касательство имел очень слабое, на другой же его несколько знали: но сообщили, неделю тому назад уехал в Ригу, получив пропуск от германцев через фронтовую полосу. По некоторым данным, этой версии можно было вполне поверить.

Оставалась квартира Н., особнячок в одном из мертвых переулков между Пречистенкой и Арбатом. Штаб заговора? Приближались к особнячку с осторожностью.

В окнах тьма. Замок на дверях.

Соседи объяснили.

— Уехали. Перепились и уехали.

— То есть?

— Три дня тому назад. Целую ночь дебош у них был, пьянство. Мебель летела, падали, стучали. Под утро пьяные уселись в машину, квартиру заперли и уехали.

— Кто же был?

— Дама, которая прежде бывала. Один в дымчатом пенснэ. Другие какие-то.

Перепились ли? Или, может, происходило что-нибудь другое?

Файн изучал каждый вершок в покинутой квартире. Мебель перевернута, разбитая посуда, разорванные драпировки.

Нет, здесь шла борьба и борьба решающая! Между бароном и Н. В сущности же, между германской и союзнической ориентацией. Маленький участок огромного противогерманского фронта, не более, — думал Файн.

Кто же здесь остался победителем? Никто, ничья. Нет, германцы и на этом участке продвинулись!

В подвале нашли пришпиленное к стене скорчившееся тело лицеиста Н. Он был, по-видимому, задушен. Голова откинута назад, гримаса на лице, открытый рот полон запекшейся крови.

Но где остальные? И что давало все это в руки следователя? Очень мало, заговор по-прежнему жил. Под ковром нашли упавшее, в четверть сложенное письмо.

«Наташа!

Льдины сломались, снег стаял, ломаются и тают большие заговоры и заговоры малые! Этих заговоров было два в одном. Нет, их было десять в одном!.. Но почему, когда лопается один из десяти ваших маленьких — внутри большого — заговоров, то погибает кто-нибудь посторонний, вы же ос-

таетесь правы! Почему? Когда вы поддерживали меня и очутились в руках барона, он выпустил вас и сам чуть не погиб из-за этого! Почему я поступил так же! Вероятно, потому, что моя очередь погибнуть. Ведь я знаю, тысячу раз уверяю себя, что барон объявился и стоит за вашей спиной. А это значит, что вашей рукой он нанесет мне удар. И все же я вас жду. Как было условлено. В этой обреченной квартире. И сегодня, и завтра, и послезавтра. Это сумасшествие. Но я жду. Один маленький, один против ста, надежда на лучшее... Чорт возьми, барон, я, Драверт, Силин... Гипнотизируете вы нас, что ли, чудовище вы этакое?

Н.

Вчера передал Берендееву наше решение о назначении взрыва 10-го июня. Н.».

— Как же расшифровать это сумасшедшее письмо? — спрашивал Т.

— Предпоследний акт драмы! — ответил Файн. — Вы помните дневник, прочитанный мною на мысе Подледном. Какая-то баба вертит этими лишенными всякой воли людьми. «Один против ста, надежда на лучшее». Эта надежда на искренность с ее стороны. Теперь обратите внимание: в углу письма короткая отметка: «чит. 18/V». Как вам понравится, получив такое искреннее и даже отчаянное письмо, женщина кладет на нем методическую, словно на входящей бумажке, отметку: «читала, 18 мая». Как еще не приписала «дело №». Они все сошли с ума. Это единственное, что заставляет меня не смотреть на 10 июня безотрадно. В остальном положение у нас очень серьезно: никакого материала!

Дни снова потянулись. В конце мая, после ареста кадета Иванова, раскрыта была огромная, широко раскинувшаяся во всероссийском масштабе организация «Союза Возрождения».

В эти же дни по линии железной дороги от Пензы до Владивостока начались контр-революционные выступления чехо-словаков. За этими событиями огромной широты и важности потонул совершенно незамеченным эпизод с Мурманом-Памиром. Все силы Чрезвычайной были брошены на борьбу с «Союзом Возрождения». Только несколько человек в эти дни могли всецело отдаться работе по ликвидации Мурман-Памира. Но эти несколько пережили не одну действительно острую минуту.

3-е июня...

Р. приезжал из Кремля. Автомобиль его еще трещал у подъезда.

— Я заехал в Кремль для того, чтобы обследовать ремонтные работы. И, представьте, у самой стены бывшего Николаевского дворца какой-то па-

рень преспокойно мажет краской. Я же передавал негласно всем заведующим хозяйством, чтобы незаметно под разными предлогами малярные работы в Кремле временно прекратить. Подхожу я к этому парню. — Ты что тут мажешь? — Стенки! — Да кто тебя сюда назначил? — Комендант! Заглянул я в ведерко к нему, шоффер тоже заглянул. Что хотите, говорит, можете сказать, но только это не известка! Комендант! — Вы назначали? — И не думал, что вы, что вы! В первый раз вижу. — Этот тебя нанимал? — Другой! Вот в чем их план: всякие липовые завхозы приказывают начать ремонт и ставят неграмотного, несознательного парня на работу. Парень же не знает сам, что делает и чем мажет... Обхожу целый ряд помещений Кремля и натыкаюсь везде на произведенные свежие покраски и побелки неизвестного происхождения. Всюду беру некоторое количество краски и посылаю на исследование. Между тем приносят наспех произведенное исследование известки из ведерка первого маляра. Что-то совершенно неподобное... Мчусь к проф. П., нашему крупному химику. В порядке военного секрета прошу у него заключения. Смотрит, говорит, особых взрывчатых свойств, по его мнению, не должно быть, посмотрит еще, возможно завтра даст состав, который должен обезвредить. Признаюсь, когда ехал сюда, так за каждым маляром хотелось броситься вдогонку. А ведь придется, пожалуй, все малярные работы в Москве взять под химический контроль! А то и вовсе некоторое время прекратить! Покамест никому обо всем этом не сообщаю, в Кремле публике тоже ничего не говорил. Зря огорода городить не будем. Сколько дней до 10-го?

Разговор происходил в кабинете Т.

Вдруг Т. сказал:

— Что такое? — насморк у меня, не могу разобрать. Или из окна тянет? Закройте-ка окно!

Окно закрыли. Т. посмотрел на Файна:

— Не слышите?

— Слышу!

— Да, определенно, краской попахивает, свежей краской! — Принялись искать, лазили на шкафы, за шкафы.

— Да, что я не слышу?

— А вот отсюда, с моего кресла!

— Верно, да что за чорт?

Перевернули кресло, полезли под стол.

Значительная часть нижней поверхности стола покрыта была свежей краской.

— Каким образом?

В коридоре тоже нашли угол, вымазанный краской. В других местах тоже.

— Обратите внимание, как расположены замазанные места. Есть какая-то связь. Как между зеркалами отраженный луч от одного идет к другому.

Конечный кусок смотрит в окно, в сторону Лубянки и Кремля. До наиболее секретных комнат краска не доходит, но кружится вокруг них.

— Но кто же и когда производил эти работы?

В коридоре тоже нашли угол, вымазанный краской.

На другой день профессор не дал никакого определенного ответа. На улицах начинали уже останавливать проходящих маляров, спрашивать билет профсоюза, куда идет?

Положение обострялось. Вдруг пришла телеграмма: «Выехал из Рязани, везу сведения, Бурундук».

Ждали. Ежеминутно справлялись, не пришел ли поезд. И все же совершенно неожиданно с вокзала позвонил Бурундук и потребовал машину. Немедленно послали. В кабинете Р., Т., Файн и еще некоторые ждали Бурундука.

Прошло полчаса. Еще полчаса. Машина вернулась пустой. Никакого Бурундука на вокзале не было. Звонили. Вызывали. Спрашивали. Никаких следов.

Часы бежали. Гадали, не следует ли объявить правительственным учреждениям об опасности. Этого страшно не хотелось. Ждали сколько возможно.

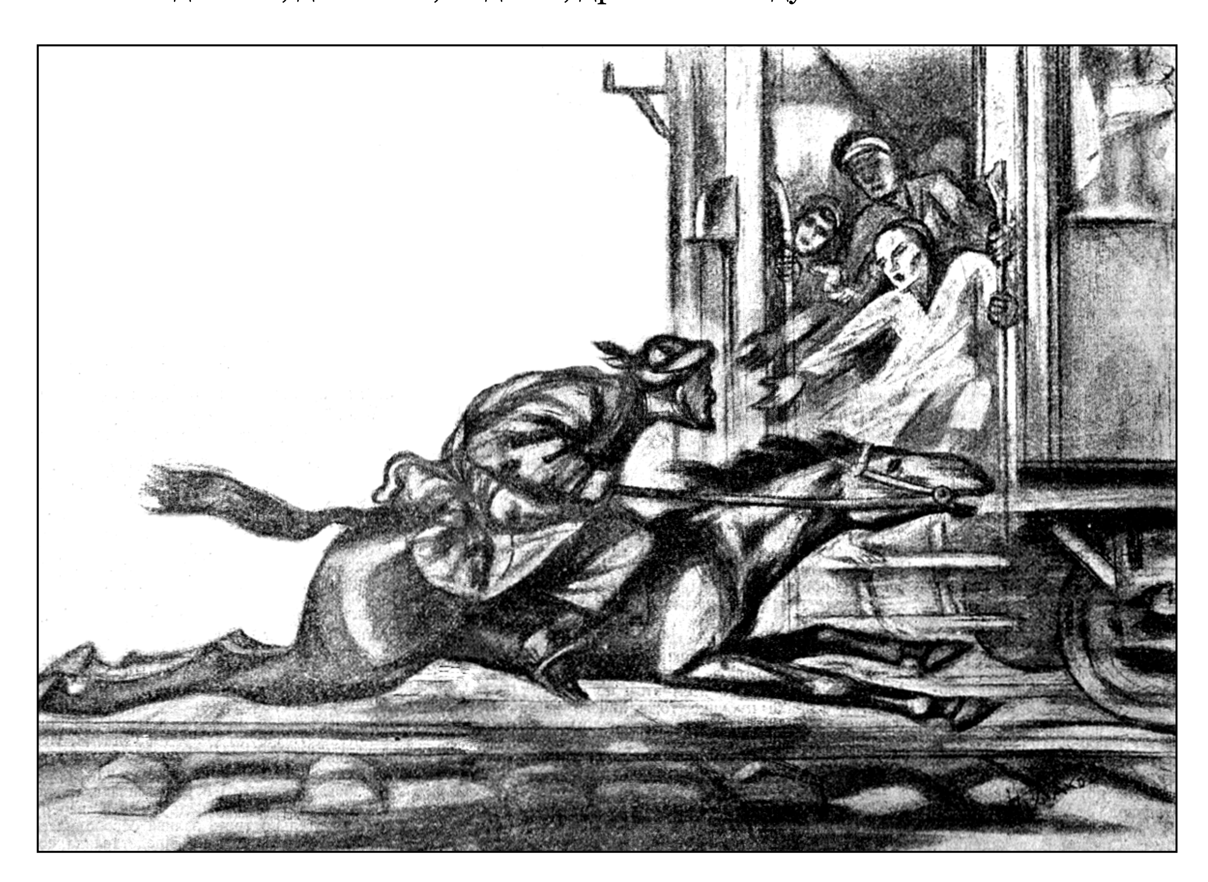
Наконец, наступило утро 5-го июня. Дальше ждать, казалось, нельзя было. Часы бежали. Пахло краской.

МЕСЯЦ РАМАЗАН

В конце мая пассажирский поезд Ферганской ж. д. № 4 направления Коканд-Ташкент приближался к одному из перевалов на участке Коканд-Ура-Тюбе.

Здесь дорога стиснута была крутыми песчаными холмами, поросшими кустарником. Перевал близился и поезд ускорял ход. Вдруг на пустынных склонах мелькнули джигиты, скакавшие по разным направлениям. Поездная бригада и летучка насторожились. В окнах вагонов показались винтовки и пулемет. В этих местах были частые нападения на поезда, развинчивание рельс и т. п.

Теперь в кустарнике раздавались редкие выстрелы. Но не в направлении поезда. Нет, джигиты, видимо, дрались между собой.



Потом вся ватага понеслась вниз, — к железной дороге. Их встретили залпом.

Один из скачущих камнем ринулся с откоса. В середине откоса лошадь параллельно поезду скакала, невольно наклоняясь в сторону провала. Так велосипедисты, эксцентрики, описывая круги на покатой корзинке, наклоняются внутрь корзинки, к центру. Всадник выхватил красный платок и повязал им голову. Выстрелы из поезда смолкли.

Всадник вылетел на рельсы в нескольких шагах позади поезда, за ним вырвался на легком коньке мальчуган в цветном халате.

Один из джигитов преградил было узкую песчаную дорожку, но полетел с невысокой насыпи от удара прикладом карабина по лицу.

Великолепная лошадь киргиза в красном платке изо всех сил нагоняла поезд. Вот она поравнялась с последним вагоном. Наглухо закрытая дверка площадки открылась. Несколько рук протянулись к всаднику. Из кустов пули непрерывно звонко шлепались в окна и в стенки вагона.

Мальчуган опередил киргиза, вскочил на колени в седле и легким прыжком очутился на площадке. Лошадь бежала одна.

— Прыгай, ата!.. прыгай! — кричал мальчик.

Киргиз поравнялся с площадкой, и схватился за перила. Лошадь скакала рядом с поездом, точно соразмеряя ход. Наконец, и киргиз очутился на ступеньках.

Лошади сбежали вниз. Дверцы захлопнулись. Весь поезд затрещал выстрелами в направлении преследователей. Завыл пулемет. Вместе с тем поезд как раз в этот момент прошел перевал и понесся вниз со все возрастающей скоростью.

Джигиты сгрудились на линии и некоторое время в остервенении скакали следом за поездом. Но расстояние все увеличивалось. Наконец, они остановились, посовещались минуту и, повернув коней, вихрем унеслись в сторону Коканда.

Ночью по горной дороге, ведущей из Ферганской долины в Ташкентскую, скакал узбек в надвинутой на глаза чалме. Лицо трудно было различить. Выделялась черная прямая борода. Одежда и седло были богато украшены.

Горный путь из Ферганы в Ташкент несколько раз короче железнодорожного, делающего большой крюк.

Несмотря на поздний час, кишлаки блестели навстречу всаднику разноцветными фонариками и дымились запахом жареного, потому что в дни весеннего месяца Рамазана от вечерней зари ежедневно до 12-ти часов ночи «Томаша» — умеренно пьют, неумеренно едят и веселятся.

Всадника окружили продавцы цветов с плоскими корзинами, полными огромных роз, на голове и с обязательной розой за ухом...

Продавцы чилима предлагали потянуть из большой трубки клуб ароматного дыма редкого табака, а может быть и анаши.

Но неизменно всадник протискивался сквозь толпу и скакал дальше. За полночь все стихло. Он проезжал мертвые пустые деревни. Когда звезды стали меркнуть, он был высоко, высоко, у перевала, почти в небе, смертельно бледном, одинокой точкой между скал.

Кое в каких кишлаках всадника узнавали.

— Куда держит путь повелитель?

Обменивались несколькими жесткими быстрыми словами, три или четыре раза в пути переменил коня.

Солнце клонилось к закату, когда всадник перешел желтый и шумный гиргик. Здесь облачился в женскую одежду и поехал мелкой рысцой.

Заря погасла, когда копыта лошади застучали по бревенчатому мостику через Салар. Здесь все уже бездельничало, дымило чаем, табаком, болтало. Еще не пришло время пахучих крупных абрикосов, персиков, крупных, как будто пристально глядевших с лотков. Больше всего рассыпано было кругом темных вишен и роз.

— Магомет!

Из глубины дымной чай-хане от огромного в человечий рост медного самовара отделился такой же пузатый и медленный узбек в полосатом переднике и стал перед всадником на берегу фыркающего Салара.

— Счастливый и обильный томаши тебе, повелитель!

— Пришел ли поезд из Андижана?

— Это точно, повелитель, поезд только что пришел, потому что сейчас я получил из Кокандомату шелк и из Камизара твердую анашу!

— Хорошо! А большой поезд на Москву?

— Большой поезд на Москву ушел еще утром. Но сегодня ночью идет малый поезд, пассажирский.

— Пошли сейчас же мальчика в русский город к тому, у которого ты был со мной в прошлый месяц, пусть мальчик скажет: большая собака опять приехала, может, поедет на Москву, надо следить, не спускать глаз! Понял?

— Понял, повелитель!

Вздымая легкую прозрачную в сумерках пыль из-под копыт, всадник прорезал русский город и выехал в старый, в район Чатака.

Здесь томаша гудела вовсю. Дервиш в лохмотьях бросил щепотку священных трав в курильницу и поднес благословенный дым к лицу всадника. Тот пробурчал несколько приветственных слов.

Женщины без сеток на лице, но закутавшись в покрывало, толпились у деревянной решетки, за которой шла томаша, заглядывали внутрь, войти же они не смели. Свернув в узкий переулок, всадник из гама и света сразу попал в цепкие объятия глины, луны, духоты, бурьяна и пыли. Он постучался.

Старик, открывший дверь, отскочил. Всадник прошел на середину потопленного в луне двора. Здесь жена хозяина сидела, открытая, без паранджи,

но она только склонилась, опустить паранджу не смела. Перед лицами, особо почитаемыми, как перед святыми, женщина не должна закрываться.

— Как ездилось тебе, повелитель?

— К делу, к делу, Муланимат! Не слова надо говорить, а дело делать! Степной телеграф, знаешь?

— Степной? Телеграф?

— Так говорится. Это, когда идет от аула к аулу важная весть. Киргиз скачет прямо без дороги по звездам, и только доскакал до аула, кричит уже, а другой киргиз садится на неоседланную лошадь и скачет дальше. И так доходят вести по степи скорее поезда и скорее телеграфа.

— Знаю, господин, это я знаю!

— Сейчас уезжает большой поезд на Москву. В поезде Чека едет самый главный, он быть в Москве не должен! Посылай сыновей, Муланимат, в степь.

— Понимаю, господин, понимаю. Я пошлю сказать тем, которые сторожат у плохой железной дороги там, где плохая выходит на хорошую.

Всадник снова сел на коня. Одновременно молодой узбек на неоседланной лошади карьером поскакал по переулку по направлению к степи.

Постепенно воздух наполнялся поющими мелодиями. На крышах мечетей били в глиняное обтянутые кожей барабаны. Полночь. Томаша кончается. Мирными звуками муллы отгоняют злых духов от правоверных. Спать и поститься до следующего заката! Быстро воцарилась тишина. Всадник глубоко вздохнул, лицо его, освещенное звездами, стало спокойно. Он ехал не спеша, уронив поводья, в отдаленное предместье, Занги-Ата. Кругом покой, тени, глиняно-золотая рябь, теплое сонное дыхание растрескавшихся от дневного зноя душных переулков.

Степь же лежала, необъятная, неподвижная, придавленная низкими мутными звездами, словно огромная каменная плита с выгравированными по ней золотыми знаками. Ни одна травинка не шевелилась. Как тень, как кошка, в огромных, выше пояса, цветущих маках, с холма на холм, на распластанном, неоседланном коне шуршал и пропадал бесследно киргиз, неслышимый, невидимый в нескольких шагах, словно порыв ветра. Только один раз, когда большая крылатая тень, при ясном без единой тучки небе, вдруг накрыла его, он задрожал и поднял голову, но в клубящемся лунно-звездном хаосе наверху ничего нельзя было разглядеть.

Даль отодвинулась и стала серой. У маленькой степной станции «Туркестан», там, где недостроенная железная дорога на Аули-Ата отходит от Оренбург-Ташкентской линии, на груде песка лежало около десятка сонных ленивых киргизов. Ждали ли они поезда, просто ли спали. Но косые глаза лениво посматривали на пути, на платформу.

Неясные красные пятна прорезывающегося на востоке солнца легли на сырой холодный песок. Окутанный белыми облаками, задрожав, остановился у станции спящий в эти утренние часы, сонный пассажирский поезд.

— Откуда это киргизов понаперло? Кондуктор!

Крадучись, то случайно, то быстро, быстро перебегая под вагонами, вылезая из под площадок, киргизы заполнили служебный вагон и соседний штабной.

Заглядывали в лица спящих, шушукались между собой. Кондуктора толкали их, киргизы топтались. Но где, где? Не могли найти то, что искали.

— Чего ищете? Откуда вы?!

Высокий заспанный узбек в белом халате узнал некоторых из киргизов.

Они кинулись к нему.

— Файзиходжа, ты тут едешь! Где Чека поехал, из Москвы который, тут он должен быть!

Узбек смотрел на них удивленно.

— Не знаю, такого здесь не было!

И вдруг весело захохотал.

— Из Москвы приехал? Знаю, знаю. Так вы его ищете? Да откуда вы прискакали? Устали верно? Ха, ха, ха...

— Да ты что смеешься?

— Большой Чека! Знаю, он хотел ехать, из-за него поезд задержали, только он не поехал! Аэроплан, знаешь, птица большая! Ну, так вот, сегодня в ночь птица большая летела через степь!

— Ну, ну, — закивал головой один из киргизов.

— Так это он летел, понимаешь! Он сейчас уже в Перовске, там садится в большой поезд, скорый, который вчера утром ушел. А вы его ловить, что ли, хотели! Теперь уже никак не поймаете!

Раздосадованные, сконфуженные киргизы поодиночке выходили из вагона.

АЭРОПЛАНОМ — ПОЕЗДОМ — ЛОШАДЬМИ —ПЕШКОМ — В ЛОВУШКЕ

— Переваливая через Заалтайский хребет, дважды переходил Вахш, не дошел до ледяного озера Кара-куль одного перехода, чуть не устроил на Памире полную советскую республику, с лошади на поезд на полном ходу перемахнул, били меня, ловили меня, связывали, кололи и стреляли в меня, и чего только не делали! А получил я всего-навсего один московский адресок!.. Но и этим доволен! Только подробности в другой раз, сейчас устал, как никогда, и в Москву надо ехать. Как дело обстоит с поездом?

Окно было затянуто диким виноградом, на столе в глиняных плоских чашечках дымился чай, лежал урюк, сидело несколько человек в гимнастерках и тюбетейках, все же вместе это называлось Турчека.

— Железная дорога плоха, поезда — черепашьим шагом, пути расшатаны, починка не производится! Но есть хуже сведения: чехо-словаки! Серьезная контр-революция?

— В каких же это местах?..

— На Волге. Если ехать, надо ехать скорее.

— Специальный поезд пустить?

— А может, к пассажирскому прицепитесь?

— Нет, это мне не с руки. Скорый когда у вас ходит?

— Сегодня утром ушел!

— Мм... надо бы его догнать! Вот что! Аэроплан есть?

— Есть!

— Лечу до встречи с поездом на аэроплане! Есть такое дело?

— Что ж, аппарат устроим! Завтра в Перовск попадете за 2 часа до прихода скорого.

Бурундук кристально вглядывался в подходившего нового человека.

— Вы ли это? Какими судьбами?

Да, это был, несомненно, он, товарищ Бенор, ответственный работник Всероссийской Чрезвычайки, отлично всем там известный, маленький человечек, с угловатыми, отрывистыми движениями и рыжей шапкой волос, подвижной, стремительный, нервный, неутомимый игрок в шахматы, блестящий рассказчик анекдотов и великолепный работник.

— Да что это с вами? Осунулись, похудели, изменились?

Лицо Бенора сгорало каким-то внутренним, еле чувствуемым огнем, кожа стала прозрачной, тонкой. В потоке ослепительного солнца, в котором он, жмурясь, стоял, и лицо его, и рыжие волосы казались плывущими, тонкими. Вот-вот все это рассыплется. Но глаза, глубоко запавшие, были всегдашними, насмешливыми и бегающими.

— Малярия! Видите — таю! Безобразие, впрочем, плевать! Я в командировке! Ваши похождения знаю!

И сразу к делу.

— Вот что! Вы сегодня летите в Перовск? Лечу с вами! Все равно вам на Ильюшке ехать!

— В Перовск, в самое-то малярийное гнездо? — сказал кто-то из присутствующих.

— Что же делать? Ведь надо же, надо же, по этому делу, вы знаете... Лучше уже перелететь, чем по болотам тащиться!

— Я буду очень рад, — сказал Бурундук.

Приготовления шли.

— Надо прекратить на две недели все частные телеграммы из Ташкента в Москву, а от меня пошлите несколько срочнейших строк.

— А в Самаре, да Пензе с телеграммами ничего не стрясется? Связь как будто еще есть, но...

— Бейте и по радио одновременно!

Бурундук набросал несколько слов на клочке бумаги.

Сели в аппарат, мальчик свернулся клубком. Бенор дрожал, кутался и ловил дрожащей рукой руку Бурундука.

Бурундук не очень удовлетворял его любопытству. Больной, в бреду, болтать что-нибудь будет! Не надо!

Звезды окружили аэроплан. Луна так блестела на шлеме и куртке авиатора, что лицо его казалось срезанным ото лба, казалось треугольной игральной картой, поворачивающейся в пустоте. Внизу темная бескрайная степь бежала, словно темная материя на ткацком станке.

Пролетели пески, степи, бесконечные болота и разливы в низовьях Сыр-Дарьи.

На рассвете пилот показал рукой вниз и направо. Черной ниточкой скорый поезд перебирался по разливам. Обогнали и при первых лучах солнца застопорили в Перовске.

— Прощайте!

Через полчаса Бурундук занял купэ в служебном вагоне. Было довольно просторно и спокойно. Соседнее купэ занимал какой-то низенький китаец с нашивками, почти не показывавшийся во всю дорогу.

Дорваться в Москву до 10-го! В Самаре бы не застрять! Что там еще за чертовщина? — Бурундук верил в два икс, верил в Мурман-Памир, ждал 10-го больших событий и чувствовал страшную ответственность на своих плечах.

В дороге отдохну. Но не тут-то было.

События и в дороге сыпали, как телеграфные столбы за окном скорого.

— Нехороший человек тот китай, — сказал Садык-Джан. — Глаз у него плохой.

Бурундук задремал.

Проехали Аральское, проехали песчаные барханы.

Ночью поезд бежал к Муходжарам. Здесь китаец стал на каждом разъезде выходить на площадку и стоял, посвистывая, а потом уходил, лицо подергивалось злой гримасой.

Но на одном из разъездов (было уже близко к рассвету) какой-то киргиз соскочил с лошади и стал с китайцем шептаться. Садык давно уже не спускал глаз с китайца. Теперь ему удалось расслышать только одно непонятное слово: «Бер-Гогур».

Садык разбудил Бурундука. Бурундук задумался:

— Бер-Гогур, говоришь? Стой-ка!

Бурундук смотрел в путеводитель.

— Станция через несколько пролетов на Муходжарском перевале, в пустынной местности.

Заглянули в купэ китайца. Оно было заперто изнутри, но пусто. Окно открыто. Неужели он удрал в окно? Что-то подозрительно и отдаленно кого-то напоминающее было в этом китайце.

Бер-Гогур.

Комендант поезда нашел разгадку.

— Я почти убежден, что готовится нападение на поезд. Здесь бродят банды. Вызовем броневик и проедем в полном порядочке.

Броневик пустили в нескольких верстах за поездом. В багажном вагоне поставили пулеметы.

Въехали в Муходжары. С громом катились каменные круглые горушки во все стороны. Поезд извивался гремучей змеей. Солнце только что взошло. Но в редком струящемся воздухе высот и просторов все было резко и вместе спутано. Свет на восходе бил фонтаном, солнца было много, красное, черное, зеленое, здесь, тут, там. Все расплывалось.

У Бер-Гогура раздались тревожные свистки. Рельсы были разобраны. Поезд стал. Между скалами скакало несколько десятков человек. Их встретили пулеметом. Подскочивший броневик встал на закруглении и взял нападавших под продольный огонь. В степь и на склоны полетело несколько легких снарядов. Стекла дребезжали. Бурундук смотрел в полевой бинокль. Банда рассыпалась. Но китайца среди бандитов не было видно.

— Чувствую, что подлец в поезде, — подумал Бурундук.

И действительно — «подлец» был в поезде.

Достаточно было Бурундуку закрыть на секунду глаза, как сейчас же начиналось.

Кто-то ходил по служебному вагону, кого-то разыскивая, что, собственно, совершенно не полагалось.

Впирали какие-то корзины.

На завороте, когда солнце светило на поезд сбоку, на тени вагона, бе-

жавшей по степи, ясно вырисовалась фигура человека на крыше как раз над окном Бурундука.

— Откуда они? И кто они? Ханымцы не могли пронюхать о моем отъезде. Ведь не могли же они доехать быстрее аэроплана?

Однако, надо эти шуточки прекратить.

Купэ наглухо закрыли, у дверей поставили красноармейца, вагон очистили, посадили по углам вагона еще двух красноармейцев, то же на площадках. Стало спокойнее.

Зато слухи приходили все более беспокойные. Восстание казаков, движение чехов. Это было посерьезнее, может быть, и самого Мурман-Памира.

До Оренбурга поезд не доехал. Бурундук и Садык верхом поскакали через степь. Преследования не было. Стремительность и полная неожиданность их отъезда, по-видимому, спасла их. За Оренбургом опять сидели в поезде, теперь уже в обществе казачьих офицеров. Бурундук пил с ними спирт и ругался. В районе Бузулука проехали около десятка верст в киргизской арбе. Вдруг привязались несколько киргизов с какими-то расспросами. Дело показалось нечисто. Бурундук применил оружие. Завязалась перестрелка. Выручил казачий разъезд, посчитавший киргизов за обыкновенных разбойников.

Опять садились в поезд, сходили с рельс, шли пешком, скакали на лошадях.

Подложные документы помогали. Самара была во власти белых. Красный флаг, поднятый над Комитетом членов учредительного собрания, казался насмешкой. Офицерня издевалась над ним, — требовала его снятия и называла его «большевицким».

Здесь пришлось солидно пройтись пешком.

Под Сызранью сели в лодку. Но в самый момент отъезда крестьянский парень, босой, может быть, бежавший от призыва, попросился в лодку. Его взяли. Он сидел все время, спрятав голову, глядя исподлобья. Но, когда вылезли в Сызрани, вдруг выпрямился, посмотрел в глаза Бурундку, выругался и показал язык. Тут же удрал. Но едва путники повстречались с первым же чешским патрулем, как неизвестно откуда вынырнувший велосипедист, пролетая мимо патруля, сказал несколько слов, указывая в сторону Бурундука, и того тотчас же арестовали.

Пришлось задержаться на полдня. Спасли мастерски сделанные документы. Опять, пользуясь всеми средствами передвижения, летели к Москве. В одной деревушке, в районе Пензы, заночевали, наутро деревушка очутилась в руках красных.

— Ну, теперь прямей дело пойдет, — думал Бурундук, садясь в санитарный поезд, отходивший от фронта.

Однако его и здесь по чьему-то навету арестовали и долго не хотели ве-

рить документам. Наконец, поверили и тотчас предоставили отдельный паровоз и служебный вагон. Не останавливаясь на мелких станциях, Бурундук полетел в Москву.

Под Сызранью сели в лодку.

— 5-е июня! А вдруг лаборатория переехала?.. Успеем ли мы нащупать другую? Скорей бы!..

Напряженно думал, но мысли вдруг стали путаться.

Телеграфные столбы за окном в головоломном мельканьи смыкались в сплошной забор, речка вздымалась и падала, чемодан летел вверх тормашками. Внизу болезненно всхлипывал Садык.

— А-а... — сказал Бурундук и со страшной болью поднял голову, словно придавленную тысячами пудов.

Запах хлорофора колом стоял в купэ. Какой-то человек — лицо до ужаса, до нестерпимости знакомое — спрыгнул с полки.

Бурундук, шатаясь, выскочил в коридор, его подхватили. Садыка вытащили без памяти из купэ.

Теперь Бурундук пересел в теплушку. Поставил у дверей часового, другого на тормозе и ехал совершенно спокойно. Один с мальчиком в пустой

теплушке. Спал до Москвы.

Выйдя на вокзал, только успел позвонить в Чрезвычайную о высылке автомобиля, как приземистый, широкоплечий человек, с красным лицом, подошел к нему и сказал:

— Здравия желаем, товарищ Бурундук, который час вас стоим дожидаемся по телеграмме вашей из Рязани, пожалте в машину, очень товарищ Р. вас ждут!

— Вот как! Великолепно! — Бурундук сел в прелестную высокую машину с конусообразным задом. Садык поместился напротив. В лицо бил косой, все усиливавшийся дождь.

Машина с места рванула так, что Бурундук и Садык чуть не свалились. Подлетая к Красным Воротам, машина развила такую скорость, что дышать было почти невозможно. Резким зигзагом машина бросилась в сторону Черногрязской-Садовой.

— Зачем он сюда-то поехал? — не успевал недоумевать Бурундук, его странно подбрасывало, он схватывался рукой за один борт, за другой!

Садык сидел в диком испуге.

Хаос невиданных шестиэтажных стен с черными рядами пуговок рушился на него!

— Ата, ата!

Голова и ноги ...аты соединились в одно. Сиденье под ним открылось и захлопнулось. Сильная рука схватила Садыка за шиворот и бросила о мостовую.

Бурундука стиснул черный глухой ящик, ящик несся все быстрее, потом совершенно неожиданно остановился. Что-то с силой вытолкнуло Бурундука, он покатился, стукнулся обо что-то. Лежал в полной темноте.

Вдруг кто-то повернул выключатель.

Над Бурундуком стоял низенький, худенький, с чрезвычайно подвижным лицом и рыжей шапкой волос человечек, немного похожий на Бенора.

Человечек сказал:

— Лучше поздно, чем никогда! Разрешите представиться: Ташкент-Перовск на аэроплане, товарищ Бенор, агент Всероссийской Чрезвычайной.

(Человечек сделал лицо до иллюзии похожим на Бенора).

— Перовск-Бер-Гогур — уполномоченный по формированию китайских отрядов, красной армии генштаба Сюп-ань (новая физиономия).

— Старший кондуктор бригады скорого поезда № 4 на участке Актюбинск-Оренбург.

— Киргиз, владелец арбы, близ Бузулука.

— Босой парень в лодке под Сызранью.

— Велосипедист.

— Раненый в санпоезде.

— И проводник служебного вагона от Рузаевки.

— В сущности же основная кличка — Мирес. Полноправный член Мурман-Памира. Завтра утром вас застрелю. Лучше поздно, чем никогда. Покойной ночи!

И вышел...

В это время Садык, окровавленный, плачущий, промокший, на ломаном русском языке рассказывал обступившим его бабам что-то совершенно несуразное.

Его потащили в милицию.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СКОРОСТИ

Бурундук сидел в маленькой комнатке без окон. Одна узенькая, наглухо закрытая дверь. Комнатка освещалась единственной угольной лампочкой.

Страшное переутомление последних дней сказалось. Положение безвыходное! Бурундук клевал носом. Застрелят завтра, конечно, застрелят. Бурундук дремал. Пробудил от забытья какой-то шум. Дверь открылась.

— Здесь, здесь, уважаемый профессор, посидите здесь, отдохните.

Средних лет, очень растерянный человек, действительно похожий на ученого, очутился в комнате. Он в волнении ходил из угла в угол.

— Сумасшедшие, сумасшедшие люди! В Чрезвычайной Комиссии получено радио из Ташкента с указанием местонахождения лаборатории! Но в конце концов, причем здесь я? Разве нельзя объяснить Советской власти, они же ведь очень доброжелательно относятся к науке. Зачем было трогать меня на Памире? Я так удобно устроился. А теперь! Вы слышите, вы слышите?..

Лицо говорившего болезненно сжалось.

— Да, да, они разбивают мои приборы, да, да. Жалкие люди, сумасшедшие люди!

Говоривший приблизился к Бурундуку.

— Послушайте, вы ведь имеете отношение к власти, не правда ли, так ведь?

Бурундук кивнул головой.

— Очень, очень рад! Очень рад! Я имею очень серьезное предложение к Советской власти. Касающееся одного важного открытия в области химии! Вы мне поможете, не правда ли? Обещайте мне это!

Бурундук развел руками.

— Вы же видите, в каком я положении!

Растерянный человек тряс головой, теребил себя за нос.

— Да, да, да... Да, да, да. Замечательное открытие! Как ваша фамилия?

— Килограммов, — брякнул наобум Бурундук.

— Очень хорошо, т-ова-рищ К-ило-грам-мов, — растерянный человек записал в книжку. — Очень хорошо! Ваш номер телефона?

Бурундук рассмеялся. «Профессор» продолжал :

— Прекрасно! Разрешите представиться. Химик Берендеев, кандидат Петроградского университета. Если вас не утомит?..

Берендеев нашел кусок угля и уже что-то чертил на стене.

— Вот видите! Крупнейший русский специалист в области химии, мой учитель, профессор Гугаев.

Вырастали буквы, цифры. Бурундук силился следить, но глаза у него

слипались. Чорт побери, это же яд два икс, это надо понять, но голова сама склонялась на грудь. Завтра застрелят! А кроме того, этот химик не казался ему нормальным.

Химик расхаживал по комнате, несколько раз тряс Бурундука за плечо и строго говорил:

— Не спите, не спите! Поймите же, это страшно важно для Советской власти! Вот это уравнение! Видите? Оно страшно важно для Советской власти!

— Вот это уравнение страшно важно для Советской власти?

Бурундук смотрел в сложную путаницу черных закорючек и снова спал.

— Послушайте, это шум за дверью? Берендеев смотрел в сторону Бурундука. Сколько времени они провели таким образом? В узкую щель открывшейся двери пробивался бледный свет близкого рассвета.

— Профессор, пожалуйте-ка сюда, будьте добры!

— Сейчас, сейчас! Очень жаль, что нас прерывают! Но мы еще с вами договоримся, я убежден!

И с бесконечно любезной улыбкой Берендеев вышел.

— Во всяком случае у вас не будет недостатка во времени, чтобы договориться, — криво усмехнулся один из стоящих в дверях.

Дверь закрылась.

Через полчаса и Бурундука позвали. В коридоре стояли два человека. Один высокий, с угреватым лицом, другой — довольно полный.

Высокий сказал:

— Ну, чорт возьми. Миреса нет и нет!

— Ждать больше нельзя!

Бурундуку связали руки за спиной. Быстро рассветало. На грязном дворе заводили машины. Возился молодцеватый мальчишка, шоффер.

— Садитесь.

На сиденьи поместились трое. Бурундук посредине.

— Ну, голубчик! — обратился высокий к шофферу. — Шпарьте на последней скорости в Сокольники!

Машина понеслась по переулкам, где-то в районе Трубы.

— А все-таки, — сказал Бурундук, — лаборатория ваша бита, взрыв не состоится, радио помогло, моя поездка на Памиры не пропала даром. Это меня радует.

— Кажется, вот эта поездка сейчас на автомобиле тоже не пропадет для вас даром. Мы вас еще обрадуем: пулей в голову, — хмуро пробормотал сосед Бурундука.

Машина, вздымая клубы пыли, неслась по Сокольническому шоссе.

— Последняя скорость, — думал Бурундук. — Действительная последняя для меня.

Пролетели мимо сонного милиционера. Вдруг, шагах в 20 за милиционером шоффер круто остановил машину и соскочил.

— В чем дело? — шопотом спросил высокий. — Неужели вы не могли остановить машину дальше от милиционера?

— Сейчас же поедем дальше! — шоффер возился где-то около колес. Потом полез в середину.

— Надо инструменты достать.

Поднял сиденье и доставал из-под него что-то. Трое сидящих неловко встали. Белогвардейцы старались закрывать Бурундука от милиционера.

Милицейский равнодушно смотрел.

— Заорать, что ли? — думал Бурундук.

Вдруг он почувствовал, что кто-то осторожно перерезает ему сзади веревки, потом вкладывает в руку браунинг.

Шоффер выпрямился, закрыл сиденье, совершенно неожиданно схватил ближнего к нему полного бандита за горло и крикнул:

— Руки вверх! Милицейский!

Бурундук мгновенно подмял под себя высокого и приставил ко лбу его револьвер. Высокий смотрел на него, не мигая, совершенно бессмысленным взглядом.

— В чем дело? — Милиционер подбежал.

— Я агент ВЧК, — сказал Бурундук. Это — белогвардейцы!

В одно мгновенье оба бандита были связаны. Бурундук смотрел на освещенное солнцем лицо молоденького шоффера. Оно казалось ему знакомым.

— Вы меня не узнаете? — шоффер протягивал руку. — Я работаю у тов. Т. Собственно, я выполняю техническую работу. Моя фамилия Точный.

— Точный, голубчик!

Бурундук крепко жал ему руку.

— Какую же техническую? Вы прекрасно конспирировали, втесались в шайку! Это блестящий успех.

— А сейчас мы имеем возможность захватить всю свору целиком, — продолжал Точный. — Через 15 минут за Рогожской заставой в месте, мне известном, соберутся все члены шайки до одного. Эти господа назначили им сейчас собрание. Я думаю, следует этих двух сдать до вечера в Рогожский участок, захватить там несколько милиционеров и арестовать всю свору.

— Прекрасно, летим за Рогожскую!

— Летим!

Точный сел у руля, хитро улыбнулся в сторону бандитов.

— Вот теперь возьмем последнюю скорость!

Машина дрогнула.

Через полчаса наряд Рогожского района окружил небольшой погреб в свалочном месте около заставы.

Точный вел Бурундука по узкой тропинке к погребу. Навстречу показа-

лась физиономия.

— Шоффер, это вы?

— Я, я!

— Где остальные?

— Идут.

Физиономия скрылась. Из погреба был только один выход. Точный сделал шаг в сторону. Бурундук кинул ручную гранату, которая разорвалась в дверях. В погребе забегали.

Бурундук крикнул:

— Именем РСФСР! Сдавайтесь немедленно, в противном случае бросаю гранату в погреб! Считаю до трех! Раз...

Но бандиты уже выходили, бросая оружие.

Товарищи Р., Т., Бурундук, Файн и Бенор (настоящий, сегодня утром прибывший из Костромы), сидели в кабинете Т.

Точный говорил:

— Признаюсь, обстановка меня в тот момент ошарашила. Существует — не существует! Серьезно или детская забава. И вдруг попадаю: бакалейная лавочка Мурмана и столовая «Памир». Сидит компания пьяных — студентов, что ли? и говорят: «Жрать нам нечего, Советская власть осьмушку хлеба выдает, так мы хоть авто-промывки напремся, пусть ослепнем, все равно Мурман-Памир! Я подумал, что это нечто вроде шуточного общества, под пьяную лавочку. И долго, долго так к этому относился! Понимаете, в чем вся загвоздка: внешность у заговора странная, не подступишься к нему, рукой махнешь, плюнешь — дребедень! Ядро же, — самое-то ядро, положим, тоже Берендеевское, бредовое, — а вот между ядром и кожей крепкая, зубастая белогвардейская, располагающая немалыми средствами сердцевинка...

...Линеев, — кстати сказать, большой дурак, был в это время у них за начальника что ли штаба, руководил аппаратом, сводившимся к нескольким человекам и не вмешивался в борьбу главков — барона и лицеиста. Когда кто-нибудь из этих двух был наверху, Линеев служил ему по-дурацки, честно, без всякой попытки саботажа, сам же, однако, держал ориентацию на Наталью Владимировну, и не ошибался. Из-за этой дамы оба главка готовы были в любой момент пустить весь заговор вверх тормашками! Признаюсь, мне долго совершенно было непонятно, как это люди могут настолько ставить личные отношения выше политических целей, но постепенно до этого дошел и всю эту упадочную психологию понял...

...Итак, главки ссорились! Наталья же Владимировна — странная женщина — поддерживала эту грызню, не давая никому предпочтения. Единственно, кто к ней был близок, это некий рыжий, почти мальчуган, удивительно талантливый имитатор, блестящий актер, как мне передавали, тоненький, худенький, полусумасшедший, наркоман, но страшно ловкий. Его

одного, по-видимому, Н. В. посвящала в свои планы, звала его «Миза», «Мицик», официально же его кличка была Мирес. К моменту моего появления положение было таково: Н. В. со своим Мициком уехала в Ташкент для наведения порядка в смысле освобождения Берендеева, которого местная группа заговора, — под названием Ханым — женщина, в честь нее же захватила и не хотела выпустить. После ее отъезда на другой же день лицеист схапал барона, уже каким образом, не знаю, и запрятал у себя в подвале, убить его не мог, барон якобы владел частью берендеевской тайны. Потом барон благополучно удрал. Лицеист остался главой заговора, но барон где-то около витал в тени и даже завязывал тайные сношения с Линеевым...

...Итак, я появился в лавке Мурмана. Встретил меня Линеев. Разговорились. То, да се. Конспирация их по части главной задачи была поразительна, в этом направлении никто бы ни до чего не докопался. Что же касается доставки опиума из Ташкента и кокаина через Мурман, то это скрывалось не так тщательно среди подпольной публики. Заходили к Линееву и комиссионеры кое-какие и т. п. Естественно, я в этом направлении имел успех. Наврал про какие-то связи на востоке. Линеев решил меня использовать. Кстати, торговля эта была «грязным» делом, к которому главари заговора не прикасались, и лежала всецело на «Начальнике штаба», так что руки у него были развязаны. Выйдя от Линеева, я заметил сразу, что за мной следят. Так, — думал я, — как же мне себя не выдать? И надумал: пойти, например, в Чрезвычайную, значит, погубить все дело. Надо выдержать себя, забыть на некоторое время о Чрезвычайной, так же, как она забыла о Мурмане-Памире. Так я и поступил: домой не возвращался, днем шлялся по Сухаревой, приценивался. Даже переборщил. Ни весточки не послал никакой, ни письма, боялся, а вдруг что-нибудь, какая-нибудь мелочь сорвет успех.

Сперва надо войти в заговор глубже, понять его весь, всосаться в него, потом накрыть. И успех был поразительный! В несколько дней я стал своим человеком в «наркотической», так сказать, секции. Но кое-что начинало мне уже перепадать и из главных тайн. И вот таким образом: Мурман-Памирцы и при посторонних многое из своего основного говорили, но иносказательно, намеками, неподготовленному человеку абсолютно ничего нельзя было понять. Мне же один этот несчастный клочок бумаги у нас в Чрезвычайной давал возможность вполне расшифровать многие их намеки. Так было в течение нескольких дней...

...А был еще Левка-автобандит, о нем вам Мартьяныч рассказывал, который с «наркотической секцией» работал в контакте, только перед этим из-за чего-то поссорился и даже ограбил ее, свидетелем этого ночного боя за Преображенской заставой мы и явились. Но позже автобандит с Мурман-Памирцами помирился и тогда в два счета меня выдал: ведь он видел

меня в ту жуткую ночь, которую мы с Мартьянычем тогда пережили. Заявился Левка в Мурман-Памир: а, так ты жив, голубчик? Да как ты здесь? И спустили меня в тот же момент в подвал...

...Убить меня сразу они не хотели: необходимо было во что бы то ни стало выведать, кто же я такой, и насколько тайны Мурман-Памира мне известны. Линеев устраивал мне глупейшие, преглупейшие допросы, из которых, конечно ничего не мог заключить. В это время положение изменилось...

...Приехали из Туркестана Берендеев и Наталья Владимировна. Начались работы по установке лаборатории в том самом подвале. Рабочие руки были необходимы: меня заставили под наблюдением «верных» работать. Затем состоялся разговор у меня с Н. В. такого рода. — Я знаю, что вы из Чрезвычайной, но никому об этом не скажу. Имейте в виду, что я тайно ваша. Я сама в Чрезвычайной работала. И точно, я припоминаю, что так или иначе, а когда-то ее лицо у нас в Чрезвычайной мелькало. «Я помогу вам сейчас, а вы впоследствии мне поможете, когда я вас попрошу. Я здесь никому не верю и мне никто не верит. Вы же в нужный момент окажете мне услугу. Многого от вас я не попрошу». И с того же дня меня начинают понемногу освобождать. Такова была ее власть. И до сих пор не могу понять, почему она решила мне помочь. Скоро меня уже посадили шоффером на краденую машину. Постепенно я все больше освобождался...

...События назревали. Выяснилось, что яд Берендеева применен не может быть, и сам Берендеев сумасшедший. После этого у меня отлегло от сердца, и я уже смотрел на остальное, как на увеселительную прогулку. Не такова была эта прогулка для заговорщиков. Барон объявился и протянул тайно от лицеиста заговорщикам руку помощи, якобы, он владеет частью секрета, устраните лицеиста! И лицеист был блистательно устранен. Задушен в собственной комнате. Барон начал лихорадочно готовиться к воображаемому взрыву. Тогда Н. В. стала готовить ему ту же участь, за какие-то вины его торжественно судили и присудили к смерти. Он бежал, но был убит агентом Мурман-Памира где-то около Пскова...

...Поведение Н. В.? Только после всего этого стало оно мне понятно. Блестящая операция! Линеев объявлен вождем и под давлением ее же назначает эвакуацию заговора в Ташкент. Эвакуация была в это время модным словом. Эвакуировался «Союз Возрождения» в Казань, решил эвакуироваться и Мурман-Памир. И вот с огромными материальными средствами Мурман-Памира в виде золотых слитков и драгоценностей Н. В. выехала в Ташкент к тому же самому Мицеку...

...Линеев же оставлен был в Москве для осуществления взрыва, но просто, как морального действия, без надежды на захват власти. Замаскировать же все это перед дураком Линеевым взялся некто Шефтель. Был такой помощник Берендеева, типичный уже не химик, а алхимик, шарлатан. Он приготовил какой-то раствор, Линеев же набрал для охраны заговора де-

сятку, ту, которую мы захватили в Рогожском. Маляров, совершенно верно, нанимали, не объясняя, в чем дело, они вообще совершенно невинны...

...События последних дней? Линееву стало ясно, что Шефтель обманщик. Все рушилось. Решено было сегодня утром десятку распустить, для этого и созвано собрание. Шефтель удрал. Вчера же утром объявился Мицек, привезший т. Бурундука, захватили т. Бурундука опять-таки при помощи Левки-автобандита. Ночь была чрезвычайно бурная. В ярости Линеев застрелил сумасшедшего химика. Лаборатория была разбита. Остальное известно...

...Линеев и толстый, арестованный с ним, Сумцов, единственные ответственные, так сказать, члены Мурман-Памира, оставшиеся в живых и в Москве. В Ташкенте, без сомнения, соберутся Н. В., Мицек и Шефтель, плюс развитая, мощная, местная организация. Там предстоит борьба, но все это тонет сейчас во фронтах и открытой контр-революции. После ликвидации фронтов, конечно, с этим придется считаться. Остается еще мичман на Мурмане, совершенно оторванный и Драверт, посланный к англичанам. Этих Н. В. считала опасными и потому разослала, но и здесь, в Москве, предстоят задачи...

...Это, во-первых, автобандит, во-вторых, Главлипа, очень серьезные и опасные противники. И вот, тов. Р., вы говорите, что мое поведение было правильным, что я доказал способность выполнить серьезную работу, так поручите этих противников мне. Я много ошибался, и ошибки меня многому научили! Теперь я убежден в успехе!

Р. ответил:

— Отлично, отлично, Точный, я всецело иду вам навстречу! Ведите самостоятельную работу! К тому же мы сейчас должны по горло, все до одного уйти в другую сторону: контр-революция наступает. Сейчас идет уже открытая борьба, а этих противников поручаю вам, и прекрасно понимаю, вам с вашим рвением, это лучшее поощрение. Вы молодец!

В апреле 1923 года у трепещущего на берегу Мурманской бухты радио лежал телеграфист.

Солнце одолевало, радио блестело серебряными нитями, льдины отталкивались, волны шлепали.

— Не допросишься Москвы, — говорил оборванный, лохматый парень, стоявший около телеграфиста.

— Допросился, — телеграфист, жмурясь от солнца и позевывая, стал передавать длинную телеграмму:

...Обороты ярмарки, впервые открытой, достигли...

На ярмарку прибыло много лопарей...

Доставлены на норвежских пароходах...

Телеграфист кончил передачу.

Но гул и порывы не прекращались.

— Москва хочет говорить.

Слухач весь ушел в доносившиеся шумы.

...Бюллетень Роста. Памир, через Ташкент, Москва... Советизация Памира... Бандиты и басмачество окончательно изжиты, удалось приступить к планомерной работе.

Организуются кишлачные и аульные исполкомы.

Ведется энергичная борьба с неграмотностью.

Огромное алое знамя — с золотыми буквами СССР — развевалось над мурманской радиостанцией.

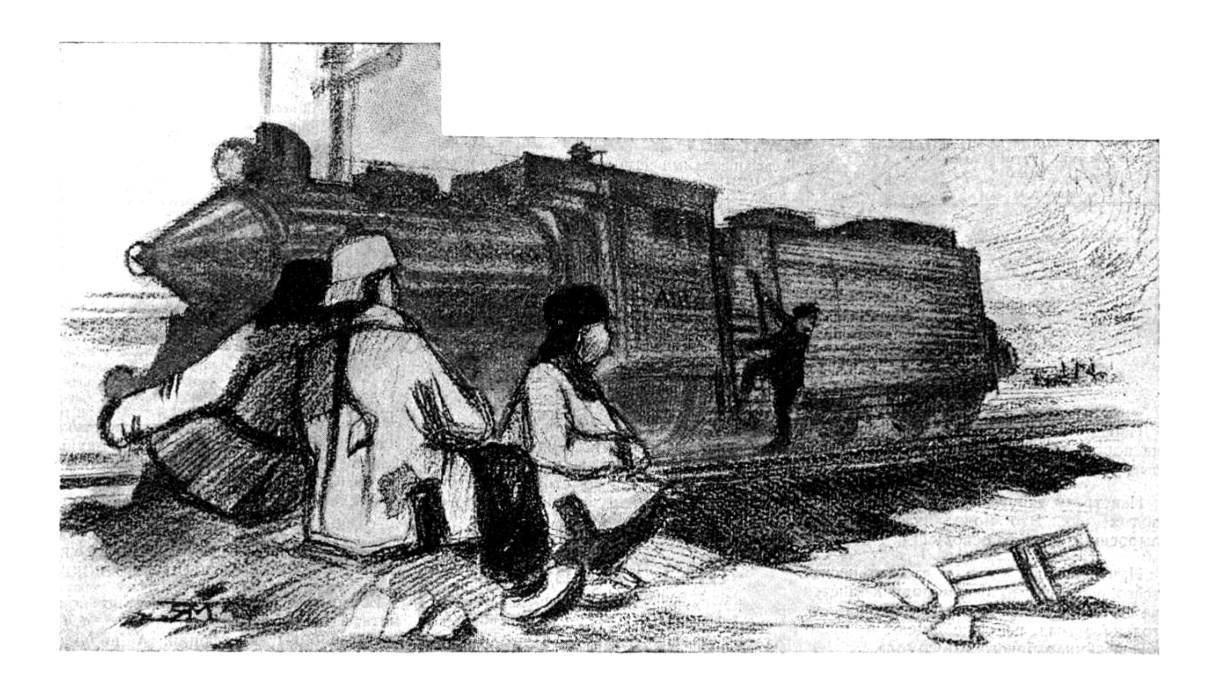
Борис Перелешин

СПЛОШНОЕ СОЛНЦЕ

СПЛОШНОЕ СОЛНЦЕ

Станция сожжена была ровно настолько, насколько вообще может гореть дерево. Водокачка повисла, как металлический вопросительный знак над разметанными путями. Будущее паровозных бригад было чернее угля.

Тем не менее, эшелон должен был отправиться и он отправился.



Только после сугубо осторожного выбора, предварительно покачавши головой раз тридцать, механик Милов кочегаром себе выбрал китайского гражданина из Иркутска Сена-Фу, он же Ма-о и он же Ху-Фузи, что значит лиса и вошь.

Вот что сказал себе при этом механик Милов, качая головой в тридцатый и последний раз:

— Китайский гражданин, а не наш, значит, с него и спросить некому, ему-то не все равно, кого и что он везет! А если нечего ему опасаться, то не должен он и предать!

Особого красноармейца на паровоз посажено не было, потому что сам механик Милов был красноармеец, включен в состав части, и не любил, чтоб ему в будке без особой надобности мешали.

Заносся ногу на подножку компаунда, Милов заметил около паровоза нечто, что заставило его сморщиться, как бы от дурного предзнаменования,

хотя он и не признавал предрассудков.

Скоро груды мусора остались позади. Когда паровоз проходил мимо опрокинутого выходного семафора, механик посмотрел на завернутые в обрывок кожи, тщательно сберегаемые в глубине куртки, часы и помнит, что было восемь утра.

Никогда не было еще такого обнаженного режущего морозного воздуха, такой каменной, мелкой и едкой пыли, горстями летящей в лицо, а, главное, такого страшного солнечного блеска, ослеплявшего и затмевавшего взгляд.

Переводил ли механик утомленные глаза внутрь в будку, они не находили здесь отдыха. У ног плавились и переливались красные змеи топки, все внутри будки было полно бегающих солнечных зайчиков и отражений, тендер сиял миллионом огоньков и, весь облитый солнечным светом, бесшумно двигался кочегар.

Ехали почти с завязанными глазами.

Механик терялся в догадках.

Остановить поезд из-за солнечного света представлялось ему явной контрреволюцией.

Высовываясь из своего окошка, он убеждал себя в том, что наблюдает профиль пути, но в сущности — утверждает он теперь — решительно ничего не видел.

Только впоследствии, после разговора со знакомым шофером, понял Милов, какому мощному двойному действию движения и солнечного света подвергался он в ту поездку.

— На автомобильных гонках, — рассказывал шофер, часто убирают стекло, помещающееся перед глазами шофера, потому что солнечный свет, распространяясь по стеклу, обладает такой усыпляющей силой, что бывали случаи впадения в дремоту гонщика в самые острые моменты состязания.

В 10 часов — вспоминает далее механик — он взглянул на часы. До разъезда 77-ой версты, цели перехода, оставалось уже не так много. Снизу, с площадки, поднимался густой желтоватый дым. Не то это была пыль от частого потряхивания угольной лопатой, не то китайский гражданин Ма-о по несознательности курил опий.

В это время поезд, пройдя небольшое закругление, вышел на уклон, ведущий к выемке у скалы под названием «Ходина Смерть». Название это объяснялось тем, что у входа в выемку подножия этой высоченной скалы убили когда-то какого-то китайца.

Милов обомлел.

Ему точно брызнули в глаза лучами электрического фонаря.

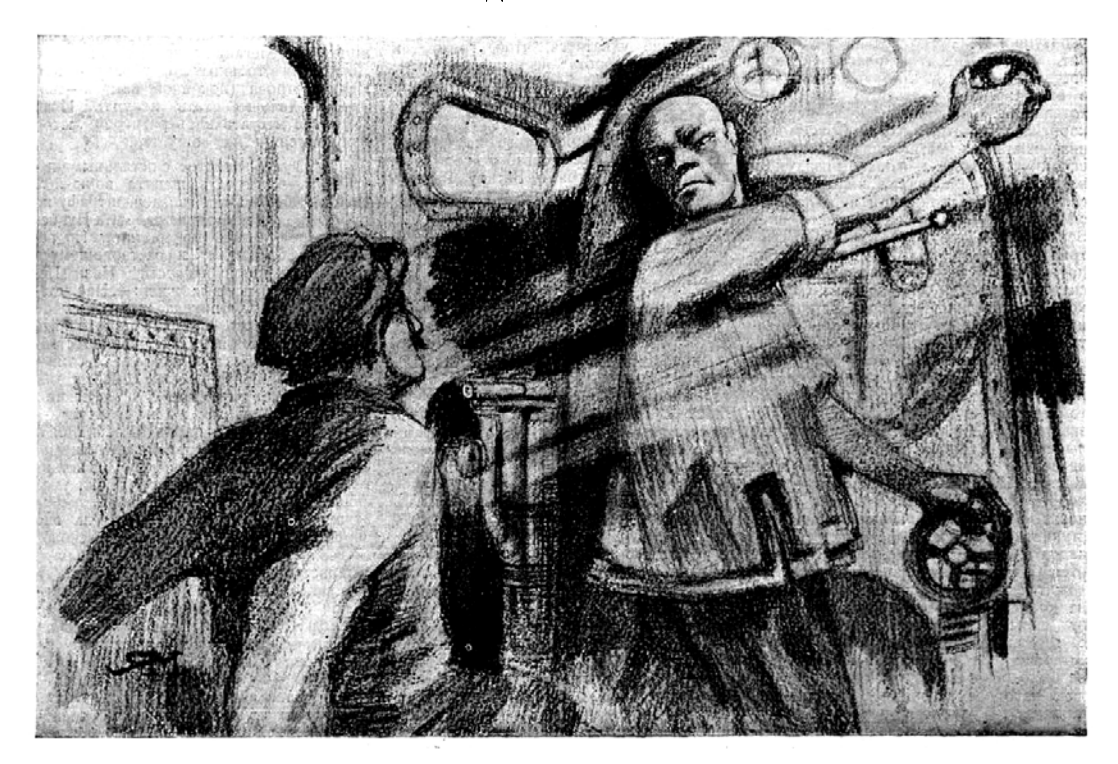
Само солнце занимало вход в выемку.

Все кругом — скалы, снежные скаты, гребни, рельсы, телеграфные провода, паровозные части и он, Милов, сливались в какое-то варево солнечных лучей.

Он свалился на скамейку, закрыл лицо руками, и, как думает он, минуту, а то и полторы, ослепленный, находился без сознания.

Вдруг он почувствовал, что поезд сдает ход.

Он поднял голову и посмотрел перед собою впервые за последние полчаса вполне осмысленным взглядом.



Машина затихала. Зайчики уходили куда-то вверх. В косых лучах, строгий и худой, у машины стоял Ма-о и, повернув голову, как аист, в сторону Милова, сверлил, не отрываясь, неподвижным птичьим взглядом лицо машиниста, меж тем, как правая рука его скользила по механизму.

Все силы и все сознание в одно мгновение вернулись к Милову.

Он встал, схватил китайца за шиворот и, одним движением руки, отшвырнул его, как былинку, в угольную пасть тендера.

Затем открыл пар и дал полный ход.

Выглянул в окно.

Вплотную перед ним возвышалась огненная стена, сплошное солнце, занавес из лучей и блеска.

Паровоз проваливался в солнце.

«Ходина Смерть» возвышалась из моря блеска.

Механик не уменьшил хода.

Какой-то человек, взмахнувший винтовкой над головой, мелькнул у подножки паровоза и пропал позади.

Несколько винтовочных выстрелов хлопнули где-то.

Пуля проскрежетала по железу над головой.

Но поезд мчался уже в дивной лиловой тени ущелья.

Путь был, как на ладони.

Совершенно спокойно Милов провел поезд еще 15 минут и затормозил у разъезда 77.

Отряд принял боевой порядок.

Здесь только Милов заметил, что китайский гражданин «Лиса и вошь» смылся, пропал совершенно, от него не осталось и следа, может быть, он соскочил с паровоза в ущелье.

Осматривая паровоз, механик обнаружил целый ряд кусков зеркала, прикрепленных у основания трубы и по краю кузова паровоза.

Он вспомнил минутное неприятное ощущение на сожженном разъезде перед отправлением, когда, занося ногу на подножку, он разглядел на песке куски разбитого зеркала. Это были, вероятно, следы работы «Лисы и вши».

Если б «Лису и вошь» поймали за этим занятием, он объяснил бы, вероятно, что хотел украсить машину, по маньчжурскому обычаю, маленькими зеркальцами.

Выяснилось, что у подножия «Ходиной Смерти», у входа в выемку, кем-то поставлены были перед проходом поезда два больших трюмо, добытые из разграбленного вагона белых беженцев. Какие-то люди арестованы были в окрестностях «Ходиной Смерти». Точно выяснить целей их не удалось. Может быть, они хотели вскочить в паровоз в момент задержки хода и завладеть, таким образом, поездом; может быть, провести его мимо разъезда 77 в центр расположения белых.

Отныне механик Милов, отправляясь в путь в солнечные дни, не очень любит, чтобы все части его паровоза сверкали, начищенные, как зеркало, как этого требует ТЧ.

Так ликвидировано было одно из самых странных покушений, имевшее место за время гражданской войны, покушение при помощи зеркала.

Борис Перелешин

НАПАДЕНИЕ

Утро, в феврале

В восемь часов утра студент второго курса Механико-машиностроительного института Постышев сидел на кровати, выскребывая ложкой из банки остатки консервов. Вдруг дверь с грохотом распахнулась, и Сережа Фомин, встревоженный и злой, крикнул:

— Вчера империалисты обстреляли М. с аэропланов. Возможно нападение на Москву. Комсомольский батальон вызван в помощь охране. Ребята два часа как ушли из общежития. Я вчера был за городом и не знаю, куда сунуться.

Скромная обстановка комнаты мгновенно изменила свой вид в глазах Постышева. Раскрытый циркуль уперся ему в грудь ослепительным штыком. Он увидел небо над Москвой в оспе неприятельских аэропланов, осколки бомб, похожие на куски жести, людей, превращенных в консервную жижу.

В следующее мгновение, стиснув пустую банку, как ручную гранату, он стоял в носках в холодном коридоре и кричал в телефон.

С трудом удалось добиться ответа станции... Не менее получаса прошло, пока соединились с канцелярией вуза. Ничего определенного! Студенты побежали в институт.

На улицах всюду виднелись группы людей. Танцующий от холода розовеющий парень деловито сообщал прохожим адреса газоубежищ. Он брезгливо посмотрел на встревоженные лица Постышева и Фомина.

Трамваи, проработавшие всю ночь, везли запасных к призывным пунктам, часть служащих шла на службу пешком.

Пробегая мимо гигантского фасада Электрозавода, студенты услышали гул машин, размеренный и мужественный.

Люди на крыше с песнями натягивали над заводом искусственное небо. Примеряли маски. С Бауманской доносились взрывы «Интернационала».

Воззвание Совнаркома и декрет о мобилизации чернели на каждом углу.

Митинг

... — Слово предоставляется военруку института.

Густой студенческий митинг заполнил зал и коридор. Постышев и Фомин застряли в последних рядах.

— Прежде всего, о непосредственной воздушной опасности. На сегодня она, безусловно, исключена. При 27 градусах мороза и резком ветре воздушный налет и газовая атака невозможны. Неприятельские разведчики, доб-

равшиеся до района С., вернулись обратно, а часть их снизилась и взята в плен колхозниками (громкие аплодисменты).

— Это, конечно, ни в какой мере не избавляет нас от обязанности быть наготове каждую минуту. Тысячекилометровый рейд аэропланов с запасом бомб и бензина — практически трудно осуществим, но теоретически возможен. Вражеские эскадрильи, возможно, ждут только прекращения урагана, чтобы снова попытаться добраться до Москвы. Разумеется, они встретят сокрушительный отпор.

— Перехожу к основному, — какие обязанности налагает на нас начавшееся генеральное военное столкновение труда с капиталом. Мы неустанно твердили, что новая война может начаться внезапным нападением империалистов, и все же, оказывается, не были свободны от некоторой доли благодушия. Например, принято было думать, что войны начинаются в летний период, а никак не в середине зимы.

— Достаточно ли энергично мы вводили высшую вне-войсковую подготовку в вузах! Значительная часть студентов, — это надо прямо сказать, — не использовала в полной мере военных занятий в вузе. Наступившее военное время требует от нас немедленного крутого подъема военной учебы, постановки ее на первый план, самого жесткого контроля над усвоением военных знаний.

Голоса: — А батальон? Почему не сказали о батальоне?

— Студенческий добровольный батальон преследовал вспомогательные учебные цели. Однако, в случае нападения империалистов на мирное население красной столицы, он мог бы оказать большую помощь в обороне.

Но... батальон насчитывает едва два месяца существования, охватил всего 300 человек и провел только два занятия. Даже комсомольцы, для которых участие в батальоне обязательно, сплошь и рядом пропускали занятия.

— И вчера, во время сбора в штабе батальона, творились, мягко выражаясь, неувязки. Комбат не знал фамилий ни военкома, ни своего помощника. Тревога застала батальон врасплох. Из общежитий все же студенты прибыли быстро, а вот живущие на квартирах отстали, связь с ними не была никак налажена. Поскольку батальон собрался не в полном составе, в первую ночь он был перегружен караульной службой, а сейчас охрану сменить еще некому.

— Младший комсостав батальона состоял из студентов, бывших ранее на военной службе. Сейчас, как запасные, они отправились на призывные пункты, а батальон остался без командиров.

— Но я не сказал ни слова об энтузиазме, охватившем институт, как и всю страну. Все поголовно студенты встали в очередь на запись в батальон. Караульные несли службу по 12 часов. За два-три дня (именно столько, хотя и не больше, есть в нашем распоряжении) мы закончим формирова-

ние батальона и усиленно обучим его основным приемам противовоздушной обороны, — словом, поставим батальон на ноги.

«Отставить студенческую роту»

Военный кабинет института — эти четыре комнатки на чердаке — были забиты людьми и завалены снаряжением.

Комбат, предпрофкома Лобков и уполномоченный от комсомола по военным делам Александров после бессонной ночи продолжали работать.

О чем думал маленький подвижной Александров, глядя на остальных работников штаба?

— «Всего два дня назад ты, Лобков, прямо с непростительным равнодушием относился к работе. Целых две декады ты не мог поставить на профкоме вопрос о средствах для батальона. Военрук на собрании перечислил далеко не все недостатки. У нас ведь почти нет винтовок. Сейчас дорогое время уходит на добывание снаряжения. Два раза ты, Лобков, отнимал у нас день от занятий батальона под профработу, а занятий и так у нас было позорно мало...»

Все это маленький Александров думал, но не говорил, потому что время считал для споров неподходящим. Сейчас все не покладая рук навёрстывали упущенное. Постышеву с Фоминым обрадовались:

— Вы ведь на занятиях были! Пойдете на пост! Становитесь в коридоре.

Там уже строились два десятка студентов. Комбат с только что прибывшим представителем МВО обходили студентов.

— Винтовки еще не получены! — говорил комбат.

— Что ж, с палочками хотели нам помогать? — усмехнулся человек с ромбом. — Ну, ничего, винтовки выдадим. Рота пойдет на Окружную, на охрану погрузки боеприпасов. С уставами студенты знакомы?

— Еще не все...

Человек с ромбом задал несколько вопросов по караульной службе двум-трем студентам. Они запутались.

— Москву, по крайней мере, знаете, свой район? Где расходятся Курская и Нижегородская дороги?

Сосед Постышева покраснел:

— Я первокурсник, только что из Рязани.

— Какие подходы к вашему институту со стороны Лефортова?

— Это что — подходы?

— Отставить студенческую роту! Затребуем рабочих-металлистов, — сухо сказал человек с ромбом. Вышел из здания, сел в мотоциклетку и уехал.

У секретной лаборатории

Постышева вызвали к столу.

— Часовым у аэродинамической лаборатории имени Жуковского. У секретной лаборатории. Винтовки у нас, товарищ, для тебя нет. Получай ручную гранату. Разборку гранаты проходил? Что же молчишь? Говори: умеешь с гранатой обращаться или не умеешь?

Постышев был как раз из числа тех студентов, для которых производственная учеба плотно заслоняла военную. В памяти ясно всплыла картина. Тир. Смена стреляет. Постышев оставлен разбирать модель гранаты. Он использовал это время для других целей и сумел довольно хитро увернуться от вопросов. Ну, конечно, же, он твердо намеревался сам восполнить этот пробел в военном кабинете. Всего через неделю.

— Знаю, знаю! — выпалил он, и сам сейчас же спохватился, что делает глупость.

Разводящий уже поставил Постышева у двери на третьем этаже с надписью: «Вход посторонним воспрещен».

— Сейчас же расспрошу товарищей, граната — пустяковое дело! — успокаивал себя Постышев, и вдруг понял, что разводящий, прежде чем уйти, говорит ему что-то насчет двери. Но что именно — он прослушал. Одна ошибка повлекла за собой другую.

Со второго этажа слышались шум и движение. Да, у него были прорывы и в допризывной подготовке. Он не знал, как вызвать разводящего. Во всяком случае, с этим позорным враньем он покончит немедленно. Он уже собрался сбежать с лестницы, позвать проходивших. Но по лестнице деловым шагом поднялся человек. В пальто с воротником, без шапки, видимо, преподаватель. Бегло спросил: «Никто не проходил по коридору?» — и, не дожидаясь ответа, открыл дверь своим ключом.

— Кто вы такой? — успел спросить Постышев.

— Заведующий лабораторией! — засмеялся пришедший. — Не пускайте никого, кроме Николая Ивановича!

Постышев был полон сомнений. Но теперь он уже никак не мог отойти от двери. В лаборатории был посетитель. Зловеще проползли 10-30 минут.

Ручная граната

Разводящий и лысый в пенсне стояли перед Постышевым.

— Заведующий в лаборатории.

— Что вы бредите, он в Ленинграде. Да вы что, впустили кого-нибудь без

разводящего? Не может быть!

Кинулись к двери. Она заперта изнутри. В лаборатории тишина. У всех одна мысль: выйти он не мог. Стойте, — кажется, рядом есть запечатанная дверь. Толкнули соседнюю дверь, ока поддалась.

Тогда шпион широко растворил дверь лаборатории и в два прыжка спустился по лестнице.

Впереди всех Постышев бежал за ним по саду.

— Стой, а то гранату брошу.

— Срывай кольцо! — крикнули сбоку.

В горячке преследования он сорвал кольцо и остановился, не зная, что делать.

В этих гранатах запальник взрывается через четыре секунды после снятия кольца. Их бросают по счету.

— Бросай! — исступленно крикнул какой-то студент, отпрыгивая разом шагов на десять.

Постышев еще раз взметнул гранатой и вдруг прижал ее к груди и повалился в снег. Секунды бешено понеслись. Ему показалось, что он все еще сжимает пустую консервную банку, стоя у телефона — в коридоре.

— 1-62-30. Дайте, пожалуйста, мне очень надо! — сказал он раздельно.

Граната не взорвалась. Студент, спрятавшийся за деревом, разглядел, что пальцы Постышева судорожно зажали ударник. Он подбежал, вырвал ее из рук и надел кольцо.

Постышева подняли и повели в амбулаторию. Он увидел, как задержали шпиона, лежавшего в снегу в ожидании разрыва.

Полнота сознания вернулась к Постышеву. Он разом увидел все безумие сегодняшнего своего поведения — с начала до конца. Он не застрелится. Он понесет ответственность. Пусть, — только дали бы ему возможность хоть где-нибудь, хоть как-нибудь загладить свою вину, дали бы ему возможность принять участие в великой борьбе.

За решеткой сада раздались сигналы. Военно-химический институт вышел на охрану района. Впереди шел военрук Ильиных, огромный, железный человек с двумя орденами Красного знамени.

Химики уже год как организовали свой полк, были хорошо подготовлены, взяли первенство в походе Авиахима. Военные звенья построили они по академическим группам. По этому образцу следовало бы повести работу и в механическом институте два месяца тому назад.

Через четыре дня

Как непохож суровый подъем пролетарской Москвы на истерические

мобилизации буржуазных стран! Город, организованно выходивший на демонстрации, теперь привычным движением брал винтовку, твердо зная, с кем и за что драться. Громкоговорители разбрасывали речь Сталина, приказ Ворошилова. С верхних этажей улицы у вокзалов казались вымощенными железом шлемов.

Телефонная неразбериха в Бауманском районе была ликвидирована ударной бригадой связисток и печатников. За двое суток составили, набрали и выпустили упрощенный справочник.

В институте, в аудиториях и в коридорах всюду шло ученье. Через четыре дня батальон был уже полезной единицей обороны.

Первым в районе по военной работе остался химический институт, встретивший в полной готовности первое известие об интервенции. Индустриально-педагогический техникум также быстро выставил свой полк всех родов оружия. С винтовкой в руках, с противогазом у пояса, вузы продолжали повседневную работу, как и заводы, ни на минуту не остановившие машин.

Через месяц нападение империалистической коалиции было отбито. Постышеву товарищи дали возможность пока что загладить хотя бы часть вины усиленной учебой. Способный парень, он быстро догнал товарищей и стал образцовым батальонщиком, систематически пополняющим свои знания.

Он просит, чтобы, чего доброго, не стали по его ошибкам судить о значительной части пролетарского студенчества. Но он требует, чтобы ни один комсомолец не допустил подобных ошибок, чтобы каждый помнил, что боевая тревога возможна каждый день.

КОММЕНТАРИИ

Все включенные в настоящее издание тексты, за исключением стих. Б. Несмелова «Покрыта обувь наша пылью...», публикуются по первоизданиям.

*

Четвертый год

Четвертый год: Стихи Бориса Перелешина, Николая Тихомирова, Бориса Несмелова. Предисловие Конст. Молотова. Томск: Государственное Издательство, Томское отделение [Народная тип. № 1], 1921.

С. 21. *12 марта (27 февраля) 1917* — дата начала Февральской революции.

С. 27. ...*бойцов* — в тексте «бойцев».

С. 30. *Спасителям московской радио-станции* — Вероятно, имеется в виду постановление ВЦИК «Об организации радиотелеграфного дела РСФСР» и строительство Московской радиотелеграфной станции (1920).

А

А: Б. Перелешин, А. Ракитников, И. Соколов. 0,21 XX века. Р.С.Ф.С.Р. [М., 1921].

С. 38. ...*схватил ее* — в тексте «схаватил».

С. 38. ...*быть Иуде* — в тексте «быт Иуде».

С. 40. *Сорок на сорок* — Товарные вагоны, переоборудованные для перевозки солдат во время Первой Мировой войны, вмещали 40 человек.

С. 43. ...*остров Патмос* — библейское место получения Откровения Иоанна Богослова.

С. 45. ...*Капштад* — также Капштадт, устаревшее название Кейптауна.

С. 46. *Умру, умру от сыпного тифа...* — И. Соколов отличался патологическим страхом перед заразой, чем — в отличие от В. Маяковского, также отличавшегося этой фобией — вызывал насмешки современников.

Мозговой ражжиж

Фуисты Николай Лепок, Борис Перелешин. Мозговой ражжиж. М., мартобря год первый [1921].

Книга была выпущена с двумя вариантами обл. (бумага и серый полукартон), здесь представлен второй.

Датируется по дарственной надписи Н. Лепока на экз. из собрания А. Соболева, очевидно, обращенной к поэту и писателю В. Ковалевскому (1897-1977): «Милому Вячеславу Н. Лепок. 20/III 21 г.». Данный экз. из библиотеки Ковалевского ранее принадлежал литературоведу В. Молодякову.

Диалектика сегодня

Лепок Николай, Перелешин Борис. Диалектика сегодня: Поэмы. М.: [Тип. ГПУ], апрель 1923. На обл. перед именами авторов: Фуисты. Перед тит.: «Диалектика сегодня» выпускается в количестве 500 номерованных экземпляров. Экземпляр № ».

С. 66. *...двое* — т. е. Н. Лепок и Б. Перелешин.

Б. Перелешин. Бельма Салара

Перелешин Борис. Бельма Салара: Стихи. М.: [Тип. ГПУ], апрель 1923. На обл. перед именем автора: Фуист. Перед тит.: «Бельма Салара» выпускаются в количестве 500 номерованных экземпляров. Экземпляр № ».

С. 76. *...берегах Салара* — Салар — древний канал в Ташкенте и области (Узбекистан), изначально протока р. Чирчик.

С. 78. *...Чамганских гор* — Имеется в виду горный массив Большой Чимган в Ташкентском вилояте Узбекистана.

С. 80. *...аршинными стейерами* — Стейер (штайер) — разговорное наименование пистолетов и винтовок производства австрийской фирмы «Steyr».

С. 80. *...душили я-бло-чком и ша-рабаном* — т. е. ставшими популярными в годы Гражданской войны и известными в многочисленных вариантах песенками «Эх, яблочко, куда ты котишься» и «Шарабан» («Ах, шарабан мой, американка...»).

Б. Несмелов. Родить мужчинам

Несмелов Борис. Родить мужчинам: Поэма. М.: [Тип. ГПУ], апрель 1923. На обл. перед именем автора: Фуист. Перед тит.: «Родить мужчинам» выпускается в количестве 500 номерованных экземпляров. Экземпляр № ».

С. 85. *...«рурской оккупацией»* — Речь идет об актуальном на момент написания предисловия политическом событии — оккупации французскими и бельгийскими войсками Рурского бассейна (январь 1923) под предлогом нарушения Германией обязательств по военным репарациям.

С. 85. *...Пуанкарэи* — производное от фамилии французского политического деятеля Раймона Пуанкаре (1860-1934), в 1923 г. — премьер-министра и министра иностранных дел Франции.

С. 88. *...в лабораторию Кольцова* — Н. К. Кольцов (1872-1940) — выдающийся русский биолог, академик, создатель московского Института экспериментальной биологии.

С. 90. *...Бурлюк... с беременным мужчиной* — отсылка к стих. Д. Бурлюка «Плодоносящие» («Мне нравится беременный мужчина...», 1915).

С. 90. *...Штейнах... Воронов* — Австрийский физиолог Э. Штейнах (1861-1944) и работавший в Париже выходец из России С. Воронов (1866-1951) прославились экспериментальными операциями «омоложения» (вазолигатура, пересадка людям половых желез животных и проч.); в 1920-х гг. тема «омоложения» достигла в СССР и на Западе размеров подлинного «бума» и оказала заметное влияние на литературу и кинематограф.

С. 91. *...Нинон Ланкло* — точнее, Нинон де Ланкло (1620-1705), прославленная французская куртизанка, писательница и покровительница искусств.

С. 91. *...от второй луны — светло* — Идею «второй луны» Б. Несмелов мог почерпнуть в научно-фантастическом романе А. Трейна и Р. Вуда *Вторая Луна* (в оригинале *The Moon Maker*, 1916-1917), перевод которого начал печататься в 1922 г. в журнале «В мастерской природы».

С. 91. *...сухие, мертвые скелеты / мы жизнью одарим* — намек на «философию общего дела» Н. Федорова.

Б. Несмелов. Три стихотворения

Стих. «Покрыта обувь наша пылью...» впервые: Сибирский рассвет. 1919. № 7. Публикуется по: Алтай. 1994. № 6. Стих. «Глаза ребенка-морфинистки...» и «К оружию: — не умолкала Марсельеза...» впервые: Южный альманах. Кн. 1. Симферополь, 1922.

Б. Несмелов. Вступительные замечания к «Четырем фонетическим романам» А. Крученых

Публикуется по: Крученых А. Четыре фонетических романа. М: Изд. автора, 1927. На с. 3 статья Несмелова означена как «Предисловие»; мы позволили себе назвать ее «Вступительными замечаниями» согласно титульному листу издания.

С. 98. *...Коганов-Рогачевских* — П. С. Коган (1872-1932) — критик, литературовед, историк литературы; В. Л. Львов-Рогачевский (1873-1930) — литературовед, критик.

С. 99. *...доберман-фричей* — В. М. Фриче (1870-1929) — советский политический деятель, литературовед, преподаватель, решительный противник авангардных течений в литературе и искусстве.

Б. Перелешин. Заговор Мурман-Памир

Впервые: *Борьба миров*. 1924. №№ 1-4. Публикуется по этому изд. с исправлением очевидных опечаток и некоторых устаревших особенностей орфографии и пунктуации. Илл. Г. Клинча и Н. Лакова взяты из первоиздания.

С. 101. *...картинному выражению тов. Маканцияна... «рубить с плеча»* — цитируется следующий отрывок: «Осень 1918 года была самым бурным периодом в работе Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. Сотрудники не успевали справляться с чисткой городов и деревень от явно контр-революционного элемента, поднявшего голову и приступившего к активным действиям. Это было время, когда приходилось “рубить с плеча” и не считать ни своих жертв ни трофеев (Красная книга ВЧК. Под ред. П. Макинциана. Том I. М., 1920. С. 69).

С. 102. *Это все равно, как стихи, у которых из первых букв выходит: долой Советскую власть* — Б. Перелешину наверняка были известны опасные шутки М. Булгакова, в 1923 г. подписавшего несколько фельетонов в *Гудке* «Герасим Петрович Ухов» и «Г. П. Ухов», а также история с конфискованными ГПУ сборниками имажинистов «Все, Чем Каемся» (в свет не выходил) и «Мы Чем Каемся» (1922).

С. 106. *...просвистать «кокаинетку»* — «Кокаинетка» — песенка А. Вертинского (1916): «Что вы плачете здесь, одинокая глупая деточка / Кокаином распятая в мокрых бульварах Москвы?» и т.д.; автором слов в различных источниках означены А. Вертинский либо В. Агатов.

С. 149. *...мишалдой* — точнее нишалда, традиционный узбекский десерт.

Б. Перелешин. Сплошное солнце

Впервые: *Смена*. 1924. № 16, октябрь. Публикуется по этому изд. с исправлением очевидных опечаток и некоторых устаревших особенностей орфографии и пунктуации. Илл. М. Ягужинского взяты из первоиздания.

Приводим редакционное предисловие к первой публикации:

«Печатаемый нами рассказ тов. Перелешина основан на простом научном факте, с которым нам в жизни сплошь и рядом приходится сталкиваться. Это — так называемый “закон отражения света”.

Дело в том, что луч света, падая на какую либо поверхность, через которую он не в состоянии проникнуть (напр., зеркало), как бы отскакивает (или, как говорят, “отражается”) от нее. И при том отражается всегда под тем же самым углом, под которым он упал на эту поверхность.

Вы не раз сами замечали это, когда пускали “зайчиков”, пользуясь ярким солнцем и зеркалом.

При помощи одного крупного зеркала или, лучше всего нескольких зеркал, можно добиться того, что “зайчик” не только станет ярким и сильным, но и будет направлен по вашему желанию на любой предмет. Для этого вам надо поставить ваши зеркала таким образом, чтобы отражаемые ими лучи собирались именно на выбранной вами точке.

Этим умением “пускать зайчика” сплошь и рядом пользуется современная техника. Пример этого — хотя бы сильные прожектора (фонари), в которых свет от лампы падает на внутреннюю блестящую поверхность фонаря и отражается от нее ярким сплошным пучком света. Или — те самые “солнечные моторы” (см. очерк П. Лопатина — “Завоевание солнца” в № 8 “Смены”), в которых удается путем умелого отражения солнечных лучей от целой системы зеркал, все их направить на нагреваемый котел с водой.

Но в рассказе заметен и еще один научный факт, о котором надо сказать хотя бы несколько слов. Врачи, работая над способами лечения бессонницы, нашли, что одним из испытаннейших способов заставить больного заснуть, это — поместить перед его глазами яркий, блестящий предмет. Таким образом, человек, в глаза которого направлен “зайчик”, получит не только впечатление яркого света, но и почти всегда — желание спать. Почему это происходит — мы попробуем подробно объяснить в одном из следующих номеров нашего журнала. А теперь мы только вскользь упомянем об этом для того, чтобы читателям стали более ясными

все происки хитроумного китайца из рассказа т. Перелешина».

Б. Перелешин. Нападение

Впервые: *Смена*. 1931. № 6 (182), февраль. Публикуется по этому изд. с исправлением очевидных опечаток и некоторых устаревших особенностей орфографии и пунктуации.

Рассказ написан для специального номера журнала, посвященного подготовке СССР к будущей войне.

ОГЛАВЛЕНИЕ